

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВИЛА ИГРЫ
НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ.
ВЛАСТЬ И ДОБРОВОЛЬНЫЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
В СССР 1960 – 1990-Х ГГ.**

Пермь 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«PERM STATE UNIVERSITY»

**RULES OF THE GAME
ON A VOLUNTARY BASIS.
AUTHORITIES AND VOLUNTARY
GRASSROOTS ORGANIZATIONS
IN THE USSR, 1960s–1990s**

Perm 2023

УДК 94:061.2
ББК 63(2)+66.7
П683

П683 **Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960–1990-х гг.»** : коллективная монография / отв. ред. Г.А. Янковская / редкол.: Е.В. Матвеев, А.Р. Ехлакова, П.А. Неплюев ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2023. – 250 с.

ISBN 978-5-7944-4056-0
DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0

Издание подготовлено на основе докладов и материалов Всероссийской научной конференции «Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960–1990-х гг.», состоявшейся 26 мая 2023 г. в Пермском государственном национальном исследовательском университете. Авторами рассматриваются ин-ституциональные аспекты, нормативные основания, противоречия политэкономии советских добровольных обществ, в фокусе внимания также находится официальная риторика, неформальные коммуникации и тактики рядовых участников этих организаций и сообществ.

Издание ориентировано на представителей гуманитарного научного знания, сотрудни-ков вузов, исследовательских центров, а также всех тех, кому интересна история позднего советского общества.

УДК 94:061.2
ББК 63(2)+66.7

Рецензенты:

Е. А. Мельникова, кандидат исторических наук, доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

О. С. Нагорная, доктор исторических наук, профессор кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-41-590001 «Добровольные общества и низовые историко-культурные инициативы: трансформации позднесоветских социальных институтов и форм активности во второй половине 1980-х – 1990-е годы (региональный аспект)

Ответственный редактор: Г. А. Янковская

© Коллектив авторов, 2023

© А.Ю. Кожевникова, макет

© А.Р. Ехлакова, Е.В. Матвеев, П.А. Неплюев, Г.А. Янковская, сост., 2023

© Издательский центр ПГНИУ, 2023

ISBN 978-5-7944-4056-0

© ПГНИУ, 2023

UDC 94:061.2
LBC 63(2)+66.7

RULES OF THE GAME ON A VOLUNTARY BASIS. AUTHORITIES AND VOLUNTARY GRASSROOTS ORGANIZATIONS IN THE USSR, 1960s–1990s : a collective monograph / editor-in-Chief: G. A. Yankovskaya / ed. E. V. Matveev, A. R. Ekhlakova, and P. A. Nepliev ; Perm State University . – Perm, 2023. – 250 p.

ISBN 978-5-7944-4056-0
DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0

The publication is based on the reports and materials from the All-Russian scientific conference «Rules of the game on a voluntary basis: Authorities and voluntary grassroots organizations in the USSR, 1960s–1990s» (Perm, Perm State University, May 26, 2023). The authors critically examine the institutional aspects, normative foundations, and contradictions within the political economy of Soviet voluntary societies. Additionally, they analyze official rhetoric, informal communications, and the strategies employed by ordinary participants in these organizations and communities. The publication is intended for scholars in the humanities, university staff, researchers, and individuals with an interest in the history of late Soviet society.

UDC 94:061.2
LBC 63(2)+66.7

Reviewers:

E.A. Melnikova, Candidate of Science in History, Associate Professor, Department of History, European University in St. Petersburg

O S. Nagornaia, Doctor of Science in History, Professor, Department of Methods of Teaching History and Social Sciences, Yaroslavl State Pedagogical University

The publication was funded by the Russian Fund for Basic Research and Perm Territory, project number 20-49-590004 «Mass Voluntary Societies and Grassroots Historical and Cultural Initiatives: Transformations of Late Soviet Social Institutions and Forms of Activity in the Second Half of the 1980s – 1990s (Regional Aspect)».

Editor-in-Chief: G. A. Yankovskaya

© Collective of Authors, 2023

© A.Yu. Kozhevnikova, design

© A. R. Ekhlakova, E. V. Matveev, P. A. Nepliev, G. A. Yankovskaya, eds., 2023

© Publishing center of PSU, 2023

ISBN 978-5-7944-4056-0

© PSU, 2023

Предисловие	9
Добровольные организации в нормативных рамках и контекстах позднего советского общества	16
БОГОЛЮБОВ Е. А. Подготовка проекта закона о добровольных обществах в 1970-1980-е годы	17
ЧАЩУХИН А. В. «В добровольно-принудительном порядке». К вопросу о структурах принуждения в позднесоветское и постсоветское время	33
Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры как массовая организация: замысел и реалии	52
БОЛТУНОВА Е. М., ЕГОРОВА Г. С. Всесоюзный / Всероссийский: нереализованный проект создания Общества охраны памятников СССР	53
МАЗИЛОВА Е. А. Создание Архангельского регионального отделения ВООПИиК и организация Соловецкого музея-заповедника: исторические параллели	69
НЕПЛЮЕВ П. А. Кризис во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры: изменение правил «игры» и адаптация к новым реалиям в первой половине 1980-х гг	81
Формальное и неформальное в добровольных движениях и структурах	97
БЕКЛЕНИЩЕВА М. В. Деятельность Свердловского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы по развитию международного сотрудничества	98
БОРИСЕВИЧ Д. А. «Перед вами памятник стоит ровеснику, любимому герою»: участие советской молодежи в установке памятников погибшим в годы Великой Отечественной войны (на примере Новгородской области)	106
ВЕСЕЛКОВА Н. В. Всесоюзный поход молодежи по местам боевой славы: пределы планирования	119
ЛИ Б. Вузовские дружины по охране природы 1970 – 1980-х гг.: стратегия работы и существования неформалов в позднесоветском обществе	134

Творческие занятия и профессии: бюрократия vs самоорганизация	145
НАРСКИЙ И. В. Ансамбль народного танца «Самоцветы» как место памяти его (бывших) участников	146
САМОЙЛОВА А. М. Как это было до Рубинштейна, 13: низовые практики самоорганизации ленинградских рок-музыкантов в 1970-е гг.	163
ФОКИН А.А. Позднесоветские клубы КВН и ЧГК как пространства находимости	176
ЯНКОВСКАЯ Г. А. Арт-функционер в отставке: практики адаптации советской арт-бюрократии к переломным эпохам	190
В поисках новых ориентиров: общественные инициативы в эпоху перестройки	201
КАБАЦКОВ А. Н. «Освобожденный социализм» - кружки, клубы и общественные инициативы в Перми в эпоху Перестройки (1985-1988 гг.)	202
ЕХЛАКОВА А. Р. О чем писали современники «во власть»: репертуар общественных инициатив в годы перестройки	219
МАТВЕЕВ Е. В. Организации книголюбов в условиях перемен в 1980–1990-е гг.	230
Сведения об авторах	243
Список сокращений	246

CONTENTS

Introduction	9
Voluntary Organizations within Regulatory Frameworks and Contexts of Late Soviet Society	16
BOGOLYUBOV E. A. Preparation of the Draft Law on Voluntary Societies in the 1970-1980s	17
CHASHCHUKHIN A. V. "On a Voluntary-Compulsory Basis". on the Question of the Structures of Coercion in the Late Soviet and Post-Soviet Times	33
The All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments as a mass organization: idea and reality	52
BOLTUNOVA E. M. , EGOROVA G. S. All-Union / All-Russian: Unrealized Project of the Soviet Society for Monuments' Protection	53
MAZILOVA E. A. VOPIK Arkhangelsk Regional Branch Establishment and the Solovetsky Museum-Reserve Organization: Historical Parallels	69
NEPLIUEV P. A. Crisis in the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: Changing the Rules of the "Game" and Adapting to New Realities in the First Half of the 1980s	81
Formal and informal in voluntary movements and structures	97
BEKLENISHCHEVA M. V. Activities of the Sverdlovsk Branch of the Society of Soviet Czechoslovak Friendship for the Development of International Cooperation	98
BORISEVICH D. A. "Before You There Stands a Monument to a Peer, a Favourite Hero": Participation of Soviet Youth in Installation of Monuments to Those Who Died During the Great Patriotic War Based on the Example of the Novgorod Region)	106
VESELKOVA N. V. All-Union Youth Tour Around Sites of Military Glory: Planning Limits	119
LEE BYONGYEOB. Nature Conservation Druzhiny of Soviet Universities in the 1970s and 1980s: Activities and Survival Strategies for the Informals in the Late Soviet Society	134

CONTENTS

Creative activities and professions: bureaucracy vs self-organization	145
NARSKY I. V. Folk Dance Ensemble "Samotsvety" as a Place of Memory of its (Former) Participants	146
SAMOYLOVA A. M. Before Rubinstein Street, 13: Self-Organization of Rock Musicians "From Below" in the 1970s	164
FOKIN A. A. Late Soviet Clubs: KVN as a Space of Nakhodimost	176
YANKOVSKAYA G. A. Retired Functionary: the Practices / Experience of Soviet Art-Bureaucracy Adaptation to Turning Points in Cultural Epochs	190
Seeking New Directions: Grassroots Initiatives During the Perestroika Era	201
KABATSKOV A. N. "Liberated Socialism": Circles, Clubs and Public Initiatives in Perm in the Era of Perestroika (1985–1988)	202
EKHLAKOVA A. R. What Contemporaries Wrote to the Editorial Board: Factor of Public Initiative During the Years of Perestroika (Based on Perm Newspapers)	219
MATVEEV E. V. Book Lovers Organizations Under Conditions of Change in the 1980s and 1990s	230
Information about authors	243
List of abbreviations	246

В центре внимания авторов предлагаемого издания – добровольные общественные организации, движения, инициативы в период позднего социализма и первого постсоветского десятилетия. Они были разнородными по сферам деятельности участников и сформировались в разных исторических контекстах. Но любая из них можно назвать «большим советским проектом» – будь то добровольные дружины по охране природы, массовая танцевальная самодеятельность или Клуб Веселых и Находчивых.

Эти массовые по составу организации (некоторые из них многомиллионные) представляли собой сложный микст инициатив, инспирированных властью, низового социокультурного активизма, тактик «маленького человека», адаптирующегося к существующему социально-политическому контексту. Большие проекты позднего советского времени, такие как Всесоюзное общество книголюбов (создано в 1974 г.), Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (учреждено в 1965 г.) и многие другие, – находили отклик у граждан. Они ложились на подготовленную почву локального активизма, были частью большого «исторического поворота» к региональной истории и поискам локальной идентичности в политике и идеологии власти, риторике разных групп советского общества. Будучи формальными структурами, созданными сверху, они играли роль буфера между советским обществом и властью, являлись классическим примером «третьего» места – вне дома и работы, пространством самореализации и самовыражения, неформальной коммуникации для советского человека.

Распад СССР стал вызовом для всех советских форм «совместности», в том числе и для добровольных обществ и движений. Некоторые из них были локальными по «количественным показателям» (неформальное объединение – предтеча ленинградского рок-клуба). Другие отличались невероятным охватом населения СССР: в середине 1980-х гг. численность Общества книголюбов была сопоставима с численностью членов КПСС. Одни структуры

не выдержали пресса социальных трансформаций (Союз художников СССР), другие успешно функционируют в современной России (милитарные патриотические движения молодежи). Потенциал адаптации советских массовых обществ и инициатив к новым социально-политическим обстоятельствам, наработанные ими форматы социальных коммуникаций оказываются востребованными в современном российском обществе. Многие страницы истории создания и деятельности этих формальных и неформальных структур еще не привлекали внимания исследователей либо нуждаются в новых объяснительных моделях и трактовках.

Именно эти мотивы стали импульсом к организации Всероссийской научной конференции «Правила игры на общественных началах: Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960 – 1990-х гг.», подготовленной сотрудниками кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета и состоявшейся 26 мая 2023 г. В конференции приняли участие представители вузов, исследовательских центров, музеев из Перми, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Симферополя, Новгорода, Тюмени, Архангельска, Челябинска. Участники обсуждений представляли устно-исторические проекты, диссертационные исследования, результаты архивных и полевых проектов.

Какие факторы определяли «выживаемость» советских феноменов в переломную эпоху второй половины 1980-х, в 1990-е и последующие годы – так можно было бы сформулировать ключевой исследовательский вопрос для большинства участников конференции и соавторов представляемого издания. Авторский коллектив составляют исследователи с разным академическим опытом и методологическим бэкграундом. Это обстоятельство делает звучание текстов книги «живым» и адекватным состоянию исследовательского поля.

Структурно публикация разделена на пять тематических блоков. Открывает книгу статья Е.А. Боголюбова, затрагивающая проблему юридической регламентации добровольных обществ в СССР. Автор подробно останавливается на противоречивой ситуации отсутствия в советской правовой системе законов, регулирующих деятельность добровольных организаций в позднем СССР. Он отмечает, что соответствующие юридические нормы, принятые в РСФСР в 1932 г., к шестидесятым годам, устарели фактически и не использовались. Советские органы власти предпринимали попытки усовершенствования законодательства в этой области, которые не были результативны. Опираясь

на ранее не публиковавшиеся документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Е.А. Боголюбов предлагает свои трактовки причин подобного положения дел.

А. В. Чашухин, рассматривая социальные спектакли, организованные представителями власти различных уровней, использует понятийный аппарат теории фреймов И. Гофмана. Это позволяет говорить не столько о содержании, сколько о формах реализации власти на уровне повседневности, фокусировать внимание не столько на социальных группах или организациях, сколько на смене социальных контекстов и декораций общественно-политических мероприятий. Выбранная автором оптика предлагает модель исследования, посредством которой становится возможным по-новому взглянуть на трансформации позднесоветского в «постсоветское».

Во втором разделе авторы раскрывают спектр дискуссионных и сложных вопросов, касающихся деятельности организации, которая в целом не страдает от недостатка исследовательского внимания. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры неоднократно становилось объектом диссертационных исследований, мониторинга различных аспектов ее активностей, интерпретации ее инициатив в политическом измерении. Однако в этой книге ВООПИК рассматривается как массовая организация с точки зрения ее институциональных особенностей и политэкономии.

Открывает раздел статья Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой. В ней на материалах центральных архивов Российской Федерации (РГАНИ, ГАРФ) и республики Беларусь (БГАНДТ) исследуется проблема, которая ранее оставалась за пределами внимания: соотношение республиканских и союзных проектов создания общества охраны памятников. Авторы убедительно и детально поясняют причины и обстоятельства, в которых, несмотря на функционирование обществ охраны памятников в союзных советских республиках, Всесоюзное общество охраны памятников истории (ВООПИК¹) и культуры так и не было создано.

В статье Е.А. Мазиловой рассмотрен кейс создания Архангельского отделения ВООПИК и активизации региональной деятельности по охране памятников истории культуры, в том числе создание музея-заповедника на Соловках. Используя материалы Государственного архива Архангельской области, автор изучает проблему агентности

¹ В различных документах и публикациях используются два варианта сокращенного написания этой общественной организации: ВООПИК и ВООПик. На страницах этого издания используется единый вариант сокращения: ВООПИК.

региональных активистов в структурах ВООПИК, их первые шаги в рамках этой организации.

Завершает этот раздел материал П.А. Неплюева, предлагающего взглянуть на ВООПИК как на феномен позднесоветского добровольного общества с точки зрения принципов его политэкономии. Автор выдвигает оригинальный и полемичный тезис о кризисе в развитии Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, обусловленном значительными изменениями в принципах его функционирования и финансирования задолго до распада советских структур на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

В третьей части собраны работы исследователей, рассматривающих проблему соотношения формальных и неформальных «правил игры», деклараций и практик на примерах разных «отраслевых» массовых организаций. Так, М.В. Бекленищева представляет деятельность Свердловского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы на основе материалов архивов, музеев и личных воспоминаний участников. Автор в целом не выходит за рамки официального дискурса, характерного для описаний такого института народной дипломатии, как советские общества дружбы, информируя об образовательных, спортивных, научных контактах, выездном международном туризме, осуществляемых по линии таких организаций. Существенное внимание уделено взаимодействию этого общества и партийных структур.

Д.А. Борисевич на материале ранее неопубликованных документов, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области, проанализировал добровольческую инициативу пионеров и комсомольцев, направленную на установку памятников участникам Великой Отечественной войны. Автор делает выводы о формировании у молодежи локального патриотизма, маркеров идентичности, специфичных для этой территории среди других областей РСФСР.

Б. Ли на основании исследования законодательных, делопроизводственных, а также неопубликованных архивных источников разворачивает картину многоаспектной активности вузовских дружин по охране природы, действовавших в Московском государственном университете. Ценными являются идеи автора, попытавшегося реконструировать отношения инициативных групп с официальными инстанциями природоохраны, такими как ВЛКСМ и ВООП. Им раскрывается механизм «использования» дружинами советского общественно-политического строя в своих интересах.

В статье Н.В. Веселковой предлагается глубокий анализ возникновения «Всесоюзного похода по местам боевой славы» как еще одной инициативы 1960-х годов с выявлением основных акторов, тем, мест, сюжетов, региональной специфики. Затрагивается важный момент о развороте этого движения от целей пропаганды исключительно боевой славы времен Великой Отечественной войны к «революционной, боевой, трудовой» славе, что было обусловлено спецификой регионов СССР, далеко не каждый из которых был полем боя.

Следующий тематический блок освещает сферы, связанные с самореализацией и творческими профессиями в СССР. И.В. Нарский на примере танцевального ансамбля дворца культуры Челябинского тракторостроительного завода анализирует процесс освоения руководителями и участниками художественной самодеятельности государственного проекта, который, в свою очередь, был нацелен на огосударствление досуга граждан. Автор рассматривает самодеятельный ансамбль «Самоцветы» как место памяти его участников, беря за основу концепты флюидного текста и культурной памяти.

А.М. Самойлова знакомит с промежуточными результатами изучения предьстории Ленинградского рок-клуба, описывая попытки организации музыкального клуба «снизу», со стороны рок-музыкантов. По мнению автора, создание новой площадки стало ярким примером того, как низовая инициатива была поддержана и встроена в советский ландшафт без потери изначального смысла.

В статье Г.А. Янковской на материалах ранее не публиковавшихся дел из архивных документов Российского государственного архива литературы и искусства рассматриваются риторика и тактики адаптации к эпохе бурной социально-политической динамики функционеров, встроженных в систему Союза художников СССР, оказавшихся в ситуации вынужденной отставки с ранее занимаемых властных позиций.

А.А. Фокин представляет другую грань советских массовых движений, вскоре трансформировавшихся в постсоветские креативные индустрии. Отталкиваясь от концепции А. Юрчака, исследователь предлагает модель интерпретации «Клуба веселых и находчивых» как социального пространства «находимости».

В финальном тематическом блоке собраны статьи, раскрывающие разные грани стремительно меняющегося социального контекста деятельности общественных организаций и низовых инициатив, что было характерно для эпохи перестройки.

А.Н. Кабацков выявляет формы и характер низовой политической активности в условиях реформ советского общества в 1985–1988 гг. На основе ряда источников предпринята попытка реконструировать восприятие идей перестройки в студенческом сообществе. В центре внимания – побуждения, ценностные ориентиры и мотивация молодых историков, дискуссия между студентами и преподавателями на историческом факультете Пермского государственного университета. Особую ценность этой статье придает опора на уникальное историческое свидетельство – студенческий дневник одного из действующих лиц этой истории.

А.Р. Ехлакова рассматривает «письма в редакцию» советских городских общественно-политических газет. Автор анализирует спектр тех общественных инициатив, которые выносятся в публичное пространство благодаря медийной коммуникации.

Завершает это коллективное исследование статья Е.В. Матвеева об изменениях в работе Всесоюзного общества любителей книги в период перестройки. Автор выявляет пути развития объединений книголюбов на постсоветском этапе и факторы, которые способствовали выживанию региональных российских организаций и структур в бывших советских республиках в 1990-е гг.

Представляется, что с разной степенью убедительности, тем не менее авторскому коллективу удалось выявить модели, форматы, сценарии трансформации массовых общественных организаций позднесоветского общества в условиях бурной социально-политической и экономической динамики второй половины 1980–1990-х годов; соотнести добровольческий и бюрократический компоненты в их деятельности, выявить механизмы взаимодействия массовых организаций, движений и низовых инициатив с органами государственной власти СССР в позднесоветский период; определить агентов изменений и охарактеризовать применяемые ими тактики.

Конференция и ее логическое продолжение в виде издания коллективной монографии вряд ли бы состоялись без совместной поддержки со стороны Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Пермского края нашей грантовой заявки «Добровольные общества и низовые историко-культурные инициативы: трансформации позднесоветских социальных институтов и форм активности во второй половине 1980-х – 1990-е годы (региональный аспект)». Мы выражаем признательность за возможность архивных поисков, стимулы к подготовке диссертаций (за три года реализации проекта

состоялась защита кандидатской диссертации, другое исследование прошло предзащиту). Еще одним результатом проекта стал подготовленный к печати сборник архивных документов, публикация которого состоится в 2024 г. Онлайн-продвижение хода и результатов проекта проходило в социальных сетях под хэштегом «Общества прошлого». Надеемся, что публикации на страницах этого издания послужат импульсами для новых исследований и научных дискуссий.

А.Р. Ехлакова,
Е.В. Матвеев,
П.А. Неплюев,
Г.А. Янковская

**ДОБРОВОЛЬНЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ
В НОРМАТИВНЫХ
РАМКАХ
И КОНТЕКСТАХ
ПОЗДНЕГО
СОВЕТСКОГО
ОБЩЕСТВА**

ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА ЗАКОНА О ДОБРОВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ В 1970–1980-Е ГОДЫ

**БОГОЛЮБОВ ЕГОР
АНДРЕЕВИЧ**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-17-32

© Боголюбов Е. А.

АННОТАЦИЯ

Начиная с 1960-х гг. в юридической литературе обсуждалась необходимость разработки нового закона о добровольных обществах и союзах, поскольку законодательство 1930-х гг. устарело и не применялось на практике. Ученые-юристы предлагали издать как единый закон об общественных организациях, так и отдельные акты о добровольных обществах и творческих союзах. Из-за того что Положение о добровольных обществах и союзах 1932 г. фактически не действовало, оно не было включено в собрания действующего законодательства СССР и РСФСР. В ходе подготовки Свода законов СССР была поставлена задача разработать закон СССР «О добровольных обществах и союзах». Начиная с 1980 г. в Совет министров СССР было внесено 7 проектов будущего закона, однако они так и не были направлены в Верховный Совет СССР. Совет министров СССР считал принятие такого закона нецелесообразным, поскольку процедура образования новых обществ уже была отлажена, а контроль за их деятельностью осуществлялся со стороны партийных органов.

Ключевые слова: общественные организации, добровольные общества, творческие союзы, собрание законодательства, Свод законов СССР, Конституция 1977 г., советский период.

PREPARATION OF THE DRAFT LAW ON VOLUNTARY SOCIETIES IN THE 1970-1980S

Egor A. Bogolyubov
HSE University (Saint Petersburg)

Abstract.

Since the 1960s, legal literature has discussed the need to develop a new law on voluntary societies and unions, as long as the legislation of the 1930s outdated and was not applied in practice. Legal scholars proposed to issue both a single law on public organizations and separate acts on voluntary societies and creative unions. Due to the fact that the Regulation on Voluntary Societies and Unions of 1932 was not actually in effect, it was not included in the collections of the current legislation of the USSR and the RSFSR. During the preparation of the Code of Laws of the USSR, the law of the USSR «On Voluntary Societies and Unions» was set to be drafted. Since 1980, 7 drafts of the upcoming law had been submitted to the Council of Ministers of the USSR,

but they had not been sent to the Supreme Soviet of the USSR. The Council of Ministers of the USSR considered the adoption of this law impractical, since the procedure for the formation of new societies had already been rectified, and control over their activities was administered by party bodies.

Key words: public organizations, voluntary societies, creative unions, collection of legislation, Code of Laws of the USSR, Constitution of 1977, Soviet period.

Большинство исследований, посвященных правовому регулированию деятельности добровольных обществ и союзов в советский период, охватывают период до 1930-х гг. В РСФСР в 1932 г. было принято Положение о добровольных обществах и союзах¹ (далее – Положение 1932 г.), которое долгое время сохраняло юридическую силу. Следующим актом, регламентирующим права и обязанности добровольных обществ, стал закон СССР «Об общественных объединениях»² 1990 г. Может сложиться впечатление, что с 1932 г. по 1990 г. не существовало вообще никакого правового регулирования [Туманова, 2019, с. 454], однако это не совсем так. Действительно, в это время не было принято единого правового акта о добровольных обществах и союзах. Статус таких объединений во многом определялся уставами, которые закрепляли их права и обязанности, а также разными законами и подзаконными актами, которые чаще всего включали отдельные положения о конкретных обществах. Кроме того, в это же время предпринимались попытки разработать новый закон о добровольных обществах и союзах.

На то, что Положение 1932 г. фактически не применяется, исследователи начали обращать внимание с середины 1960-х гг. В 1964 г. В.В. Кравченко указывал, что Положение 1932 г. уже во многом устарело и потеряло свое практическое значение, «так как не соответствует задачам социалистического строительства» [Кравченко, 1964, с. 21]. Такого же мнения придерживались и другие ученые [Щиглик, 1971, с. 21].

А.И. Щиглик выделил несколько причин, из-за которых Положение 1932 г. фактически переросло старые законодательные рамки о добровольных обществах. «Во-первых, произошли существенные изменения в системе добровольных обществ. [...] Во-вторых, отдельные виды добровольных обществ, например творческие союзы СССР, выделились из системы добровольных обществ и стали самостоятельным видом общественных организаций, на которые законодательство о добровольных обществах не распространяется. В-третьих, изменились формы и

¹ Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 // СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331.А.

² Об общественных объединениях: Закон СССР от 09.10.1990 № 1708-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 17.10.1990. № 42. Ст. 839.

методы государственного руководства добровольными обществами, изжил себя административно-политический надзор за их деятельностью. В-четвертых, добровольные общества выросли численно, окрепли организационно, незыблемыми стали принципы их внутрисоюзной жизни. В-пятых, многие нормы формально действующего законодательства устарели в связи с исчезновением тех общественных отношений, на регулирование которых они были направлены (например, ограничения для вступления в общества по признаку лишения избирательных прав и др.)» [Щиглик, 1971, с. 25–26].

Кроме того, в послевоенный период изменился порядок образования добровольных обществ. Н.И. Данченко назвал его «смешанным»: «в зависимости от целей добровольных обществ используется несколько систем их образования и правового режима. Сложившийся и оправдавший себя порядок целесообразно было бы закрепить законодательно» [Данченко, 1978, с. 193].

Добровольные общества и союзы учреждались в это время совсем не так, как предписывалось Положением 1932 г. Одни уставы могли утверждаться органами общественных организаций (например, устав Всесоюзного научно-технического общества был утвержден Президиумом ВЦСПС), другие – не утверждаться вообще (например, устав Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами). Такие отступления рассматривались В.В. Кравченко как проявление «роста авторитета и силы общественных организаций, расширения объема компетенции, повышения значения и роли их как активных участников общественных отношений» [Кравченко, 1964, с. 21–22].

Приведенные данные говорят о том, что в рассматриваемый период существовало индивидуальное правовое регулирование деятельности добровольных обществ и союзов. Уже на этапе создания добровольных обществ решался вопрос о том, как именно будет происходить его учреждение. Положение 1932 г. было забыто в послевоенное время, так как в нем не было норм, предполагающих утверждение уставов обществ другими общественными организациями. И совсем невозможным с точки зрения Положения 1932 г. виделась активная работа добровольного общества, устав которого никем не был утвержден. В таких условиях и появились различные предложения о реформировании законодательства о добровольных обществах.

В советской юридической литературе существовала дискуссия о том, каким именно должен быть новый закон. Одни ученые предлагали создать единый закон для всех общественных организаций. По мнению

А.Ф. Брянского, по форме это мог быть либо отдельный закон об общественных организациях, либо Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о праве на объединение в общественные организации [Брянский, 1964, с. 14].

Любопытным представляется предложение о создании Основ законодательства. Такого рода документы начали активно принимать со второй половины 1950-х гг., поскольку начался процесс перераспределения законодательных полномочий между союзным центром и республиками. На уровне СССР принимались Основы законодательства Союза ССР и союзных республик, а на уровне союзной республики – кодекс, конкретизирующий и дополняющий положения Основ. С 1958 г. и до принятия Конституции 1977 г. было подготовлено и введено в действие 15 общесоюзных актов [Ящук, 2022, с. 384].

Предложение А.Ф. Брянского о создании Основ согласовывалось с процессами кодификации советского законодательства того времени. Получается, что Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о праве на объединение в общественные организации должны были сформировать базовые положения об общественных организациях, а уже на республиканском уровне должны были быть приняты конкретизирующие эти положения акты.

В.С. Основин также предлагал создать единый акт об общественных организациях, который должен был регулировать деятельность как общественных организаций, перечисленных в ст. 126 Конституции 1936 г., так и неупомянутых в ней самостоятельных организаций. К последним он относил комитеты домов и улиц, лавочные комиссии потребительской кооперации, попечительские, библиотечные, женские советы и многие другие общественные организации [Основин, 1968, с. 117].

А.И. Щиглик полагал, что нет необходимости в создании единого акта об общественных организациях. По его мнению, не совсем ясно, что именно должно содержаться в таком акте, поскольку общие вопросы положения общественных организаций уже закреплены на конституционном уровне. При наличии специальных законов об отдельных организациях (о профсоюзах, молодежи и др.) наличие закона об общественных организациях было бы излишним посредствующим звеном между Конституцией и указанными законами [Щиглик, 1977, с. 239]. К его словам следует добавить, что создание единого акта вызвало бы значительные затруднения, поскольку существовали различные виды общественных организаций, такие как КПСС, ВЛКСМ, профсоюзы, кооперативы, добровольные общества и творческие союзы. Этот акт

получился бы слишком общим, поскольку объединял бы непохожие как по статусу, так и по принципам правового регулирования общественные организации.

Другая точка зрения была представлена авторами, которые предлагали создать отдельный закон о добровольных обществах. Еще в 1964 г. В.В. Кравченко предлагал заменить Положение 1932 г. новым узаконением о добровольных обществах [Кравченко, 1964, с. 112]. Этому подходу придерживался и А.И. Щиглик. Он считал, что правовое регулирование данного закона должно распространяться на основополагающие принципы создания и деятельности всех добровольных обществ, а также затрагивать внешние полномочия как всех обществ в целом, так и отдельных их видов [Щиглик, 1971, с. 21], за союзными республиками следовало сохранить право на принятие Положений о республиканских и местных добровольных обществах [Там же, с. 28].

Таким образом, активная научная дискуссия 1960–1970-х гг. создала базу для будущих законодательных преобразований в сфере добровольных обществ. Помимо критики старого законодательства, ученые-юристы отмечали те противоречия, которые существовали в управлении деятельностью добровольных обществ. Они фиксировали и обобщали практику образования обществ и союзов, изучали формы взаимодействия с партией и другими общественными организациями. Все эти наработки впоследствии будут учтены при разработке будущего закона.

Ключевой причиной создания нового закона о добровольных обществах и союзах стала систематизация советского законодательства, проводившаяся с середины 1950-х гг. В это время началась подготовка Систематического собрания действующего законодательства СССР, для чего требовалось провести ревизию нормативных актов с целью выявления устаревших актов, противоречащих действующему законодательству.

В первоначальной схеме Собрания предполагалось 36 разделов. Последний раздел должен был называться «Общественные организации». В отличие от других разделов, некоторые из которых были выделены по отраслевому признаку, последний раздел был выделен по субъекту права [Ящук, 2021, с. 138]. Наличие такого раздела обосновывалось в советской юридической науке. Ученые высказывали предложения по выделению специальной отрасли законодательства, которая должна была строиться по принципу относимости правовых актов к тому или иному виду общественных организаций. Эта отрасль законодательства должна была стать органической частью свода законов Советского государства [Щиглик, 1977, с. 236].

В таблице «Соотношение системы советского права и кодификации его отраслей» отмечалось, что указанный раздел частично кодифицирован, поскольку существовали положения о добровольных обществах и их союзах в РСФСР и других союзных республиках [Ящук, 2021, с. 137]. Здесь важно отметить, что указанные положения относились исключительно к добровольным обществам и их союзам и не покрывали правового регулирования всех общественных организаций. Эти положения имели юридическую силу только в союзных республиках, где они были приняты. Такие законодательные акты были в РСФСР, Грузинской, Туркменской, Азербайджанской, Украинской, Белорусской ССР [Добровольные общества, 1976, с. 149].

Упоминание в таблице республиканских актов неслучайно. На общесоюзном уровне существовало постановление ЦИК и СНК СССР от 6 января 1930 г. «О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли»³. Его действительно нельзя назвать кодификационным актом, поскольку в нем не содержалось норм материального права. Процедура учреждения и ликвидации всесоюзных обществ, согласно этому постановлению, регулировалась на уровне той союзной республики, где размещалось правление общества.

В другой версии схемы будущего Собрания уже появляется раздел под названием «Добровольные общества» [Ящук, 2021, с. 139]. Аналогичное понятие встречается в Собраниях действующего законодательства союзных республик. Ученые отмечали, что использование этого понятия некорректно, поскольку в этот раздел входило законодательство не только о добровольных обществах, но и о других общественных организациях, например о творческих союзах [Добровольные общества, 1976, с. 9].

Работа над Систематическим собранием действующего законодательства РСФСР началась в 1962 г. Предполагалось, что оно будет опубликовано в 1962–1964 гг. [Ящук, 2021, с. 143–144]. Вскоре стало понятно, что за столь короткий срок подготовить собрание не получится. Было предложено перенести публикацию на 1965–1966 годы. Из плана работы над разделами собрания видно, что к III кварталу 1965 г. работа над разделом «Общественные организации. Добровольные общества. Творческие союзы» должна была быть закончена [Там же, с. 149–150].

³ О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 06.01.1930 // СЗ СССР. 1930. № 7. Ст. 76.

Собрание действующего законодательства СССР в 50 томах было опубликовано в 1973–1974 гг. В нем не содержалось отдельного раздела о добровольных обществах [Там же, с. 140–141]. Издание Систематического собрания действующего законодательства РСФСР состоялось в 1977–1982 гг. [Там же, с. 158]. Ни в одном собрании Положение 1932 г. не приводилось. Не выделялось даже специального раздела об общественных организациях.

Возможная причина кроется в том, что авторы собраний старались избегать включения в него устаревших законов. Например, так было с Положением о государственном нотариате, которое спешно разрабатывалось для включения в собрание [Там же, с. 155–156]. По мнению судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева, и буква, и дух Положения 1932 г. уже противоречили Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г., с конца 1950-х гг. оно практически не применялось и даже перестало включаться в сборники действующих законодательных актов⁴.

Должно быть, разработчики собраний это тоже прекрасно осознавали. Выявленное в ходе работы над собраниями устаревшее законодательство послужило толчком к созданию нового закона, который должен был закрепить существующее правовое положение добровольных обществ.

Новый виток работы с законодательством о добровольных обществах начался с 1976 г. В этом году было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О подготовке и издании Свода законов СССР»⁵. В документе говорилось о необходимости создания кодифицированных и иных укрупненных актов, а также актов, необходимых для устранения имеющихся в законодательстве пробелов. В том числе и для этого была сформирована специальная комиссия, которая должна была также предложить схему будущего Свода.

После принятия 7 октября 1977 г. Конституции СССР было издано постановление Совета министров СССР от 30 декабря 1977 г. «Об организации работы по приведению законодательных актов СССР и решений Правительства СССР в соответствие с Конституцией СССР»⁶.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 18.03.1993. № 11. Ст. 400.

⁵ О подготовке и издании Свода законов СССР: Постановление ЦК КПСС, Президиума ВС СССР, Совмина СССР от 02.09.1976 № 716 // Ведомости ВС СССР. 1976. № 37. Ст. 515.

В нем были перечислены акты, которые нужно было разработать заново, и акты, в которые необходимо было внести изменения. Среди этого перечня не было указано закона о добровольных обществах.

Однако И.Н. Стрекалов обращает внимание на постановление Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1977 г., в котором был представлен список актов, необходимых для реализации положений Основного закона. В этом списке был и закон о добровольных обществах и союзах [Стрекалов, 2018, с. 369].

В РСФСР в 1978 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «Об организации работы по приведению законодательных актов РСФСР и решений правительства РСФСР в соответствие с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР»⁷, но в нем не было указаний на разработку республиканского закона о добровольных обществах.

Первое упоминание необходимости разработки закона встречается в постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР от 23 марта 1978 г. «Вопросы Свода законов СССР»⁸. В перечне актов, подлежащих разработке и включению в Свод законов СССР, было указано, что до мая 1980 г. необходимо подготовить закон СССР «О добровольных обществах и союзах». К разработке закона привлекались Минюст СССР, Академия наук СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Комитет народного контроля СССР, Минфин СССР, Минкультуры СССР, МВД СССР, Прокуратура СССР. Таким образом, было положено начало созданию нового закона о добровольных обществах и союзах на общесоюзном уровне.

Постановление также содержало схему будущего Свода законов СССР. В разделе I «Законодательство об общественном и государственном строе» должна была быть глава 7 «Трудовые коллективы. Общественные организации. Добровольные общества и союзы». В итоговом варианте Свода законов СССР, изданном в 1980–1985 гг., из названия главы упоминание добровольных обществ и союзов исчезло [Яшук, 2021, с. 198], но сама глава осталась. В нее вошли указ Верховного Совета

⁶ Об организации работы по приведению законодательных актов СССР и решений Правительства СССР в соответствие с Конституцией СССР: Постановление Совмина СССР от 30.12.1977 № 1135 // СП СССР. 1978. № 2. Ст. 8.

⁷ Об организации работы по приведению законодательных актов РСФСР и решений правительства РСФСР в соответствие с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.06.1978 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

⁸ Вопросы Свода законов СССР: Постановление ЦК КПСС, Президиума ВС СССР, Совмина СССР от 23.03.1978 № 229 // Ведомости ВС СССР. 1978, № 15. Ст. 239.

СССР о правах профсоюзов, акты о трудовых коллективах, позже туда был включен закон о кооперации⁹. После издания первого тома Свода законов СССР среди его недостатков было отмечено, в частности, отсутствие закона о добровольных обществах и союзах [XXVI съезд КПСС, 1984, с. 48].

В постановлении «О подготовке и издании Свода законов СССР» подчеркивалась целесообразность создания Сводов законов и в союзных республиках. Реализовывая это положение, Президиум Верховного Совета РСФСР и Совет министров РСФСР приняли совместные постановления: «О подготовке и издании Свода законов РСФСР»¹⁰ и «Вопросы Свода законов РСФСР»¹¹. Последнее постановление, как и аналогичное постановление на общесоюзном уровне, содержало перечень актов, которые необходимо было разработать для включения в Свод законов РСФСР. В нем не было указания на закон о добровольных обществах. В этом же документе содержалась схема будущего Свода. В разделе I «Законодательство об общественном и государственном строе» должна была быть глава 7 «Общественные организации. Добровольные общества и союзы». В отличие от общесоюзного Свода, где глава «Общественные организации. Трудовые коллективы» была сохранена, в опубликованном Своде законов РСФСР, работа над которым была завершена в конце 1986 г., такой главы не было¹².

16 июня 1980 г. в Совет министров СССР был внесен первый проект закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах»¹³. Сначала стоит обратить внимание на его название. Во всех постановлениях, которые предусматривали создание данного закона, в названии не упоминались творческие союзы. Авторы проекта закона в справке указали, что необходимо урегулировать правовое положение творческих союзов в СССР, однако, по их мнению, издание специального акта о них является нецелесообразным. Исходя из этого, было принято решение изменить название и содержание закона¹⁴.

⁹ Свод законов СССР. Т. 1. М.: Известия, 1989. 653 с.

¹⁰ О подготовке и издании Свода законов РСФСР: Постановление Президиума ВС РСФСР, Совмина РСФСР от 03.11.1976 № 593 // Ведомости ВС РСФСР. 1976. № 45. Ст. 1329.

¹¹ Вопросы Свода законов РСФСР: Постановление Президиума ВС РСФСР, Совмина РСФСР от 13.02.1979 № 93 // СП РСФСР. 1979. № 7. Ст. 35.

¹² Свод законов РСФСР. Т. 1. М.: Советская Россия, 1983. 900 с.

¹³ Проект закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 1-13.

¹⁴ Справка к проекту Закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 14-16.

В советской юридической литературе не было единого понимания места творческих союзов в системе действующего законодательства. Некоторые исследователи считали, что творческие союзы являются разновидностью добровольных обществ, другие полагали, что творческие союзы – это самостоятельный вид общественных организаций [Творческие союзы, 1970, с. 7–8]. В монографии, посвященной данному вопросу, убедительно доказывалось, что на творческие союзы нельзя распространять действие Положения 1932 г., поскольку творческие союзы обладают определенной спецификой [Там же, с. 12–18]. Организационно-правовой статус творческих союзов определялся Конституцией СССР и их уставами, которые не являлись нормативными правовыми актами. Авторы предлагали закрепить правовые основы организации и деятельности творческих союзов либо в общесоюзном законе об общественных организациях, либо в специальном общесоюзном нормативном акте о творческих союзах. В этих актах предлагалось отразить внешние полномочия творческих союзов, т.е. их взаимодействие с государственными и общественными органами [Там же, с. 18–20].

Как мы видим, авторы закона пошли иным путем. В первом проекте закона они предложили объединить в рамках одного нормативного правового акта добровольные общества и творческие союзы. В разработке закона принимали участие органы, указанные в постановлении «Вопросы Свода законов СССР», а также творческие союзы СССР и некоторые добровольные общества¹⁵. В проекте закона было четыре раздела: «Общие положения», «Добровольные общества и их союзы», «Творческие союзы» и «Заключительные положения».

Поскольку добровольные общества и творческие союзы имели тесные отношения с различными государственными и общественными органами, которые не участвовали в разработке закона, было принято решение направить проект закона этим органам¹⁶ и советам министров союзных республик. В отзывах на проект практически все они ответили, что не имеют замечаний. Лишь некоторые отмечали, что не следует устанавливать жесткие требования к возрасту членов добровольных обществ (в проекте было указано, что вступать в них могут

¹⁵ Союз кинематографистов СССР, Союз композиторов СССР, Союз художников СССР, Союз писателей СССР, Союз журналистов СССР, Всесоюзное общество «Знание», ДОСААФ СССР, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Союз архитекторов СССР посчитал нецелесообразным издание единого закона о добровольных обществах и творческих союзов (О проекте Закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах») // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 16 об.

¹⁶ Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике, Минздрав СССР, МИД СССР, Минобороны СССР, Госкино СССР, Госкомиздат СССР, Госпрофобр СССР, КГБ СССР, Спорткомитет СССР // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 17.

только совершеннолетние граждане)¹⁷. Поступали замечания и юридико-технического характера.

15 августа 1980 г. было принято решение доработать проект закона с учетом поступивших замечаний и предложений¹⁸. В результате был представлен новый проект закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах»¹⁹. Вопрос о возрасте участников был решен следующим образом. По общему правилу членами могли быть совершеннолетние граждане СССР, однако уставом добровольного общества мог быть предусмотрен и иной возраст. В уставе можно было прописать и возможность вступления в ряды общества иностранных граждан, постоянно проживающих в СССР.

Однако и этот проект был вновь отправлен на доработку 6 апреля 1981 г. Причиной стало то, что проект был подготовлен до XXVI съезда КПСС, поэтому в нем не были отражены положения доклада Л.И. Брежнева и другие материалы съезда, в которых говорилось о повышении роли добровольных обществ и творческих союзов в жизни страны²⁰.

Третий проект закона был рассмотрен на Президиуме Совета министров СССР 27 ноября 1981 г. Закон дополнился преамбулой, были уточнены принципы организации добровольных обществ и творческих союзов, внесены другие редакционные изменения²¹. Однако в остальном текст практически не изменился²².

Управление делами Совета министров СССР подготовило отрицательную справку на законопроект, где ставило под сомнение целесообразность издания этого закона²³. Решением Президиума Совета министров СССР от 23 декабря 1981 г. проект закона был вновь отправлен на доработку. Минюсту СССР и другим ответственным органам поручалось проверить положения закона на соответствие Конституции СССР, обосновать изменение порядка образования и ликвидации добро-

¹⁷ Ответ Госпрофобра СССР // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 22; ответ Спорткомитета СССР // Там же. Л. 32; ответ Совета министров РСФСР // Там же. Л. 34.

¹⁸ О проекте закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 43.

¹⁹ Проект закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 49-57.

²⁰ О проекте закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 58.

²¹ Там же. Л. 59-60.

²² Проект закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 61-75.

²³ Справка к проекту закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 77-78.

вольных обществ и творческих союзов. Кроме того, необходимо было обосновать целесообразность разработки самого закона²⁴. Последнее поручение выглядит несколько странным, ведь разработка закона была начата после издания постановления «Вопросы Свода законов СССР», где прямо говорилось о необходимости разработки этого закона. Причем постановление было издано совместно с Советом министров СССР.

Четвертый вариант проекта закона был представлен 21 марта 1982 г.²⁵ Целесообразность закона обосновывалась следующим образом: «Принятие закона позволит создать необходимую правовую базу для более эффективной деятельности добровольных обществ и творческих союзов, призванных играть важную роль в развитии творческой инициативы и самостоятельности трудящихся, повышении общественно-политической активности каждого гражданина СССР, формировании нового человека – активного строителя коммунистического общества»²⁶.

В справке к этому варианту текста закона говорилось, что разработчики так и не обосновали необходимость принятия закона. В последнем пункте справки отмечалось следующее: «В настоящее время регламентации образования добровольных обществ и творческих союзов в законодательстве нет и образование их на практике не вызывает трудностей. Установление этих правил может рассматриваться как ограничение предусмотренного Конституцией СССР права граждан на объединение в такие общественные организации, как добровольные общества и творческие союзы»²⁷. Здесь прямо признавалось, что положения 1930-х гг. на практике не применялись, а образование добровольных обществ и творческих союзов на деле происходило без оглядки на нормы права, что не мешало им нормально функционировать. С этой точки зрения закон действительно видится лишним и нежелательным.

9 апреля 1982 г. Совет министров СССР поручил обсудить вопрос о целесообразности закона с ВЦСПС, творческими союзами, министерствами и ведомствами и доложить о результатах²⁸.

²⁴ Выписка из протокола заседания Президиума Совета министров СССР от 23.12.1981 № 59 // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 79.

²⁵ Проект закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 84-99.

²⁶ О проекте закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 83.

²⁷ Справка к проекту закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 101-104.

²⁸ Выписка из протокола заседания Президиума Совета министров СССР от 09.04.1982. № 14 // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 105.

В пояснительной записке к пятому проекту закона говорится, что разработка закона ведется в соответствии с постановлением «Вопросы Свода законов СССР», а также потому что действующее законодательство было принято в 1929–1933 гг. и в значительной мере устарело²⁹.

Закон поступил в Совет министров СССР 6 августа 1982 г. Управление делами Совета министров СССР вновь не нашло в пояснительной записке к закону обоснования необходимости законодательной регламентации. Также было указано, что издание этого закона «может побудить диссидентствующие и паразитирующие элементы к обращению в государственные органы с вопросами о создании различных обществ под видом культурно-просветительских, научных, патриотических и др.». Управление внимательно изучило постановление «Вопросы Свода законов СССР» и указало, что в нем ничего не говорилось о творческих союзах. Их руководство осуществляется ЦК КПСС³⁰, и поэтому законодательного регулирования быть не должно. Последние два замечания к проекту закона не указывались в предыдущих справках и появляются здесь впервые.

22 сентября 1982 г. Совет министров СССР вновь рассмотрел проект закона и вновь усомнился в его целесообразности, поручив рассмотреть этот вопрос, и предложил издать законодательный акт в виде указа Президиума Верховного Совета СССР³¹.

22 декабря 1982 г. проект указа был внесен в Совет министров СССР³², что стало уже шестым его рассмотрением. В справке, подготовленной Управлением делами Совета министров СССР 22 августа 1983 г., говорилось, что проект указа необходимо доработать вновь. В этот раз разработчикам рекомендовалось учесть решения июньского 1983 г. Пленума ЦК КПСС, речь Ю.В. Андропова на этом Пленуме, постановление КЦ КПСС от 24 мая 1983 г. «Об упорядочении деятельности добровольных обществ», а также положения закона СССР «О трудовых коллективах»³³.

²⁹ О проекте закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 106.

³⁰ Справка к проекту закона СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 123-127.

³¹ Выписка из протокола заседания Президиума Совета министров СССР от 22.09.1982 № 46 // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 128.

³² О проекте указа Президиума Верховного Совета СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 144.

³³ Справка к проекту указа Президиума Верховного Совета СССР «О добровольных обществах и творческих союзах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 145-147.

Вероятно, в конце 1983 г. был представлен седьмой вариант проекта. На этот раз было решено издать два указа Президиума Верховного Совета СССР: «О порядке организации творческих союзов» и «О добровольных обществах»³⁴. Однако и это не спасло указы. Летом 1984 г. Управление делами Совета министров СССР вновь отрицательно отозвалось о проектах, но в этот раз добавился новый аргумент. В декабре 1983 г. проекты указов по поручению Г.А. Алиева были направлены секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину. Отдел пропаганды, отдел культуры и отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС выступили категорически против принятия любых нормативных актов о работе добровольных обществ и творческих союзов. С опорой на решение этих отделов было заключено, что «в настоящее время нет практической потребности в принятии подготовленных проектов указов»³⁵.

Таким образом, закон о добровольных обществах так и не был принят. О его необходимости ученые-юристы говорили с 1960-х гг. В процессе подготовки собраний действующего законодательства СССР и РСФСР было выявлено, что в стране отсутствует актуальное правовое регулирование в сфере добровольных обществ. При составлении Свода законов СССР было решено восполнить этот пробел и создать закон СССР «О добровольных обществах и союзах». Семь проектов закона, которые были внесены в Совет министров СССР, были им отклонены, по сути, из-за ненужности. Существовавший в то время порядок создания добровольных обществ и контроль за ними всех устраивал. В новом законе видели скорее угрозу, поскольку в нем прямо предусматривалась возможность создания добровольных обществ по инициативе граждан. По мнению Управления делами Совета министров СССР, этим могли воспользоваться диссиденты, которые могли потребовать легализовать их деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы государственно-правовой науки / отв. ред. Е.И. Козлова М.: РИО ВЮЗИ, 1984. 113 с.
- Брянский А.Ф. Право граждан СССР на объединение в общественные организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 16 с.
- Данченко Н.И. Общественные организации СССР в условиях развитого социализма. Киев: Наукова думка, 1978. 235 с.
- Добровольные общества при социализме / отв. ред. Ц.А. Ямпольская. М.: Наука, 1976. 372 с.

³⁴ Проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке организации творческих союзов» и проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О добровольных обществах» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 151-164.

³⁵ О проектах указов Президиума Верховного Совета СССР «О добровольных обществах» и «О порядке организации творческих союзов» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1169. Л. 165-166.

Кравченко В.В. Добровольные общества в СССР и их правовое положение. М.: Юридическая литература, 1964. 115 с.

Оснoвин В.С. Об основах правового положения общественных организаций в СССР // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 116–119.

Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018. 432 с.

Творческие союзы в СССР (организационно-правовые вопросы) / под ред. Ц.А. Ямпольской. М.: Юридическая литература, 1970. 287 с.

Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 480 с.

Шиглик А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование. М.: Наука, 1977. 253 с.

Шиглик А.И. Совершенствование законодательства о добровольных обществах // Советское государство и право. 1971. № 4. С. 21–28.

Ящук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2021. 414 с.

Ящук Т.Ф. Этапы кодификации отечественного законодательства // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Междунар. науч. конф., Омск, 25–26 марта 2022 г. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2022. С. 381–386.

REFERENCES

- (1970) Tvorcheskie soyuzy v SSSR (organizacionno-pravovye voprosy) [Creative unions in the USSR (organizational and legal issues)], Yuridicheskaya literature, Moscow, USSR, 287 p.
- (1976) Dobvol'nye obshchestva pri socializme [Voluntary societies under socialism], Nauka, Moscow, USSR, 372 p.
- (1984) XXVI s"ezd KPSS i aktual'nye problemy gosudarstvenno-pravovoj nauki [XXVI Congress of the CPSU and actual problems of state-legal science], RIO VYUZI, Moscow, USSR, 113 p.
- Bryanskij A.F. (1964) Pravo grazhdan SSSR na ob"edinenie v obshchestvennye organizacii [The right of citizens of the USSR to unite in public organizations], Extended abstract of PhD dissertation, Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR, 16 p.
- Danchenko N.I. (1978) Obshchestvennye organizacii SSSR v usloviyah razvitogo socializma [Public organizations of the USSR in the conditions of developed socialism], Nauk. dumka, Kiev, USSR, 235 p.
- Kravchenko V.V. (1964) Dobvol'nye obshchestva v SSSR i ih pravovoe polozhenie [Voluntary societies in the USSR and their legal status], Yuridicheskaya literature, Moscow, USSR, 115 p.
- Osnovin V.S. (1968) Ob osnovah pravovogo polozheniya obshchestvennykh organizacij v SSSR [On the fundamentals of the legal status of public organizations in the USSR], Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law], № 5, pp. 116-119.
- Shchiglik A.I. (1971) Sovershenstvovanie zakonodatel'stva o dobrovol'nykh obshchestvakh [Improvement of legislation on voluntary societies], Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law], № 4, pp. 21-28.
- Shchiglik A.I. (1977) Zakonomernosti stanovleniya i razvitiya obshchestvennykh organizacij v SSSR. Politiko-pravovoe issledovanie [Patterns of formation and development of public organizations in the USSR. Political and legal research], Nauka, Moscow, USSR, 253 p.
- Strekalov I.N. (2018) Poslednyaya Konstituciya Sovetskogo Soyuz. K voprosu o sozdanii [The Last Constitution of the Soviet Union. To the question of creation], Algoritm, Moscow, Russia, 432 p.
- Tumanova A.S. (2019) Obshchestvennye organizacii v Rossii: pravovoe polozhenie. 1860–1930-e gg. [Public organizations in Russia: the legal situation. 1860-1930s], Prospekt, Moscow, Russia, 480 p.
- Yashchuk T.F. (2021) Sistematzaciya rossijskogo zakonodatel'stva v sovetskij period [Systematization of Russian legislation in the Soviet period], Omskij gosudarstvennyj

universitet im. F.M. Dostoevskogo, Omsk, Russia, 414 p.

Yashchuk T.F. (2022) Etapy kodifikacii otechestvennogo zakonodatel'stva [Stages of codification of domestic legislation], Pravoprimerenie v publichnom i chastnom prave : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Omsk, 25–26 marta 2022 goda [Law Enforcement in Public and Private Law : Proceedings of the International Scientific Conference, Omsk, March 25-26, 2022], Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, Omsk, Russia, pp. 381-386.

«В ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ». К ВОПРОСУ О СТРУКТУРАХ ПРИНУЖДЕНИЯ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

ЧАЩУХИН АЛЕКСАНДР
ВАЛЕРЬЕВИЧ

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

DOI: 0.17072/978-5-7944-4056-0-33-51

© Чашухин А. В.

АННОТАЦИЯ

Ироничное выражение «в добровольно-принудительном порядке» знакомо каждому человеку, живущему в нашей стране. Речь идет о внешне добровольных действиях индивида или группы лиц в условиях непрямого/неофициального/полуофициального принуждения. Эти практики были хорошо знакомы советскому человеку в различных формах: организация первомайской демонстрации, сбор денег председателем месткома, организация явки на официальное мероприятие. Традиционно принято обращать внимание на формализацию и содержательное выхолащивание этих мероприятий в позднесоветское время. Между тем вызывает удивление важный элемент «добровольного принуждения» – отсутствие проблематичности для организаторов этих социальных интеракций. Несмотря на внешнюю абсурдность многих мероприятий, инициаторы низовой активности оценивали проводимые мероприятия как весьма успешные. Несмотря на внутреннее отчуждение от происходящего, добровольно принуждаемые участники не нарушали правил социальных спектаклей. Удивительно, но подобные формы организации/контроля оказались весьма протяженными по времени, дойдя в несколько измененной форме до наших дней. В статье делается попытка представить историко-социологическую модель анализа указанных выше социально-политических коммуникаций. Эта модель представляет собой адаптацию понятийного аппарата теории фреймов И. Гофмана, что позволяет по-новому рассматривать советские и постсоветские публичные ритуалы.

Ключевые слова: фреймы, дистанция, абсурд, транспонирование, сцена, социальный спектакль.

"ON A VOLUNTARY-COMPULSORY BASIS". ON THE QUESTION OF THE
STRUCTURES OF COERCION IN THE LATE SOVIET AND POST-SOVIET TIMES

Alexander V. Chashchukhin
Perm State University

Abstract.

The ironic expression in "voluntarily-forcibly" is familiar to every person living in our country. We are talking about externally voluntary actions of an individual or a group of persons in conditions of indirect/unofficial/semi-official coercion. These practices were well known to the Soviet people in various forms: organizing a May Day demonstration, collecting money by the chairman of the local committee, organizing an appearance at an official event. Traditionally, it is customary to pay attention to the formalization and meaningful emasculation of these events in the late Soviet period. Meanwhile, an important element of "voluntary coercion" is surprising – the absence of problems for the organizers of these social interactions. Despite the external absurdity of many events, the initiators of grassroots activism assessed the events as very successful. Despite the internal alienation/distancing, the voluntarily forced participants did not violate the rules of social performances. Surprisingly, such forms of organization/control turned out to be very long in time, having reached the present day in a slightly modified form. The article attempts to present a historical and sociological model of the analysis of the above socio-political communications. This model is an adaptation of the conceptual apparatus of I. Hoffman's frame theory, which makes it possible to consider Soviet and post-Soviet public rituals in a new way.

Key words: frames, distance, absurdity, transposition, stage, social performance.

Выражение «в добровольно-принудительном порядке» для нашего соотечественника выглядит узнаваемым. Студенты, преподаватели вузов, школьные учителя, офисные работники и рабочие предприятий нередко оказываются в ситуациях, когда формально добровольное действие на деле оказывается одним из вариантов инициируемого сверху распоряжения. К подобным ситуациям может относиться посещение публичного мероприятия, сбор средств или подписей. Ироничная интонация, с которой произносится выражение «в добровольно-принудительном порядке», указывает на некое противоречие: готовность выполнить распоряжение руководителя с сохранением внутренней дистанции к происходящему. Иными словами, активист, откликающийся мгновенно на призывы начальства, действует в иной логике. Перед нами скорее проявление лояльного подчиненного, внутренне не принимающего смыслов того или иного организованного мероприятия, но вынужденного при этом временно следовать правилам навязанной игры.

Попытаемся продемонстрировать добровольно-принудительный порядок на примере одного события, свидетелем и участником которого был автор этой статьи. Несколько лет назад в социальных сетях и корпоративной рассылке одного из пермских вузов появился анонс мероприятия со странным названием «Архиффест». Синтетический термин, состоящий из двух слов «архив» и «фестиваль», в прежние времена представить было сложно. Использование этих лексем относилось к различным институциям. Действительно, фестивальные мероприятия имели прописку в учреждениях, относящихся к культурному ведомству – театрам и филармониям. Для архивного анонса гораздо уместнее

выглядело бы сообщение о предстоящей конференции или о планируемом совещании. Между тем в контексте культурной повестки того времени «Архifest» не выглядел совсем необычно. Так называемая культурная революция в Перми завершалась не одномоментно. Ее наиболее продолжительным направлением была театральная политика, связанная с деятельностью Теодора Курентзиса – на тот момент художественного руководителя Пермского театра оперы и балета. Регулярные фестивали нередко выходили за границы самого театра. В данном случае часть театральной повестки оказалась привязана... к Государственному архиву Пермского края. Инициатива родилась в стенах архива не случайно. Руководитель этого учреждения имел давние связи с театральной средой, в своих публичных презентациях демонстрировал знания и компетенции эксперта в области классической музыки. Наверное, не будет преувеличением сказать, музыкально-театральная экспертиза стала неотъемлемой частью его идентичности, предъявляемой в публичном пространстве. Добавим, в кресло директора архива он пришел из стен вуза, в котором до того заведовал одной из кафедр. Это предварительное вступление нам было необходимо, чтобы понять контекст мероприятия, которое сейчас будет описано.

Итак, в рамках программы «Архifest» проходил творческий вечер, встреча с известным музыкантом-виолончелистом, исполнителем классической музыки. Руководство архива в силу прежних связей тесно сотрудничало с пермским вузом. Именно поэтому руководство учебного заведения и студенты были приглашены на это мероприятие. Впрочем, по отношению к молодежи слово «приглашены» требует кавычек. Сценарий подготовки встречи был хорошо узнаваемым. Студентам «настоятельно рекомендовали» обязательно прийти на это мероприятие. Добровольно-принудительный режим редко вызывает удовлетворение. В таких случаях находится небольшое количество «оппозиционеров», игнорирующих распоряжения свыше. Доля тех, кто открыто выражает энтузиазм в ответ на инициативу начальства, тоже относительно невелика. Большинство демонстрирует ту или иную степень отчуждения, высказывает в своем кругу недовольство, но при этом соблюдает внешнюю лояльность, исполняя волю руководства. В той ситуации автор не был сторонним наблюдателем. В силу того, что он исполнял обязанности руководителя одной из образовательных программ, именно на его плечи руководство вуза возложило обязанность «организации явки» студентов, которым необходимо «повышать свой культурный уровень»¹.

¹ Аргумент, использованный руководством вуза для обоснования распоряжения, выходящего за рамки функционала образовательной деятельности.

Чуть позже мы рассмотрим принятые способы добровольно-принудительной мобилизации. Пока же обратим внимание на само мероприятие. Как уже говорилось, оно представляло собой творческую встречу с известным виолончелистом. На сайте архива сохранился фотоотчет, благодаря которому можно увидеть героя встречи и присутствующую публику². В первых рядах сидят почетные гости – начальство и гости вуза, руководители двух пермских театров, депутат городской думы. В самом зале видны присутствующие разного возраста, среди которых около 70 процентов молодежь. Это и есть упомянутые студенты. На их лицах читается внимание к происходящему – сосредоточенная серьезность взглядов, подчеркнутое погружение в происходящее действие. Не будем обманываться. Если бы мы начали смотреть фильм Андрея Звягинцева «Возвращение» с последних кадров, где демонстрируются фото счастливых героев, мы бы предположили, что перед нами кинолента, наполненная социальным оптимизмом³. Так же и здесь. Напряженное внимание студентов – не более чем отработанное «управление впечатлением» и «покровительственные действия» в терминологии И. Гофмана [Гофман, 2000, с. 274–279], следствие видимой для них работы фотографа, объектив которого фиксировал происходящее со стороны сцены.

С последних рядов мне были прекрасно видны иные реакции студентов, которые они тщательно скрывали от организаторов: закатывание глаз, надувание щек, перешептывание и неслышный хохот. Их можно было понять. Абсурдность происходящего заключалась в следующем. Большинство студентов (первокурсников) в тот момент не являлись поклонниками классической музыки. Практически никто из них не имел представления о музыканте, на творческий вечер которого они вынуждены были прийти.

Возможность насладиться высоким искусством на этой встрече тоже отсутствовала. Музыкант не исполнял музыкальные произведения. Взаимодействие виолончелиста с публикой происходило в вербальном режиме в форме рассказа о себе, перемежающегося ответами на вопросы. Таким образом, за исключением двух-трех человек, которых можно было бы отнести к культурным экспертам, заинтересованным в разговоре с известным музыкантом, большинство присутствовавших на мероприятии не только не имело представлений о творчестве исполнителя, но и не могло с этим творчеством ознакомиться на встрече. При этом высказываемое до и после встречи недовольство

² URL: http://www.archive.perm.ru/about/news/arkhifest-opened-in-perm-russia-s-first-archival-festival/?special_version=Y (дата обращения: 25.07.2023)

³ «Возвращение». Фильм. Реж. А. Звягинцев. 2003

не помешало большинству незаинтересованных участников массовки правильно сыграть свою роль: тихо сидеть два часа и слушать. Точнее – напряженно изображать «внимательное слушание», компенсируя его скрытой «неправильной» активностью, которую можно трактовать и как сопротивление, и как конвенциональную форму вежливости.

В этой ситуации вызывает удивление не противоречие между «неподдельным вниманием» и «скрываемым неповиновением» студентов. Последнее германский историк А. Людке назвал бы, наверное, проявлением *Eigensinn* (своеволия, независимости) [Людке, 2010, С. 88–89; 96–102]. Удивляет другое. Большинство присутствующих знало о фабрикации происходящего. Музыкант был одним из немногих участников, кто мог искренне предполагать, что на встречу с ним пришли заинтересованные слушатели. Руководители архива и вуза знали о том, что музыкант не известен «массовке», не могли не иметь представления о принудительном и формальном характере присутствия студентов на этом мероприятии хотя бы в силу того, что сами были властным источником «принуждения к явке». Просветительский эффект этого мероприятия был либо равен нулю, либо способен на долгое время отбить интерес к классике. Между тем в глазах руководителей это мероприятие было успешным. Встреча прошла на высоком уровне, была правильно организована, студенты и преподаватели должным образом сыграли свои роли.

С их позиций этот успех определялся следующими результатами: явка состоялась (зал был наполнен людьми), присутствующие правильным образом изображали внимание, некоторые еще и задавали заранее подготовленные вопросы. Происходящее было задокументировано в форме фотоотчета, который был использован в новостной ленте на сайтах и социальных сетях двух организаций. По отношению к студентам правомерен другой вопрос. Что заставляло их играть мучительную роль в двухчасовой пьесе, которая со стороны выглядела столь абсурдной? Опасение возможных санкций могло заставить студентов прийти на мероприятие. Но почему именно таким образом они проигрывали отведенную им роль, не сговариваясь предварительно друг с другом? Через день на семинаре с их стороны мне был задан вопрос о том, почему я ушел раньше. Это действительно было так, ведь я благо-разумно занял последний ряд, что позволяло, не привлекая внимания, удалиться до окончания действия, в котором я вынужденно играл роль «мобилизатора-контролера». Мой встречный вопрос: «А почему этого не смогли сделать Вы?» вызвал у студентов искреннее удивление. На этом семинаре мы разбирали отрывок из книги И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни». Собственно, единственным

аргументом, «легальным» с точки зрения образовательных практик для организации явки на творческую встречу и было предварительное информирование студентов о том, что впечатления от этой встречи будут в дальнейшем использованы на занятии.

По своей форме этот случай, несмотря на абсурдность, вряд ли был исключительным. В качестве примера приведем подобную ситуацию, разворачивающуюся примерно на десять лет раньше в иных институтах⁴. Руководство одного из пермских предприятий, организовав встречу работников с кандидатом в Законодательное собрание Пермского края, в добровольно-принудительном порядке обязало сотрудников присутствовать на ней. В силу того, что встреча проводилась внезапно, в авральном режиме, организаторы столкнулись с проблемой явки. Проблема, впрочем, была решена. Организаторы смогли заполнить большую часть актового зала. Правда, участниками этой встречи оказались представители специфической группы работников, трудоустроенных на этом предприятии. Ими были... глухонемые. Не секрет, что еще с советских времен на вредных производствах, связанных с повышенным уровнем шума, использовалась эта категория работников, имеющих ограничения по здоровью.

Практика сохранялась и в постсоветское время. Абсурдность ситуации для этих и остальных работников предприятия была очевидна. Понять выступающего, даже читая по губам, большая часть участников была не в состоянии. Задать вопрос – тем более. Как и в первом случае, одним из немногих непосвященных был сам выступающий. Между тем руководство предприятия посчитало встречу успешно проведенной. Как и в предыдущем примере, абсурдность ситуации была видна тому (в данном случае – информанту), кто наблюдал «внутреннюю кухню» мероприятия, имея при этом возможность сохранять личную дистанцию. Таким образом, сама видимость абсурда для наблюдателя предполагает позицию, в которой становится возможным остранение. Последнее предполагает наличие некоей дистанции между наблюдателем и происходящим. Эта дистанция позволяет не только видеть абсурд, но и задавать исследовательские вопросы. Почему абсурдные мероприятия, основанные на добровольно-принудительном порядке, интерпретируются как успешные их организаторами? Что заставляет людей подчиняться неофициальному принуждению, предполагающему серьезный телесный самоконтроль в заданной ситуации? Каким образом участники принимают подобные ситуации как типичные, что позволяет им организованно следовать предписанному сценарию? Можно ли гово-

⁴ Интервью с Б-вым, юриконсультлом пермского предприятия. 28.10.2007 // Личный архив автора.

речь об исторической традиции и (или) преемственности этой формы властной коммуникации?

Попробуем сначала ответить на последний вопрос. Определяя ту или иную ситуацию, мы нередко типизируем видимое событие на основе примеров, которые почерпнули из опосредованного знания – профессионального опыта, литературы и кинематографа. В данном случае видится сходство с сюжетом известной песни А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира»⁵. Организованный политический митинг, призванный продемонстрировать солидарность советских трудящихся с внешнеполитической линией государства, на деле оказывается фабрикацией действия. Досадная ошибка инструктора, вручившего главному герою песни не тот «авторский» текст выступления, оказывается незамеченной никем из присутствующих. За исключением самого Клим Петровича, от лица которого поет автор. Ему, единственному из участников митинга, видна абсурдность происходящего действия, которое вынуждает его говорить от лица противоположного гендера: «Израильская, – говорю, – военщина / Известна всему свету! / Как мать, – говорю, – и как женщина / Требую их к ответу!».

Содержательно совершенно иная, но структурно схожая ситуация обнаруживается в сцене фильма Георгия Данелии «Афоня»⁶. Напомним сцену собрания трудового коллектива, занимающегося воспитанием главного героя, моральный облик которого не соответствует образу советского труженика. Присутствующие коллеги демонстрирует отчужденность, желают быстрее закончить мероприятие для того, чтобы погрузиться в домашний просмотр многосерийного фильма по телевизору. При этом персонажам прекрасно известны правила игры и сценарий собрания. Что нужно сделать организатору после зачитывания перед собранием сообщения из милиции о хулиганском поведении Афони? Обратиться к трудовому коллективу: «Какие будут предложения?». Как быстрее закончить неинтересное собрание, отвлекающее от важных домашних дел? «Поставить Борщеву на вид» и разойтись по домам. Почему нельзя в качестве наказания нельзя «поставить на вид»? Потому что эта санкция уже в прошлом применялась к Афоне. Комический эффект достигается посредством того, что главный герой сам подсказывает руководству следующую по жесткости меру воздействия – «строгое с предупреждением». При этом коллега, которая всерьез пытается играть роль нерав-

⁵ Галич А. О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=4071> (дата обращения: 25.07.2023)

⁶ «Афоня». Фильм. Реж. Г. Данелия. СССР. Киностудия «Мосфильм», 1975. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L9НАТyYkZLs&t=904s> (дата обращения: 25.07.2023)

нодушного к судьбе Афони члена трудового коллектива, выглядит в этой сцене чужеродной как по отношению к присутствующим, так и по отношению к зрителю.

Итак, мы описали четыре события, которые выглядят совершенно по-разному с содержательной и функциональной точек зрения. Что может быть общего у культурного просвещения молодежи, политической агитации, демонстрации солидарности с курсом партии и правительством и коллективным перевоспитанием проштрафившегося коллеги? События, удаленные друг от друга во времени, различные по назначению, объединяет ощущение абсурдности, которая становится заметной с позиции наблюдателя. Благодаря этой позиции мы видим в этих событиях общий знаменатель в виде некоей схожей драматургии, согласно которой разыгрываются столь содержательно несхожие между собой действия. В силу того, что этот опыт обнаруживается как в современных российских реалиях, так и в позднесоветском прошлом, мы можем говорить об исторической устойчивости традиции, которая проявляется не столько в содержании, сколько в форме организации того или иного публичного мероприятия. Драматургия этих мероприятий предполагает «принуждение к явке» при соблюдении негласной конвенции, согласно которой от участников требуется формально-телесное исполнение роли, но не предполагается интериоризация декларируемых мероприятием смыслов.

Для того чтобы понять, почему возможна эта конвенция, вернемся к тем вопросам, на которые мы попытались ответить выше. Почему для организаторов абсурдных действий проведенные мероприятия выглядели успешными? Что заставляло участников мириться с принуждением? Напомним, для начальства смысл мероприятия заключался в демонстративной отчетности, выражаемой известным выражением «поставить галочку». Для подчиняющихся указанным манипуляциям – в демонстрации внешней лояльности, которая помогает избежать возможных санкций со стороны начальства. Такая, назовем ее циничной, трактовка происходящего может быть принята в качестве объяснительной схемы.

Между тем у подобной интерпретации есть некоторые границы. Это суждение исходит из посылки, согласно которой субъекты в каждый момент происходящего руководствуются схожими смыслами, отвечая на вопрос «Зачем мы это делаем?». Иными словами, исполнители одной роли должны во время описываемого действия постоянно думать о некоем отчете, который продемонстрирует работу заведений в публичном пространстве. Исполнители роли рядовых участников озабочены проявлением лояльности, за которой скрывается опасение воз-

возможного применения санкций со стороны руководства. Достигаемая при этом релевантность перспектив приводит к известному суждению о раздвоенности сознания, двойной морали, о циничном исполнении ролей в процессе публичной коммуникации, что неизбежно отсылает нас к знакомым нарративам о позднесоветском / постсоветском массовом сознании. Указанные нарративы могут представлять собой публицистику или претендовать на статус научной модели, которая была сконструирована много лет назад российскими социологами в рамках емкой и точной фразы «человек лукавый» [Левада, 2000, с. 423–442; Гудков 2009, с. 8–37].

Попытка иначе понять советского человека, его взаимодействие с формами идеологии и контроля была предпринята А. Юрчаком, предложившим концепт «внеаходимости», под которой понималась трансформация повседневных смыслов при сохранении внешней незыблемости советских институтов [Юрчак, 2014, с. 255–305]. Обратим внимание на важную черту, которая объединяет столь разное понимание советского человека. Модели «человека лукавого» и «внеаходимости» предполагают выявление субъективных смыслов, которые вкладывает субъект в свои повседневные действия. Разница лишь в том, что в первом случае «человек лукавый» цинично проигрывает свою публичную роль, а во втором – не замечает противоречий между идеологией и повседневными смыслами в силу содержательного выхолащивания политического языка и переименования авторитетного дискурса.

При этом оказывается не вполне понятно, в какой момент взаимодействия сами участники приписывают своим действиям смысл. На стадии проектирования? В процессе взаимодействия? Или постфактум оправдывая свои действия в условиях абсурдной ситуации? Ответить на эти вопросы едва ли представляется возможным. Интервью как источник фиксирует рефлексию респондента постфактум. Эвристические возможности дневника тоже имеют границы в силу того, что автор производит нарратив обычно за пределами описываемого события, как правило в приватном пространстве. Наблюдение является продуктивным для описания телесного и предметного взаимодействия, но редко дает возможность фиксировать смыслы происходящего.

Приписываемые действиям смыслы являются неотъемлемой частью феноменологической интерпретации повседневности, восходящей к концептуальному аппарату М. Вебера [Вебер, 2006, с. 453–468]. Между тем фокусировка исследовательского внимания только на смысловом поле повседневного взаимодействия может оставить незаметными иные уровни социальной интеракции. Напомним, абсурдность, объеди-

няющая все приведенные примеры относится скорее не к поведению самих участников разыгрываемых спектаклей, а к смысловому наполнению события со стороны рассказчика/наблюдателя. Для большинства участников описываемых мероприятий исполняемая роль была им знакома и привычна, не вызывала замешательства в процессе исполнения. Скрываемое сопротивление только подтверждало это правило, ведь никто из рядовых участников не решился на открытое неповиновение в форме демарша.

Попробуем вслед за И. Гофманом поставить вопрос иначе: «Что здесь происходит?» [Гофман, 2003, с. 68]. В этом случае сама рутина – организованная сцена, локализация людей в той или иной пространственной зоне, сценарные рамки действия будут рассматриваться не столько с позиций конструируемых участниками смыслов, сколько с позиций фреймов. Под ними мы, вслед за В. Вахштайном*, понимаем «собирательное обозначение контекста..., который наделяется автономным, независимым от конкретных практик существованием. Представляет собой устойчивую структуру из знаний и ожиданий». [Вахштайн, 2011, с. 41] Подробно разбирая различные версии фрейм-анализа, В. Вахштайн приводит такое понимание фрейма Г. Бейтсоном: «Метакоммуникативное образование, сообщение о сообщениях», которое не сводится к остальным элементам коммуникации и не выводится из них. «Не принадлежит ни содержанию (деятельности во фрейме), ни окружению (деятельности за фреймом)» [Вахштайн, 2011, с. 47].

Под метакоммуникативностью в данном случае понимается коммуникативный сигнал, направляющий ход интеракции [Вахштайн, 2011, с. 194–195]. Подобные сигналы позволяют определить ситуацию и принять правила игры типизированного социального спектакля – партийного собрания, торжественного банкета или дружеской вечеринки. Несводимость фрейма к конкретной интеракции «здесь-и-сейчас» обеспечивает его устойчивость. Напомним, в своем позднем труде И. Гофман подверг критике известную в социологии теорему Томаса [Гофман, 2003, с. 61–62]. В основании этой критики находится суждение о том, что в процессе повседневной интеракции мы действительно определяем ситуацию, но в большинстве случаев делаем это бесппроблемно. Иными словами, по мнению И. Гофмана, ситуации не конструируются постоянно «здесь-и-сейчас», как правило мы имеем дело с готовыми схемами интерпретации, которые в силу полученного социального опыта довольно успешно распознаются. Это и есть фреймы, понимаемые одновременно как матрица важных событий и как схема

* Признан Министерством Юстиции РФ иностранным агентом.

интерпретаций. Эта двойственность – готовый объективный сценарий социального взаимодействия и субъективная схема наблюдателя предполагает заложенное во фрейме свойство изоморфизма [Гофман, 2003, с. 86; Вахштайн, 2011, с. 195]. Этот изоморфизм виден не только в процессе указанных коммуникаций, но и после их завершения. Так, автор рассказывал об этих случаях своим коллегам в кулуарной обстановке. Неизменные улыбки или смех со стороны слушателей сигнализировали с одной стороны, о наличии смыслового единства жизненных миров рассказчика и слушателя, демонстрировали общее понимание смешного. С другой стороны, сама по себе ситуация рассказа о веселом и (или) абсурдном событии являлась фреймом, который задавал сценарий коммуникации, разворачивающихся в обстановке неформального общения в форме интонаций, последовательности рассказа и взаимных ожидаемых реакций.

Итак, добровольно-принудительный порядок можно рассматривать как набор фреймов, которые задают в схожих условиях сценарии действия, независимые от содержательной стороны событий. При этом важным свойством фреймов является возможность переключения, или транспонирования. Так, ситуации «творческая встреча с известным актером» и «творческая встреча с неизвестным исполнителем» могут иметь различное смысловое наполнение, но фреймированы схожим образом. Более того, именно знание «настоящего» фрейма в сочетании с опытом действий в условиях «добровольно-принудительных» фреймов отрывает возможность с легкостью выстроить фрейм «сфабрикованный». Знание о «настоящем» смысле позволяет изобразить, пусть и внешне видимость смысла. Таким образом, добровольно принудительный порядок как система фреймов является результатом своеобразного транспонирования «настоящих» фреймов, заимствования у них не столько содержание и смысла, сколько презентационной формы происходящего действия.

В рассматриваемой перспективе первомайская демонстрация, митинг в защиту мира, сбор средств местном советского предприятия, субботник были организованы по схожему образцу. Попытаемся выделить условия, в которых оказывается возможным фреймирование содержательно различных событий. Применяя понятийный аппарат фрейм-анализа, рассмотрим «контекст контекста», «фрейм фреймов». Добровольно-принудительный порядок предполагает одну из форм властных асимметричных отношений. Этот порядок реализуется за пределами формальных границ официальных институтов. Так, предполагается, что принуждение осуществляется во вне рабочее время и (или) на нерабочем месте, в отрезок времени и (или) локации, где у официального руководителя нет формальных оснований для реализа-

ции власти. Конституирующей чертой добровольно-принудительного порядка является явная демонстрация «инициативы снизу», предполагающая «скрываемое» принуждение сверху. Кавычки в предыдущем предложении расставлены не случайно. О принуждении знают не только участники взаимодействия, но нередко и сторонние наблюдатели. В понимании последних это может выглядеть как абсурд, фабрикация и обман. Между тем остальными участниками коммуникации добровольно-принудительный порядок может восприниматься как типичный, нормальный способ реализации господства и подчинения. В данной теоретической рамке общее смысловое поле взаимодействия не является конституирующей компонентой. Так, содержательно смыслы взаимодействия могут быть вариативны: денежная помощь коллеге, повышение культурного уровня, демонстрация солидарности трудящихся. Конституирующей компонентой оказывается не смысловое содержание, а способ фреймирования ситуаций.

В этом плане добровольно-принудительный порядок как форма реализации власти обладает важными характеристиками. Эффективность неформального принуждения не предполагает обязательной интериоризации заявленных в мероприятии смыслов. Более того, организатор творческого вечера или митинга в защиту мира и не ждет от участника искренней вовлеченности и эмоционального погружения в происходящее действие. Организованная явка – собрание людей в нужное время и в нужном месте предполагает в первую очередь телесный контроль. Публичная презентация заявленных смыслов оказывается важнее интериоризации ценностей.

Добровольно-принудительный порядок предполагает определенное распределение ролей. Во-первых, это руководитель, который инициирует проведение того или иного мероприятия. Между тем ответственность за явку он несет далеко не всегда. Обычно для этого существует исполнитель, которому делегируется это поручение. С административной точки зрения исполнитель находится в подчинении руководителя. При этом распоряжение и характер выполняемого поручения не связаны напрямую с выполнением официальных профессиональных обязанностей. Этот же принцип распространяется и на достижение исполнителем поставленной задачи: организация явки, мобилизация трудящихся или обучающихся осуществляется за пределами трудовой или учебной деятельности. Это определяет особые приемы принуждения массовки⁷.

⁷ В терминологии фрейм-анализа эти приемы можно рассматривать как проявления свойства метакоммуникативности или сигналов, посредством которых обеспечивается определение/распознавание ситуации.

Здесь возможны различные стратегии. Один из вариантов – «шутливое» принуждение. Кавычки здесь снова расставлены не случайно, они демонстрируют известное правило «в каждой шутке есть доля шутки». Подчиненные должны эту шутку воспринять как возможную угрозу санкций. Так, ироничное обещание вспомнить о тех, кто не пришел, позже в рамках официальных трудовых или учебных отношений – должно быть воспринято как угроза потенциальных санкций⁸. Другим возможным вариантом может быть обещание отложенных предпочтений. В этом случае принуждение приобретает характер некоей неформальной сделки⁹. Используемым приемом может быть и обращение к эмоциям, совести, корпоративной чести. Этот прием вербально конструирует трудовой или учебный коллектив, страну, власть, во имя которых индивид должен временно пожертвовать личными интересами¹⁰. Наконец, возможна стратегия авторитета, выражаемого в форме пересказа воли начальства, суждение которого невозможно проверить: «руководство настоятельно рекомендовало», «есть установка – весело встретить Новый год»¹¹. В каждом конкретном случае может быть использована одна или несколько стратегий. Так или иначе на временной шкале мы видим два события, подвергаемых фреймированию – подготовку спектакля и само театральное действие.

Позднесоветская эпоха отличалась большей «плотностью» мероприятий, фреймированных схожим образом. Партийные и комсомольские собрания, производственные совещания и политинформации, имея различные функции, разыгрывались схожим образом. Во-первых, они были, как правило, локализованы в специально отведенном про-

⁸ В отечественной мультипликации этот фрейм, выраженный в гротескной манере, можно обнаружить в одной из серий «Смешариков». Ежик, которому отвели роль ответственного за подготовку к празднику, сталкивается с неповиновением остальных героев, у каждого из которых находится тысяча причин саботировать репетиции. На помощь Ежику приходит Крош, предложивший в качестве инструмента символической власти использовать «книжечку», в которой будет вестись учет проступков неподчиняющихся. Шутка при этом отнюдь не воспринимается в качестве таковой, благодаря чему Ежик быстро обретает легитимную власть в представлениях окружающих, а потом и в собственных глазах. См.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I5mNfhsmfA> (дата обращения: 25.07.2023)

⁹ Речь в этом случае может идти не о конкретном соглашении, а о своеобразной конвенции, благодаря которой подчиненный надеется в сравнении с другими членами коллектива на большее расположение со стороны начальства в решении различных вопросов. Так, активный студент-общественник надеется на некую защиту со стороны руководства факультета в случае возникновения проблем с учебой.

¹⁰ Выражение «честь школы», за которую нужно «выступить» или которую нужно «отстоять» или «защитить» является одной из первых дискурсивных форм, с которыми сталкивается наш соотечественник в процессе социализации. В этом случае конструирование коллективного субъекта, от лица которого должен выступить индивид, предполагает одновременное конструирование условной опасности со стороны Другого.

¹¹ Последняя фраза – цитата из советского кинофильма «Карнавальная ночь». Бездушный и глупый чиновник Огурцов, отдавая распоряжение о коллективном праздновании Нового года, ссылается на волю начальства. Именно так советский зритель считывал значение слова «установка» и жест, указывающий наверх. См.: «Карнавальная ночь». Фильм. Реж. Э. Рязанов. СССР. Киностудия «Мосфильм», 1956. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3jg21SZJ8g8> (дата обращения: 25.07.2023)

странстве – актовом зале, ленинском уголке или пионерской комнате. Во-вторых, сама структура пространства предполагала сегментацию, позволявшую участникам беспрепятственно принимать на себя ту или иную роль – участника / зрителя, члена президиума, выступающего. Источники, доставшиеся нам от минувшей эпохи, тоже можно рассматривать с позиций фреймов. В этом случае, несмотря на динамичные изменения содержания протоколов партийных собраний, форма самих документов менялась чрезвычайно медленно. Именно поэтому историки в большей степени обращают внимание на содержание подобных материалов, а не на форму их изложения. «Повестка», «присутствовали», «прения», «постановили» – все эти фразы остаются невидимыми до тех пор, пока не происходит принципиального изменения формы, например, появления отпечатанных бланков вместо рукописных текстов¹². Любопытно, что лучшие возможности для обнаружения фрейма добровольно-принудительных мероприятий появляются в переходные периоды Оттепели или Перестройки. Именно в эти эпохи нестабильности происходила легитимация позиции стороннего наблюдателя, со стороны которого становился заметным абсурд происходивших событий. Знаменитое «Собрание на ликеро-водочном заводе» М. Жванецкого¹³ или «1 сентября» в исполнении дуэта Карцева – Ильченко¹⁴ являются яркими свидетельствами возможности видеть фрейм посредством его разрушения и (или) посредством использования легально допустимого фрейма юмористического номера или передачи.

Каждая модель нуждается в демаркации границ ее использования. На наш взгляд использование термина «добровольно-принудительный порядок» неприменимо к тем ситуациям, в которых основным мотивом к принуждению является явное или воображаемое насилие. Организованный гнев трудящихся по отношению к врагам народа в период Большого террора, несмотря на внешние сходства, имеет иные основания, нежели участие в позднесоветских ритуалах. В отличие от мероприятий сталинской эпохи добровольно-принудительный поря-

¹² Историки, знакомые с эволюцией партийной отчетности послесталинского времени, обращали внимание на то, как с определенного периода (с 1960-х) происходит внешняя формализация отчетности при одновременном выхолащивании содержания документа. Если в протоколах партийных собраний 1950-х мы еще можем увидеть живые эмоции и следы социального спектакля, то к концу 1960-х многие партийные отчеты все чаще напоминают сухие сценарии, в которых высказывания участников неотличимы от партийного и бюрократического языка. А. Юрчак описывает этот феномен как гипернормализацию авторитетного дискурса. В нашем случае мы можем говорить о разрыве между фреймом реального собрания и фреймом документа, составленного по его мотивам.

¹³ М. Жванецкий. Собрание на ликеро-водочном заводе. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9LSOpIU4p5U> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁴ М. Жванецкий. Исп. П. Карцев, В. Ильченко. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dg9Jlt88ReY&t=156s> (дата обращения: 24.07.2023).

док не предполагает страха в качестве основной эмоции в мотивации участников. Как уже говорилось, добровольно-принудительный порядок не предполагает эмоциональной вовлеченности участников в происходящее действие. Это заставляет говорить еще об одной границе. К добровольно-принудительному режиму не относятся те социальные спектакли, в которых мы видим искреннюю эмоциональную вовлеченность участников, интериоризацию декларируемых мероприятием ценностей в их жизненных мирах. Так, неформальные объединения позднесоветской эпохи, такие как коммунарское движение или Грушинский фестиваль, предполагают иные формы вовлечения/принуждения [Димке, 2015]. Следующую границу, отделяющую добровольно-принудительный порядок от других форм публичных мероприятий, можно обозначить как бюрократическую. Мир приказов, циркуляров, отчетов и распоряжений может соприкасаться с реализацией «добровольно-принудительного» действия, но выстроен по иной формализованной и обезличенной логике. Между тем обозначенные границы добровольно-принудительного порядка не следует считать абсолютно непроницаемыми. В данном случае уместнее говорить не о насилии, а фабрикации насилия (или его угрозы), не об испытании искренних эмоций, а о публичной демонстрации оных.

Иными словами, при сохранении границ фрейм добровольно-принудительного порядка делает условными и (или) отчасти игровыми миры «деспотизма» и «фанатизма». Это замечание справедливо и по отношению к бюрократической границе. Рассматриваемый фрейм не работает в формализованном бюрократическом пространстве, но при этом не может без него существовать. Принуждение к явке осуществляется неофициальным образом людьми, которые дистанцированы от своих подчиненных посредством официальной бюрократии. Сценарий организованного мероприятия должен выглядеть как инициированный снизу, но проведение самого мероприятия часто невозможно без формального приказа или иного распоряжения со стороны начальства.

Использование категории фрейма позволяет объяснять как устойчивость, так и динамику социальных коммуникаций, которые формируются на стыке повседневности и властных отношений. Для исторического исследования этот подход может вызывать серьезное неудобство. В рамках истории повседневности это означает попытку представить социально-историческую динамику не как изменение смыслов или реконструкцию субъектности, а как смену контекстов. Последние часто оказываются незаметными для участников исторических процессов в силу того, что являются для них привычными.

Для исследователя же неизбежно возникает проблема адекватной интерпретации источника. С позиций исторической науки соположение четырех приведенных выше примеров, относящихся к различным конкретно-историческим условиям, может выглядеть как грубейшее нарушение принципа историзма. Между тем смещение фокуса исследования с содержания взаимодействия на форму, с субъективных смыслов на фрейм позволяет открывать новые перспективы, формулировать иначе исследовательские вопросы. Использование категории фрейма позволяет говорить о формах реализации власти на уровне повседневности. Сложное, но возможное понимание динамики социальных отношений посредством изучения смены социальных контекстов позволит увидеть не только игру актеров, но и смену декораций, поместить в фокус исследования не только дискурсы, но и предметный и телесный миры участников коммуникаций. В этом случае в фокус исследования попадают не социальные группы и их участники, а устойчивые формы коммуникаций, которые охватывают различные зоны публичного пространства. К последним может относиться партийное собрание и заседание общественной организации, акция по сбору металлолома и проведение субботника.

В заключении позволим себе высказать гипотезу, формулировка которой является своеобразной данью упомянутому выше принципу историзма. Добровольно-принудительный порядок возникает (или становится определяющим) в позднесоветскую эпоху, когда террор и насилие перестают быть главными инструментами реализации власти. Выстраивание в новых условиях относительно четких границ между приватной и публичной сферой предполагало два варианта реализации советского проекта. Первый становился возможным в условиях «оттепельной» перезагрузки советского публичного пространства. «Протестантский» пафос возвращения к истокам, романтизация революционного прошлого, эмоциональная вовлеченность порождали различные формы социальной активности – от шестидесятничества до коммунарского движения. О новых формах социальной активности и общественно-политических коммуникациях периода Оттепели существует обширная историография, список представителей которой будет неполным [Вайль, Генис, 2011; Фирсов, 2008; Лебина, 2014; Лейбович и др., 2012; Фокин, 2017]. Между тем этот советский тренд имел серьезные недостатки с позиций различных акторов. Для руководителей различного уровня это приводило к непредсказуемости последствий публичных коммуникаций и неопределенности границ советских институтов. Для многих же трудящихся эмоционально насыщенные активности «сверху» могли восприниматься как покушение на появившуюся приватность, которая

сама предлагала новые фреймы проявления эмоций: туристический поход, исполнение авторской песни, рассказывание анекдотов и т.п.

В этих условиях добровольно-принудительный порядок стал второй формой реализации властной коммуникации, предполагавшей сохранение внешнего контроля при одновременной утрате требований к содержательной интериоризации советских ценностей. Формирование фрейма добровольно-принудительного порядка при этом имело противоречивые последствия для организации коммуникации власти и населения. С одной стороны, он стал ненасильственной устойчивой, внешне эффективной драматургической формой функционирования властных институций различного уровня. С другой стороны, фрейм добровольно-принудительного порядка неизбежно блокировал интериоризацию индивидом идеологий публичного пространства. К последним следует отнести не только политическую, но и профессиональную сферу жизни советского социума.

Добровольно-принудительный порядок подвергся серьезной деструкции в период Перестройки и последующие 1990-е годы. В условиях, когда оказалось возможным использование «настоящего», а не сфабрикованного фрейма, первый оказался предпочтительнее в силу того, что предлагал стирание границы условности между формой и содержанием действия. Так, упоминавшийся ранее митинг в защиту мира и митинги за отмену шестой статьи Конституции СССР, несмотря на структурную схожесть, находились с точки зрения субъектов на диаметрально противоположных смысловых позициях. В новых условиях руководители различных уровней столкнулись с проблемой эффективности советских форм фреймирования властных отношений. Возможно, именно этим объясняется феномен алкоголизации властных отношений в государственных институтах и структурах бизнеса. Освоенный прежде фрейм банкета и (или) неофициальной пьянки оказался в тот момент удобной заменой прежних форм властных коммуникаций.

Феномен наступившей позже ностальгии по советскому выглядит не только как попытка возрождения смыслов ушедшей эпохи, но и как восстановление советского фрейма добровольно-принудительного порядка. Между тем «Старые песни о главном» являлись лишь кавером на советскую эстраду. Иными словами, старое содержание, помещаемое в новый контекст, могло воспроизводиться только посредством условности. В отличие от оригинального председателя колхоза, являвшего собой эталонный образ ветерана-труженика позднесталинского мифа, герой постсоветского исполнения является закавыченным «председателем». Смена контекста принципиально меняла ситуацию в

силу того, что разница между концом 1940-х и 1990-ми была слишком велика.

Добровольно-принудительный порядок в современных условиях тоже является своеобразным кавером, который воспроизводит в большей степени формы властных отношений, нежели их содержание. Особенностью этих форм является их маркировка «советскостью» – воображаемым ориентиром, который служит основой для сравнения¹⁵. Фреймы советского транспонировались, таким образом, во фреймы постсоветского. Последний термин при этом сам по себе является дискурсивным фреймом, задающим оценку новой социальной реальности в старых значениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 3-е. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 368 с.
- Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов, СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 453–468.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
- Гудков Л.Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения. 2009. № 2(100). С. 8–37.
- Димке Д. Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной / Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е): коллект. монография. М.: Новое литературное обозрение. 2015. С. 360 – 397
- Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 203 с.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 576 с.
- Людтке А. История повседневности в Германии к изучению: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
- Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Европейский дом, 2008. 544 с.
- Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-60-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
- 1956: незамеченный термидор. Очерки провинциального быта / О. Лейбович, А. Колдушко, В. Шабалин, С. Шевырин, А. Чашухин, А. Бушмаков, А. Казанков, А. Кимерлинг; Перм. гос. ин-т искусства и культуры. Пермь, 2012. 247 с.

¹⁵ Примечательно, но вне зависимости от политических убеждений современные публичные мероприятия трактуются как напоминающие «советские». В одном политическом лагере этот ориентир служит предметом гордости, в другом – объектом критики.

REFERENCES

- Dimke D. (2015) Junye kommunary, ili Krestovyy pohod detej: mezhdou utopiej deklariruemoj i utopiej real'noj / Ostrova utopii: pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e): kollekt. monografija. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. p.360 – 397
- Firsov B.M. (2008) Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge: Evropejskij dom. 544 p.
- Fokin A. A. (2017) «Kommunizm ne za gorami». Obrazy budushhego u vlasti i naselenija SSSR na rubezhe 1950–60-h gg. M.: Politicheskaja jenciklopedija. 223 p.
- Gofman I. (2003) Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta. M.: Institut sociologii RAN, 752 p.
- Gudkov L.D. (2009) Uslovija vosproizvodstva «sovetskogo cheloveka» // Vestnik obshhestvennogo mnjenja.. № 2(100). p. 8–37.
- Jurchak A. (2014) Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.
- Lebina N.B. (2014) Muzhchina i zhenshhina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 203 p.
- Levada Ju.A. (2000) Ot mnjenij k ponimaniju. Sociologicheskie ocherki 1993–2000. M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. 576 p.
- Ljudtke A. (2010) Istorija povsednevnosti v Germanii k izucheniju: Novye podhody k izucheniju truda, vojny i vlasti. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN); Germanskij istoricheskij institut v Moskve. 271 p.
- Vahstajin V.S. (2011) Sociologija povsednevnosti i teorija frejmov, SPb: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 334 p.
- Vajl' P., Genis A. (2001) 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. Izd. 3-e. M.: Novoe literaturnoe obozrenie., 368 p.
- Veber M. (2006) Osnovnye sociologicheskie ponjatija // Veber M. Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. 2-e izd., dop. i ispr. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). p. 453–468.
- (2012) 1956: nezamechnyj termidor. Ocherki provincial'nogo byta / O. Lejbovich, A. Koldushko, V. Shabalin, S. Shevyrin, A. Chashhuhin, A. Bushmakov, A. Kazankov, A. Kimerling; Perm. gos. in-t iskusstva i kul'tury. Perm'. 247 p.

**ВСЕРОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ
КАК МАССОВАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ:
ЗАМЫСЕЛ
И РЕАЛИИ**

ВСЕСОЮЗНЫЙ/ ВСЕРОССИЙСКИЙ: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СССР

**БОЛТУНОВА ЕКАТЕРИНА
МИХАЙЛОВНА**

Институт региональных исторических исследований НИУ ВШЭ (г. Москва)

ЕГОРОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА

Институт региональных исторических исследований НИУ ВШЭ (г. Москва)

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы выражают благодарность А.С. Игнатенко.

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-53-68

© Болтунова Е. М., Егорова Г. С.

АННОТАЦИЯ

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры было создано в 1965 г., и этому событию предшествовал почти десятилетний период масштабного лоббирования как на уровне общественной инициативы, так и через государственные и партийные структуры. Все началось с предложения о создании всесоюзного общества, которое было озвучено еще в 1956 г. Авторы статьи сопоставили – как в хронологическом, так и в содержательном отношении – развитие союзного и республиканского российских проектов, показав связь между ними, изучили основные этапы продвижения проектов на институциональном уровне и проанализировали причины того, почему всесоюзное общество так и не было создано.

Ключевые слова: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Всесоюзное общество охраны памятников, СССР, РСФСР, 1960-е гг., охрана памятников.

ALL-UNION / ALL-RUSSIAN: UNREALIZED PROJECT OF THE SOVIET SOCIETY FOR MONUMENTS' PROTECTION

Ekaterina M. Boltunova

Institute of Russia's Regional History, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Galina S. Egorova

Institute of Russia's Regional History, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Abstract.

The All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments was established in 1965. It was preceded by almost a ten-year period of massive public and institutional lobbying. The public movement started with a proposal to create an all-union Society in 1956, but this idea was never implemented. The article deals with the development of the all-union and all-Russian projects, showing the connection between them. The authors also research the

stages of the projects' institutional promotion and suggest why the all-union Society was never created.

Key words: All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK), All-Union Society for the Protection of Historical Monuments, USSR, RSFSR, 1960s, monuments' protection.

Acknowledgments:

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The authors are grateful to A.S. Ignatenko.

23 августа 1956 г. на первой странице «Литературной газеты» рядом со статьями «Атомный институт в Средней Азии», «Добрые соседи» и «Кукуруза поспевает...» было опубликовано открытое письмо, составленное и подписанное ведущими учеными в области гуманитаристики и реставрации. Все они выступали с резкой критикой варварского отношения к историческим памятникам в различных частях СССР. Треть статьи была посвящена практическим предложениям по улучшению такой сферы, как охрана и восстановление исторического наследия. Авторы рекомендовали «поучиться у некоторых зарубежных стран, особенно у стран народной демократии», утверждая, что многие советские люди, побывавшие «в Чехословакии, Польше или Болгарии, видели, в каком образцовом порядке содержатся там памятники культуры, как гордятся своей стариной и как знают ее самые простые жители, в каком прекрасном состоянии содержатся могилы павших в борьбе с фашизмом» [Воронин и др., 1956, с. 1]. Итогом статьи стало предложение объединить усилия заинтересованных сторон на всей территории Советского Союза, создав Всесоюзное добровольное общество охраны памятников культуры с отделениями на местах. Авторы «Литературной газеты» декларировали: «Мы уверены, что членами такого общества станут архитекторы, учителя, инженеры, писатели, художники, строительные рабочие, школьники, домохозяйки, что в нем найдут применение своим силам все наши краеведы. Мы уверены, что каждый из наших граждан сочтет для себя за честь принять участие в охране и популяризации памятников» [Там же].

Интересно, что авторы открытого письма, сделав отсылку к многонациональному контексту¹, сосредоточились на примерах утраты наследия на территории РСФСР, причем в основном в центральнорусских областях и на северо-западе республики: в тексте упоминались храмы Владимира,

¹ В статье отмечалось плачевное состояние городища Кува (Ферганская область) и упоминалось, что «даже в таких республиках, как Грузинская, Казахская, Туркменская, Таджикская, в министерствах культуры нет специальных органов, ведающих памятниками» [Там же].

церковь Иоанна Предтечи в Ярославле, снесенные Сухаревская башня и Красные ворота в Москве, Пафнутьев монастырь в Боровске, Крепость Орешек (названная в тексте Шлиссельбургской крепостью) и Китайский дворец в Ораниенбауме, а также Смоленский собор в Уфе [Там же]. Иными словами, говоря об общесоюзном уровне, авторы статьи главным образом думали именно о российской или даже русской ситуации.

Публикация в «Литературной газете» известна в историографии – ее упоминают при разговоре о формировании советской послевоенной системы добровольных обществ охраны памятников [Kelly, 2016, p. 196; Формозов, 2004, с. 303]. Однако до настоящего момента в литературе не ставился вопрос о том, существовал ли проект, нацеленный на объединение участников движения по охране памятников на всей территории Советского Союза. Как известно, всесоюзное общество охраны памятников так и не было создано, а самыми крупными формами объединения в этом случае выступали структуры республиканского уровня. Подобное решение не может не удивлять, учитывая советское стремление к тотальности интеграционных процессов на профессиональном и общественном уровне, как, например, в случае с Союзом писателей (1934 г.), Союзом художников (1931 г.) или обществом «Знание» (1947 г.). Еще одним вопросом, требующим рассмотрения, в этой связи оказывается соотносимость проектов создания союзного и российского обществ, особенно учитывая, что с течением времени Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК) приобрело серьезную узнаваемость².

В статье мы проследим этапы лоббирования идеи всесоюзного общества охраны памятников на институциональном уровне и проанализируем причины того, почему оно так и не было создано, а также сопоставим – как в хронологическом, так и в содержательном отношении – развитие союзного и республиканского российских проектов, показав, таким образом, связь между ними.

Прежде всего, отметим: призыв авторов «Литературной газеты» создать общесоюзную организацию был, вероятно, одной из первых

² Уже на втором съезде ВООПИиК (4–6 июля 1972 г.) представители обществ из Белорусской, Молдавской и Узбекской ССР в своих выступлениях отмечали «старшинство» Всероссийского общества. Представители грузинского и литовского обществ, однако, стремились подчеркнуть равенство статусов с ВООПИиК (Материалы II съезда ..., 1973, с. 91–93, 96–97, 114–115, 119–121, 124). Впоследствии ВООПИиК выделялся среди республиканских обществ как по количеству членов (свыше 15 миллионов человек в 1986 г. (Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 328. Протоколы 2–4 пленумов совета областного отделения Общества и документы к ним. Л. 5.), так и по объему аккумулируемых средств (к 1990 г. годовой доход ВООПИиК превысил 10 миллионов (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-639. Оп. 1. Д. 874. Сводный отчет ЦС ВООПИиК по основной деятельности и капитальным вложениям за 1989 г. Л. 5).

общественных деклараций подобного рода, однако во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. обсуждение этого вопроса уже велось и на высоком уровне.

Существенно, что еще в 1959 г. первые республиканские общества охраны памятников были созданы в Грузии и Латвии. В РСФСР нововведение было воспринято с известной долей ревности, а предоставленное Грузии и Латвии право трактовалось как несомненная привилегия. В прессе начала 1960-х гг. разговор об отсутствии должного внимания к памятникам старины в России неизменно сопровождался указанием на грузинский и латвийский кейсы. Так, в 1961 г. народный художник СССР Сергей Коненков в журнале «Огонек», задаваясь вопросом о причинах отсутствия в России добровольного общества охраны памятников, указывал, что подобные «общества созданы в Грузии и Латвии, но такого общества нет в РСФСР. А ведь больше всего потрав бесценной старины именно в Российской республике»³. В этом же году член-корреспондент Академии наук СССР Дмитрий Лихачев в журнале «История СССР» писал, что «русские памятники находятся в наиболее беззащитном положении», так как в РСФСР нет народного движения, которое могло бы их защитить, в то время как «в Грузии и Латвии уже есть “общества охраны памятников культуры” (а в Грузии – еще и руководимое акад. Н. Бердзенишвили “Грузинское научное сообщество истории, археологии, этнографии и фольклора)”» [Лихачев, 1961, с. 9]. Схожие мысли впоследствии развивал Илья Глазунов: «Во многих республиках созданы и успешно работают добровольные общества охраны памятников культуры. Но в РСФСР, где больше всего подобного рода ценностей, такого общества до сих пор не существует» [Глазунов, 1965, с. 17].

Появление в СССР первых обществ охраны памятников без привязки к ситуации в России стало стимулом к обращению в ЦК КПСС ряда инициативных групп. Так, 5 марта 1959 г. в Бюро ЦК КПСС по РСФСР поступило письмо от ответственного секретаря правления Союза архитекторов СССР Павла Абросимова с просьбой о создании «Добровольного общества охраны памятников культуры РСФСР». В письме отмечалось, что еще в 1958 г. Союз архитекторов СССР внес в ЦК КПСС предложения по усовершенствованию деятельности по охране памятников

³ Коненков ссылался при этом на инициативу Министерства культуры СССР о создании в республиках обществ охраны памятников старины [Коненков, 1961, с. 31].

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 34. Д. 60. Записка Отдела, письма, записки, выписки из протоколов заседаний, информации, справки местных партийных советских органов, Совета Министров и Министерства Культуры РСФСР, ВЦСПС, музеев, отдельных лиц с заключениями отдела и сектора агитационно-пропагандистской работы: ... о создании добровольного общества охраны памятников культуры... и др. Л. 15.

культуры, при этом «соответствующие материалы готовились Отделом культуры ЦК КПСС», однако этот вопрос так и не был решен⁴. В качестве мотивации для повторного обращения Абросимов также указывал на более благоприятную ситуацию в других республиках по сравнению с тем, что наблюдалось в РСФСР: «В прошлом году в Узбекской ССР был создан Комитет по охране памятников культуры при Совете Министров Узбекской ССР, а недавно в Грузинской ССР принято решение об организации “Добровольного общества охраны памятников”»⁵. Отметим, что Абросимов указывал и на заинтересованность («идею создания такого общества горячо поддерживают») творческих союзов и институций союзного уровня⁶, т.е. использовал отсылки к союзным структурам, продвигая идею создания российского общества. Едва ли речь шла о существовавшем союзном проекте, скорее, Абросимов отметил этот уровень для усиления значимости своего предложения.

Идея создания общества охраны памятников СССР, впрочем, стала актуальной несколько лет спустя, в начале 1960-х гг., когда у союзного проекта появился, выражаясь современным языком, свой лоббист, в роли которого выступила министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Вероятно, министр оценила потенциал проекта и значение, которое он мог иметь для развития подконтрольной ей сферы. Эти рассуждения не отменяют, конечно, того обстоятельства, что Фурцева хорошо знала о плачевном состоянии многих памятников и принимала деятельное участие в сохранении ряда значимых объектов.

Отметим, что Фурцева безошибочно выбрала и время для продвижения создания всесоюзного общества – 1963 г. На июнь 1963 г. был запланирован Идеологический пленум ЦК, обещавший стать знаковым событием, ведь партийных пленумов по идеологии не проводили с 1946 г. В самом начале года, 23 января 1963 г., Фурцева направила в ЦК КПСС проект Указа Президиума Верховного Совета СССР и проект Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах упорядочения дела охраны, реставрации и использования памятников культуры», первым пунктом которого значилось: «*одобрить инициативу общественных организаций по созданию Всесоюзного общества охраны памятников культуры* (курсив наш. – Е. Б., Г. Е.)»⁷. Согласно документам в этом же 1963 г. планировалось

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 15–16.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 49. Проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, записки Отдела, письма, копии писем и записки бесед, выписки из протоколов заседаний, информации, справки местных партийных органов, Министерства культуры СССР, творческих союзов, Главлита СССР, Академии художеств СССР, общественных организаций, советских посольств, отдельных лиц с заключениями Отдела и об учреждении Всесоюзного общества охраны памятников и мерах по сохранению культурного наследия прошлого... Л. 46.

провести Учредительный съезд Всесоюзного общества охраны памятников культуры, разработать и представить на утверждение Совмина СССР списки памятников культуры, подлежащих охране⁸.

В сопроводительном письме к документам Фурцева изложила причины своего обращения. Основным и наиболее серьезным недостатком организации охраны памятников культуры министр назвала «существующую в настоящее время ведомственную разобщенность в системе охраны памятников, установленную постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г.»⁹. Эта разобщенность, по мнению Екатерины Фурцевой, приводила «к параллелизму и безответственности в... работе, бессмысленной, в ряде случаев, трате государственных средств», в то время как создание «единого центрального методического и контрольного органа» позволило бы, помимо экономии на содержании административного аппарата, сберечь громадные государственные средства¹⁰. В тексте письма легко угадывается риторика актуальной на тот момент реформы системы управления: отказ от министерских структур и переход к совнархозам: Фурцева неслучайно сделала акцент на «административном хаосе». Отметим, что в качестве положительного примера министр приводила опыт грузинского республиканского общества, годовой доход которого (около 200 тысяч рублей при общем количестве членов более 300 тысяч человек) «расходуется на благоустройство памятников культуры, экскурсионную работу, издание литературы и т.д.»¹¹. Министр ратовала за создание всесоюзного общества охраны памятников, не упоминая о всероссийском, при этом она все же подчеркивала, что ситуация в других советских республиках обстоит намного лучше, чем в РСФСР, отмечая, при этом, созданное в 1962 г. третье в СССР республиканское общество охраны памятников в Азербайджане¹².

Обращает на себя внимание, что, говоря о случаях «крайне безответственного отношения местных органов власти... к сохранению ценнейших памятников», Фурцева упомянула резонансный снос церкви Благовещения в Витебске¹³, а затем подробно остановилась на ситуации в

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ Там же. Л. 39–44.

¹¹ Там же. Л. 42.

¹² Там же.

¹³ В сентябре 1961 г. Совет Министров БССР по представлению Исполкома Витебского горсовета исключил из списков памятников, охраняемых государством, церковь Благовещения XII века. Несмотря на активные протесты со стороны академика Б. А. Рыбакова и реставратора П. Д. Барановского, в декабре того же года по инициативе городских властей церковь была снесена. 8 января 1962 г. Совмин БССР пересмотрел свое решение и выпустил Постановление о взятии под охрану руин церкви [Там же]. Этот случай приобрел широкую огласку благодаря отдельному выпуску киножурнала «Фитиль» под названием «Недолго думая» [Глазунов, 1965, с. 16].

Украинской ССР, где среди потерь значились древние соборы и церкви XVIII в., а также дворцовые комплексы и усадьбы¹⁴. Очевидно, такая подача информации была вполне осмысленным решением: внимание к Украине следует рассматривать как апелляцию лично к Никите Хрущеву, заинтересованность которого в делах республики была хорошо известна в партийных кругах.

Интересно, что пакет документов, который Фурцева направила в ЦК КПСС в январе, стал первым, но не единственным шагом на пути к продвижению проекта. Зная о скептическом отношении Хрущева к вопросу охраны памятников и предугадывая его импульсивность, министр культуры, как можно предположить, приняла решение подкрепить собственные действия ходатайствами представителей других структур. 9 февраля 1963 г. в Идеологическую комиссию ЦК КПСС поступило письмо от президента Академии художеств СССР Владимира Серова¹⁵, а еще через десять дней – от народного художника СССР, первого секретаря правления Союза художников СССР Сергея Герасимова¹⁶. Обладавшие известностью и внушительным символическим капиталом художники писали об ужасающей ситуации в сфере сохранения историко-культурного наследия и вносили предложения об организации Всесоюзного добровольного общества по охране памятников. Говорить о том, что обращения Серова и Герасимова были независимы друг от друга и просто совпали по времени, не приходится: в документах можно найти переклички и указания на одни и те же объекты (например, колокольня Пятницкой церкви в Чернигове и Благовещенский собор XII в. в Витебске; последний назван в обоих текстах «современником “Слова о полку Игореве”»¹⁷).

Существенно, что Серов и Герасимов получили официальный ответ, в котором говорилось, что «Министерство культуры РСФСР вошло в Совет Министров РСФСР с предложением об организации Всероссийского добровольного общества по охране памятников культуры»¹⁸. Сложно сказать, насколько взаимосвязанными и – с точки зрения реализации целей на территории РСФСР – взаимозаменяемыми были проекты союзного и республиканского уровня. Не исключено, что даже с учетом административных интересов союзного Министерства культуры, в качестве приоритета было выбрано создание именно российской площадки. Ведь в это время в дискуссиях о «памятниках старины»

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 49. Л. 42.

¹⁵ Там же. Л. 169.

¹⁶ Там же. Л. 143-144.

¹⁷ Там же. Л. 143, 169.

¹⁸ Там же. Л. 145, 170.

отсылки к русской архитектуре и русской иконописи становятся особенно настойчивыми. Показательно, что в эмоциональном письме Сергея Герасимова на первый план вышло уничтожение произведений архитектуры и живописи в России, при этом художник называл территории центра (Ярославль) и северо-запада (Новгород, Ладога)¹⁹, которые также фигурировали в упоминавшейся выше статье из «Литературной газеты» 1956 г. Возможно, члены инициативной группы по продвижению проекта/проектов осознали, что они получают искомое безотносительно к тому, какой из вариантов – союзный или российский – работает.

Весной 1963 г. в ЦК поступило и несколько писем от архитекторов, писателей, историков и представителей технической интеллигенции. Так, 15 мая 1963 г. ответственный секретарь Советского комитета защиты мира Михаил Котов направил секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичеву записку «группы членов Комиссии по культурным связям Советского комитета защиты мира». Среди авторов записки «О некоторых назревших вопросах, связанных с выполнением Ленинских принципов в оценке исторического и культурного наследия (К пленуму ЦК КПСС по идеологическим вопросам)» значились доктора архитектуры Борис Михайлов и Петр Ревякин, художник Павел Корин, историк Николай Воронин и писатель Василий Захарченко²⁰. Сам по себе текст интересен разнообразием риторики, используемой в целях продвижения создания обществ охраны памятников: от знакового для периода оттепели призыва вернуться «к Ленинским заветам» и указания на историю «варварского уничтожения культурного наследия» фашистами для покорения СССР до отсылок к экономической составляющей, призывов бороться с институциональным хаосом, произволом на местах и активнее использовать опыт стран народной демократии. Авторы записки прямо адресовали ЦК вопрос о том, почему документ об организации «Добровольного общества изучения и охраны памятников культуры СССР», подготовленный специальной комиссией ЦК КПСС, так и остался нереализованным. В течение мая письма с аналогичной повесткой поступали в ЦК не только от чиновников и партийных деятелей, но и от частных лиц²¹. Примечательно, что, традиционно апеллируя к положительному опыту обществ Грузии и Азербайджана, авторы таких писем часто не уточняли характер (союзный или республиканский) будущей организации²².

¹⁹ Там же. Л. 143.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 49. Л. 51–60.

²¹ Там же. Л. 86, 87–93.

²² Там же. Л. 66–83.

В любом случае очевидно, что создание обществ охраны памятников было крупной и в значительной мере консолидированной акцией внутри советского истеблишмента – как республиканского, так и союзного уровней. Более того, в начале 1960-х гг. на власть оказывалось серьезное давление, причем одновременно с нескольких сторон. Такая «атака», впрочем, вызвала серьезное сопротивление, что было ощутимо еще до начала пленума ЦК. Так, в ответе Серову и Герасимову за упоминанием некоего уже существующего российского проекта следовала фраза: «Создание Всесоюзного общества представляется преждевременным (курсив наш. – Е. Б., Г. Е.), так как такое общество целесообразно было бы основать на базе республиканских обществ»²³.

В июне 1963 г. состоялся Идеологический пленум ЦК, на который съехались более двух тысяч человек со всей страны. Круг вопросов, обсуждаемых на мероприятии, был чрезвычайно широк: от проблем литературы, искусства и партийной пропаганды до научных достижений. Современникам запомнилась как импульсивность и раздражительность Хрущева во время отдельных выступлений, так и спонтанная двухчасовая речь вне протокола, в которой Первый секретарь позволил себе, в частности, высказаться относительно писателей, которых следовало бы исключить из партии [Таубман, 2008, с. 647]. Под огонь критики попали и расходы на реставрацию памятников, поэтому момент для ходатайства о создании общества по охране памятников был не самый подходящий.

И все же документ попал в руки Никиты Хрущева. Директор Владимиро-Суздальского музея-заповедника Алиса Аксёнова и Сергей Михалков довольно подробно описывают произошедшее. Предложение о создании общества по охране памятников внес – с большим волнением и осторожностью – Сергей Михалков [Михалков, 2005, с. 75; Аксёнова, 2001, с. 34.]. Сначала Хрущев отказался принять письмо, подписанное целым рядом деятелей культуры России, а чуть позже демонстративно разорвал его. Михалков, в тот момент являвшийся членом коллегии Министерства культуры, прямо пишет, что передать письмо Хрущеву его попросили «некоторые товарищи, ратовавшие за сохранение памятников старины», которые потом не решились публично поддержать заявленную им инициативу [Михалков, 2005, с. 75–76]. По воспоминаниям Михалкова, Хрущев разорвал письмо во время заключительного слова, сопроводив его фразой «Вот тут Михалков защищает памятники старины...» [Там же, с. 75]. В воспоминаниях

²³ Там же. Л. 145, 170.

Аксёновой эпизод трактуется несколько иначе: письмо было разорвано во время выступления Фурцевой, обращаясь к которой, Хрущев произнес: «Да, вот тут мне Михалков письмо дал насчет Общества охраны памятников. *Вот, смотри!.. Вот ответ!* (курсив наш. – Е. Б., Г. Е.) Запомнили?» [Аксёнова, 2001, с. 34]. Так или иначе понятно, что на Пленуме Хрущев дал свой ответ и Фурцевой, и, выражаясь словами Михалкова, «группе товарищей». Интересно, что ни Аксёнова, ни Михалков не пишут о каком именно обществе шла речь – всесоюзном или всероссийском. Это лишний раз подчеркивает, что в этот момент речь шла о создании площадки для действий, а ее статус мог восприниматься как вторичный или непринципиальный для тех, кто продвигал проект(ы).

После скандала на июньском Пленуме, Идеологический отдел предложил Минкульту СССР «активнее использовать имеющиеся возможности для охраны памятников. *Силы общественности могут быть привлечены и без учреждения специальной организации* (курсив наш. – Е. Б., Г. Е.)». В документе, впрочем, было отмечено, что инициатива Минкульту сама по себе отвечала общественному запросу²⁴.

Новый этап в истории обществ охраны памятников наступил сразу после освобождения Н.С. Хрущева от должности Первого секретаря ЦК КПСС. 31 октября 1964 г., т.е. спустя всего две недели после отставки, в Президиум ЦК КПСС поступило очередное письмо об организации добровольных обществ охраны памятников культуры в РСФСР, УССР и БССР, которое подписали 18 деятелей науки и культуры, среди которых были Леонид Леонов, Сергей Коненков, Павел Корин и др.²⁵ Авторы письма начали свое обращение с серьезных упреков в адрес власти и бывшего Первого секретаря: «О полном неблагополучии в деле сохранения национального достояния нашего народа в виде памятников культуры, истории и архитектуры, о гибели и разрушении множества этих памятников... советская общественность в тысячах писем обращалась к правительственным и директивным органам, в ЦК КПСС и лично к Н.С. Хрущеву»²⁶. Никита Хрущев в тексте письма

²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 49. Л. 94.

²⁵ Полный список подписантов: «Леонов Л.М., писатель, депутат Верховного Совета СССР; Никулин Л.В., писатель; Корин П.Д., народный художник СССР; Коненков С.Т., народный художник СССР; Пластов А., народный художник СССР; Михайлов Б.П., профессор, доктор архитектуры; Соловей Е.М., член КПСС с 1905 г.; Нисский, академик; Пророков, народный художник РСФСР, лауреат Ленинской премии; Златкин И.Я., доктор исторических наук, чл. КПСС с 1915 г.; Грицай А.М., народный художник РСФСР; Станюкович К.П., профессор, доктор технических наук; Решетников Ф., народный художник РСФСР; Чуйков С., народный художник СССР; Тьдман В.П., инженер, член КПСС с 1917 г.; Скотников В.Я., инженер-металлург, член КПСС с 1918 г.; Малеина Е.А., художник; Лидин В.Г., писатель» (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 760. Материалы о протоколу 3110 заседания Секретариата ЦК КПСС от 5 февраля 1965 г. Л. 72–75; Список подписантов – Л. 75).

²⁶ Там же. Л. 72.

стал главным объектом критики, и именно на него возлагалась ответственность за состояние сферы охраны памятников в стране: ему припомнили июньский Пленум, где он «высказался столь категорически против организации добровольных обществ по охране памятников культуры, поступил столь недемократически с многочисленными петициями ряда творческих союзов общественных организаций о разрешении создать такие общества»²⁷. Авторы письма стремились разбить и экономические доводы, выдвигавшиеся Хрущевым и противниками создания обществ: утверждения, что «общества потребуют большой материальной помощи со стороны государства... ни на чем не основаны... Не обращаются за помощью государства ни одно из существующих добровольных обществ по охране памятников Кавказских республик, а наиболее старое из них – Грузинское – собрало свыше полумиллиона рублей свободных средств, причем не только охраняет и пропагандирует памятники, но производит на свои средства большие работы по восстановлению... Если это происходит в маленькой Грузии с четырехмиллионным населением, то легко себе представить возможности, которые следует ожидать при организации, например, всероссийского общества в Федерации с населением в 100 миллионов, т.е. в 25 раз больше»²⁸. Принимая во внимание «туристский бум» 1960-х гг., авторы письма также утверждали, что деятельность таких обществ приведет к «пополнению доходной части государственного бюджета в виде иностранной валюты путем использования памятников для показа иностранным туристам, как это имеет место в других странах»²⁹.

Однако самым веским, беспрецедентным по силе аргументом оказалось заявление авторов письма, что в стране «создалось положение дискриминации по отношению к народам Российской Федерации, Украинской и Белорусской республик (курсив наш. – Е. Б., Г. Е.), где общества не разрешаются, но существуют в Грузии, Азербайджане, Армении³⁰, Латвии»³¹. Акцент на национальной дискриминации был сделан осознанно и усилен пассажем о том, что «положение с сохранностью памятников культуры в Российской Федерации, Украинской и Белорусской республиках является наиболее тяжелым, нуждающимся в

²⁷ Там же. Ответственность за купирование общественной инициативы возлагалась также и на «работников государственных органов охраны», которых авторы письма обвиняли в том, что они в течение многих лет дезинформировали «правительственные и директивные органы, опасаясь конкуренции со стороны обществ и ликвидации своих должностей» (Там же. Л. 73).

²⁸ Там же. Л. 72–73.

²⁹ Там же. Л. 73.

³⁰ В Армении добровольное общество охраны памятников истории и культуры появилось в 1964 г.

³¹ Там же. Л. 72.

³² Там же.

помощи широкой общественности»³³. Завершалось обращение просьбой предоставить возможности для низового активизма и проявления гражданственности – «дать, наконец, советской общественности возможность помочь государству и на этом участке своими силами, к чему она давно уже стремится»³³.

Ход этому письму дали только 19 декабря 1964 г., когда Михаил Сулов направил министру культуры СССР записку с просьбой рассмотреть высказанные в письме предложения. Ответ был мгновенным: в этот же день Екатерина Фурцева, президент Академии художеств СССР Владимир Серов и секретарь Союза художников СССР Екатерина Белашова, т.е. руководители структур, которые годом ранее лоббировали создание общества охраны памятников на союзном уровне, направили в ЦК КПСС письмо с просьбой «разрешить создание Всесоюзного общества охраны исторических и художественных памятников»³⁴. 28 декабря 1964 г. ЦК КПСС постановил принять предложения Министерства культуры СССР, Академии художеств СССР и Союза художников СССР и вполне ожидаемо поручил этим же структурам создать оргкомитет и даже провести в 1965 г. учредительный съезд Общества³⁵. Иными словами, на формальном уровне ЦК КПСС одобрил проект, который так долго и с такой энергией продвигала инициативная группа во главе с Фурцевой.

Однако еще через три недели представители заинтересованных организаций, включая Минкульт, отзывали свое предложение: 18 января 1965 г. в ЦК КПСС поступило письмо, подписанное все теми же Фурцевой, Серовым и Белашовой. В документе сообщалось, что «учитывая пожелания трудящихся о привлечении сил общественности к развитию дела охраны и пропаганды исторических и художественных памятников, а также плодотворный опыт уже существующих республиканских добровольных обществ по охране памятников, полагали бы необходимым предусмотреть создание таких обществ в тех союзных республиках, в которых они еще не образованы... в течение 1965 г.»³⁶. Образование всесоюзного общества было предложено рассмотреть после создания республиканских структур, причем перспектива такого рода была отодвинута на неопределенное время, поскольку сделать это следовало лишь «на основе обобщения... опыта работы» на местах³⁷. По

³³ Там же. Л. 74.

³⁴ Там же. Л. 67.

³⁵ Там же. Л. 68.

³⁶ Там же. Л. 70.

³⁷ Там же.

сути, в документе Фурцева, Серов и Белашова повторяли обоснование, фигурировавшее в отказах, присланных из Идеологической комиссии ЦК КПСС Серову и Герасимову: речь шла о нецелесообразности создавать структуру союзного уровня, учитывая решение об организации обществ в республиках.

Скорость реакции и тот факт, что Фурцева, Серов и Белашова поменяли позицию на противоположную, говорит о силе административного воздействия, следов которого мы, вероятно, не найдем. Можно предположить, что решение отказать в создании союзной структуры было принято изначально и оформлено как коллегиальное решение практиков в деле организации и сохранения культуры. Согласно этой логике последние осознали, что действовать нужно поэтапно – от республиканских организаций ко всесоюзной структуре, сроки же второго этапа следовало уточнить в процессе работы.

5 февраля 1965 г. Секретариат ЦК принял постановление «Об организации республиканских добровольных обществ охраны памятников истории и культуры», которое было отправлено Леониду Ильичеву, Екатерине Фурцевой и, что примечательно, Михаилу Халдееву, руководившему в тот момент Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР³⁸. Постановление состояло из двух пунктов:

1. «В целях привлечения широкой советской общественности к активному участию в охране памятников истории и культуры признать необходимым создание в союзных республиках добровольных обществ охраны памятников.
2. Установить, что добровольные общества охраны памятников создаются по решению ЦК компартий и Советов Министров союзных республик»³⁹.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры было создано в соответствии с постановлением Совмина РСФСР от 23 июля 1965 г.⁴⁰, в начале июня следующего года в Москве состоялся Первый учредительный съезд ВООПИК⁴¹. В мае 1966 г. вышло Постановление Совмина РСФСР «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР», которое стало своего рода

³⁸ Там же. Л. 65.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 2138. Постановления Совета Министров РСФСР с № 879 по № 937 за июль-август 1965 г. Л. 4-9.

⁴¹ ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 6, 7. Стенограмма Учредительного съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, состоявшегося 8–9 июня 1966 г. г. Москва. Том I–II.

декларацией изменения государственного отношения к сфере охраны памятников в России: сохранение наследия теперь объявлялось одним из приоритетных государственных направлений. Для решения новых задач 1 июня 1966 г. была создана Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР [Каргин, 2009, с. 276].

В заключении рассмотрим вопрос о том, какие причины привели к отказу от создания общества союзного уровня. На наш взгляд, после отставки Никиты Хрущева в ЦК не могли больше игнорировать разворачивавшуюся с новой силой волну требований создать общества охраны памятников, сопровождавшуюся к тому же публичными рассуждениями о системной дискриминации русских, украинцев и белорусов. Однако отдавать в руки энтузиастов от истории возможность наращивать свое влияние, создавая площадки разного уровня для обсуждения вопросов о культурно-историческом наследии, в планы власти не входило: создание всесоюзной структуры наравне со всероссийской могло серьезно усилить позиции именно российских общественников⁴². Ответ на вопрос о том, почему в таком случае предпочтение было отдано республиканскому уровню, а не системе, при которой РСФСР – по принципу создания структур компартии – не имела бы своего республиканского общества, но была бы встроена в общесоюзную организацию, не столь очевиден. Скорее всего, выбор такого формата определялся тем, что последний открывал больше возможностей для контроля и манипуляций, ведь союзный статус организации предполагал, по крайней мере на формальном уровне, единство установок и позиций. В действительности созданные во второй половине 1960-х гг. общества охраны памятников⁴³ серьезно различались в отношении администрирования, возможностей влияния на процесс принятия решений и, наконец, в части доступных им финансовых ресурсов. Так, Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры (БДООПИиК), главой которого был заместитель председателя Президиума Верховного Совета БССР, было значительно более акторным и влиятельным на респу-

⁴² О том, насколько серьезную волну обсуждения вопросов общественно-политического порядка вызвало создание ВООПИиК в середине 1960-х гг., см.: [Болтунова, Егорова, 2022, с. 148–149, 156–157, 212–217].

⁴³ В это время общества охраны памятников были организованы в Литве (1965 г.), Таджикистане и Туркмении (1965 г.), а затем в Киргизии, Молдавии, Белоруссии, Украине, России (1966 г.). Позже всего общества были организованы в Узбекистане (1967 г.) и Казахстане (1972 г.). Даты приведены по: [Большая советская энциклопедия, 1974, с. 241; Dambis, 2018, p. 16].

⁴⁴ Белорусский государственный архив научно-технической информации (далее – БГАНТД). Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 100. Протокол заседания 1-го съезда Общества от 7 декабря 1966 года и документы к нему. Л. 1.

бликанском уровне по сравнению с ВООПИК, действовавшим под контролем Минкульта РСФСР⁴⁴. Отличались и бюджеты организаций: в БДООПИИК зарплаты штатных сотрудников росли существенно быстрее⁴⁵, а само общество имело значительный бюджет на командировки, организацию конференций, совещаний, пленумов, семинаров, приобретение литературы и пр.⁴⁶. В отделениях же ВООПИК эти средства были крайне скудными или их не было совсем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Dambis J. Protection of Cultural Heritage. Latvia. State Inspection for Heritage Protection, 2018. 79 p.
- Kelly C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 413 p.
- Аксёнова А.И. История. Судьба. Музей. Владимир: Посад, 2001. 293 с.
- Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.
- Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18 / под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1974. 631 с.
- Воронин Н. и др. В защиту памятников прошлого / Н. Воронин, И. Грабарь, Е. Дорош, П. Корин, Б. Михайлов, И. Петровский, Вл. Павлов, И. Тихонов, М. Тихомиров, К. Федин, И. Эренбург // Литературная газета. 1956. № 100(3601). С. 1.
- Глазунов И. ...Принадлежит народу: О необходимости усиления охраны памятников культуры и старины // Смена. 1965. № 5. С. 16–17.
- Каргин Ю.Ю. Становление и эволюция государственной концепции охраны, исследования и использования памятников археологии в советский период (1945–1991 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 2-1. С. 274–280.
- Коненков С. Дорогое родство // Огонек. 1961. № 2. С. 31.
- Лихачев Д.С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 9–11.
- Материалы II съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1973. 192 с.
- Михалков С.В. Я был советским писателем. Приметы времени // Михалков С.В., Михалков М.В. Два брата – две судьбы: Мемуары. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 445 с.
- Таубман У. Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008. 850 с.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак, 2004. 315 с.

REFERENCES

- Aksyonova A.I. (2001) Istoriya. Sud'ba. Muzej [History. Destiny. Museum], Posad, Vladimir, Russia, 293 p.
- (1974) Bol'shaya sovetskaya enciklopediya [The Great Soviet Encyclopedia], v. 18. Sovetskaya enciklopediya, Moscow, USSR, 631 p.

⁴⁵ Для сравнения см.: Государственный архив Орловской области. Р-3638. Оп. 1. Д. 17. Смета и штатное расписание Областного отделения общества охраны памятников (1967 г.); БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Приходно-расходные сметы центрального и областных советов на 1968 г.

⁴⁶ См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 49. Приходо-расходные сметы центрального и областных советов Общества на 1971–1972 годы. Л. 10, 43.

- Boltunova E.M., Egorova G.S. (2022) Territoriya i istoriya: pozdnesovetskie proekty «Gorodageroi» i «Zolotoe kol'co» [Territory and History: late Soviet projects of «Hero Cities» and the «Golden Ring»]. Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 400 pp.
- Dambis J. (2018) Protection of Cultural Heritage. Latvia. State Inspection for Heritage Protection, 79 p.
- Formozov A.A. (2004) Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists during the period of totalitarianism: historiographical essays] Znak, Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 315 p.
- Glazunov I. (1965) ...Prinadlezhit narodu: O neobhodimosti usileniya ohrany pamyatnikov kul'tury i stariny [Belongs to the people: on the need to strengthen the protection of cultural and ancient monuments] // Smena [The change]. № 5, pp. 16-17.
- Kargin Yu.Yu. (2009) Stanovlenie i evolyuciya gosudarstvennoj koncepcii ohrany, issledovaniya i ispol'zovaniya pamyatnikov arheologii v sovetskij period (1945–1991 gg.) [Formation and evolution of the state concept of protection, research and use of archaeological monuments in the soviet period] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], № 2-1, pp. 274–280.
- Kelly C. (2016) Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. Northern Illinois University Press, DeKalb, USA. 413 p.
- Konenkov S. (1961) Dorogoe rodstvo [The important kinship] // Ogonek [The light]. № 2. P. 31.
- Lihachev D. S. (1961) Pamyatniki kul'tury – vsenarodnoe dostoyanie [Cultural monuments are a national treasure] // Istoriya SSSR [The USSR History], № 3, pp. 9–11.
- (1973) Materialy II s'ezda Vserossijskogo obshchestva ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury [Materials of the II congress of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments]. Sovetskaya Rossiya, Moscow, USSR, 192 p.
- Mihalkov S.V. (2005) Ya byl sovetskim pisatelem. Primety vremeni [I was a Soviet writer. Signs of the time] // Mihalkov S.V., Mihalkov M.V. (2005) Dva brata – dve sud'by [Two Brothers – two destinies]: Memoirs. ZAO Centrpoligraf, Moscow, Russia, 445 p.
- Taubman U. (2008) Khrushchev. Molodaya gvardiya, Moscow, Russia, 850 p.
- Voronin N., Grabar' I., Dorosh E., Korin P., Mihajlov B., Petrovskij I., Pavlov Vl., Tihonov I., Tihomirov M., Fedin K., Erenburg I. (1956) V zashchitu pamyatnikov proshlogo [In defense of monuments of the past]// Literaturnaya gazeta [Literary newspaper], № 100 (3601). P. 1.

СОЗДАНИЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЛОВЕЦКОГО МУЗЕЯ– ЗАПОВЕДНИКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

МАЗИЛОВА ЕКАТЕРИНА
АНДРЕЕВНА

Северный (Арктический)
федеральный университет
Архангельский краеведческий музей

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-69-80

© Мазилова Е. А.

АННОТАЦИЯ

Время создания регионального отделения ВООПИК в Архангельской области совпадает с активным обсуждением проблемы сохранения историко-культурного наследия Соловецкого архипелага. В 1967 г. как попытка музеефикации и сохранения архитектурных памятников на островах был создан музей-заповедник. Параллельно проходят консервационные и реставрационные работы, которые со временем начинают все больше финансироваться за счет средств добровольческой организации. Продолжаются общественные дискуссии вокруг соловецких памятников, возрастает туристический поток на острова. Не случайно активными участниками обсуждения «соловецкого вопроса» и членами регионального отделения ВООПИК были одни и те же люди. В представленной статье анализируется, какие дополнительные инструменты продвижения своих инициатив давало членство в массовом движении по охране памятников и какова роль ВООПИК в сохранении и развитии территории Соловецкого архипелага?

Ключевые слова: ВООПИК, Соловецкие острова, Соловецкий музей-заповедник, сохранение наследия, музеефикация.

VOOPIK ARKHANGELSK REGIONAL BRANCH ESTABLISHMENT AND THE SOLOVETSKY MUSEUM-RESERVE ORGANIZATION: HISTORICAL PARALLELS

Ekaterina A. Mazilova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Arkhangelsk Lore Museum

Abstract.

The time of establishment of the VOOPIK regional branch in Arkhangelsk region coincides with an active discussion of the problem of preserving the historical and cultural heritage of the Solovetsky Archipelago. In 1967, a museum-reserve was established on the islands as an attempt to museumify and preserve architectural monuments. In parallel, conservation and restoration works were being carried out, which over time started to be funded at the expense of the VOOPIK organization. Discussions around the Solovetsky monuments continued in the society, the tourist flow to the islands was increasing. It is no coincidence that the same people were active participants in the “Solovetsky question” and the regional branch of the VOOPIK. What additional tools did membership in the mass movement for the protection of monuments provide

for the promotion of their initiatives? What is the role of the VOOPiK in the preservation and development of the territory of the Solovetsky Archipelago?

Key words: VOOPiK, Solovetsky Islands, Solovetsky Museum-Reserve, preservation of heritage, museumification.

Датой создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры считается 23 июля 1965 г., когда вышло Постановление Совета Министров РСФСР № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». Данным документом Совет Министров поручил советам республик, край- и облизполкомам образовать комитеты по подготовке учредительных конференций и провести сами учредительные конференции в регионах до 1 января 1966 г. На заседании оргкомитета Общества 5 октября 1965 г. были утверждены рекомендации исполкомам местных Советов депутатов трудящихся по порядку проведения учредительных конференций¹.

Во исполнение данных рекомендаций 21 декабря 1965 г. в Архангельске состоялась областная учредительная конференция Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Собрание стало заметным событием в культурной жизни города. В областной газете «Правда Севера» в № 302 от 23 декабря появилась статья с заголовком «Беречь наши сокровища: Первая областная конференция общества охраны памятников истории и культуры». Она начинается словами из выступления И.А. Чудинова, одного из делегатов областного отделения общества, заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Архангельского медицинского института. Эта цитата может служить эпиграфом и к нашему исследованию: «У нас с вами разные профессии, разные характеры, но сегодня мы собрались, чтобы обсудить один, одинаково волнующий каждого из нас вопрос. Мы с вами любим все, что связано с историей нашего края. У нас душа радуется, когда мы видим замечательные памятники давней и не совсем давней старины, окруженные всенародной заботой. У нас болит сердце, когда эти бесценные сокровища разрушаются...» [Беречь наши сокровища..., 1965].

Конференция была призвана решить центральный вопрос по созданию областного отделения ВООПИК. На заседании был представлен доклад начальника управления культуры Архангельского облизполкома М.И. Ноговицыной «О целях и задачах Всероссийского добровольного

¹ Протокол № 1 Заседания Оргкомитета Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры от 5 октября 1965 года // Протоколы заседаний пленумов и Президиума Центрального Совета ВООПИиК. ГААО. Ф. 2614. Оп. 1. Д. 4. Л. 165–172. Л. 165.

общества по охране памятников истории и культуры». П.В. Витков, краевед, член секции по оргвопросам и подготовке съезда центрального оргкомитета Общества, рассказал о проекте устава новой организации, утверждение которого планировалось на учредительном съезде Всероссийского общества в апреле 1966 г. До этого времени делегаты областных отделений имели возможность обсудить проект устава и внести свои предложения и рекомендации относительно его содержания.

В своем докладе П.В. Витков изложил основные цели и задачи Общества, тезисно осветил все разделы, а также обратил внимание собравшихся на спорные моменты в проекте устава, которые вызвали возражения на ноябрьском заседании Всероссийского оргкомитета. На выступлениях в прениях делегаты высказали критические замечания к проекту устава и организации учредительного собрания в целом. По итогам встречи протоколом областной учредительной конференции проект устава Общества был одобрен и принято решение о создании Архангельского областного отделения Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Документ также предлагал советам окружного, городских и районных отделений Общества организовать разъяснительную работу среди населения о целях и задачах Общества и важности сохранения памятников истории и культуры. Предписывалось широкое вовлечение населения в ряды Общества. Главной задачей в этом направлении виделось создание первичных организаций на всех предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах и учебных заведениях².

Все эти шаги дали начало общественному движению, которое со временем собрало вокруг идеи сохранения памятников истории и культуры сотни организаций и тысячи граждан. Привлечение участников и создание первичных организаций на местах шло двумя взаимосвязанными путями. С одной стороны, вертикаль органов власти – от областного исполкома до местных чиновников – сопровождала добровольческое движение предписаниями и рекомендациями с целью вовлечения населения. С другой стороны, постепенно набиравшая силу пропаганда в области охраны памятников и сохранения культурного достояния способствовала принятию действительно добровольных решений о вступлении в Общество, выявляла идейных сторонников и активистов. Так, на момент проведения II конференции Архангельского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории

² Протокол Архангельской областной учредительной конференции Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Протоколы заседаний I учредительной, II и III отчетно-выборных конференций Архангельского областного Совета ВООПИиК. ГААО. Ф. 2614. Оп. 1. Д. 5. Л. 233–241. Л. 238.

и культуры 2 апреля 1968 г. в регионе насчитывалось 300 первичных организаций, объединявших 11530 членов³.

На учредительной конференции 21 декабря 1965 г. состоялись выборы совета Архангельского областного отделения Общества, который составили 29 представителей сфер культуры, науки и власти. Ниже приведены имена лишь некоторых участников, которые имели непосредственное отношение к судьбе памятников Соловецкого архипелага: П.В. Витков – краевед, автор статей и публикаций о Соловках, К.П. Гемп – председатель совета Архангельского городского отделения Общества, краевед, автор научных работ по Соловецким островам, В.И. Коряев – зам. редактора газеты «Правда Севера», А.А. Куратов – директор областного краеведческого музея, археолог, один из первых исследователей археологических памятников Соловецких островов, В.А. Лапин – начальник Архангельской специальной научно-реставрационной мастерской, М.И. Ноговицына – начальник управления культуры облисполкома, Б.С. Пономарев – директор Северо-Западного книжного издательства, А.Ф. Таранов – председатель Соловецкого поселкового совета, Г.Г. Фруменков – ректор Архангельского педагогического института имени Ломоносова, В.Ф. Шереметьевский – инспектор по музеям и памятникам управления культуры облисполкома⁴.

Из перечня видно, как много ведущих специалистов, представителей государственной власти, ученых и видных деятелей культуры Архангельской области, связанных по долгу службы, профессиональным интересам или по собственной инициативе с судьбой Соловецкого наследия, вошли в состав центрального органа региональной добровольческой организации. Данный факт нельзя считать случайным совпадением. Одной из заслуг ВООПИК можно назвать объединение и сплочение вокруг идеи сохранения культурного наследия наиболее активной, творческой и талантливой архангельской интеллигенции. Причем это были представители как органов управления, так и науки, образования, культуры, производства, краеведения и т.д. Свои профессиональные навыки и знания, а также связи и контакты они смогли применить на пользу общему делу.

³ Протокол II конференции Архангельского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 2 апреля 1968 года // Протоколы заседаний I учредительной, II и III отчетно-выборных конференций Архангельского областного Совета ВООПИИК. ГААО. Ф. 2614. Оп. 1. Д. 5. Л. 89–96. Л. 89.

⁴ Протокол Архангельской областной учредительной конференции Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Протоколы заседаний I учредительной, II и III отчетно-выборных конференций Архангельского областного Совета ВООПИИК. ГААО. Ф. 2614. Оп. 1. Д. 5. Л. 233–241. Л. 239.

Параллельно начальному этапу становления Архангельского областного отделения ВООПИК в регионе прошло еще одно знаковое событие, в центре которого оказались вопросы сохранения культурного наследия. В июле 1966 г. Архангельск принимал Всесоюзную научную конференцию «Памятники культуры Русского Севера». Организаторами конференции стали Министерство культуры РСФСР, Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, Институт истории искусств Министерства культуры СССР, управление культуры Архангельского облисполкома, Союз архитекторов СССР [Мазилова, 2021, с. 33]. Хотя Всероссийское общество охраны памятников не входило в число учредителей конференции, тем не менее можно утверждать, что Общество принимало активное участие в ее проведении, если обратиться к составу областной комиссии по подготовке данной конференции. Комиссию возглавила М.И. Ноговицына, начальник управления культуры. Семь из 13 участников комиссии на тот момент уже входили в состав совета Архангельского областного отделения ВООПИК. Кроме того, сама тематика конференции полностью соответствовала целям и задачам Всероссийского общества.

Еще одним доказательством активного вовлечения Общества в проведение конференции «Памятники культуры Русского Севера» служит перечень ее докладчиков. Так, ключевые доклады по вопросам сохранения историко-архитектурного комплекса Соловецкого архипелага на конференции 9 июля 1966 г. представили Дмитрий Сергеевич Лихачев, член-корреспондент Академии наук СССР, член секции по популяризации Общества, и Алексей Васильевич Воробьев, главный архитектор проекта Центральных научно-реставрационных мастерских, член актива Центрального совета Общества. Таким образом, судьба архитектурных памятников Соловецких островов стала одной из главных тем для обсуждения на конференции. Прозвучавшие доклады позволили проследить историю памятника, проанализировать подходы и вызовы на пути восстановления центральных объектов, утвердили необходимость создания музея-заповедника, наметили первостепенные задачи по изучению и музеефикации соловецкого наследия [Мазилова, 2021, с. 34].

Одним из резонансов упомянутой конференции в Архангельске 1966 г. можно считать специальный вопрос повестки III заседания Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 27 октября 1966 г. «О мерах улучшения содержания и использования историко-архитектурных памятников Соловецкого архипелага (б. Соловецкого монастыря)». В протоколе заседания фиксируются следующие решения: «1) Учитывая уникальный характер историко-архитектурных памятников Соловецких островов и важность

организации широкого их показа считать необходимым: создание на базе памятников Соловецких островов Государственного историко-архитектурного музея-заповедника; укрепление на Соловецких островах строительно-реставрационного участка для проведения работ по реставрации памятников и благоустройства территории историко-архитектурного заповедника; 2) Просить ВЦСПС рассмотреть вопросы о создании на Соловецких островах туристского центра с высоким уровнем обслуживания туристов и на базе зданий Савватиева скита – дома отдыха на 200–250 человек; 3) Просить Совет Министров РСФСР предусмотреть в бюджете на 1967 год целевое выделение ассигнований Архангельскому облисполкому на реставрационно-консервационные работы и благоустройство Соловецкого архипелага; 4) В связи с организацией музея-заповедника и туристической базы просить Министерство обороны СССР рассмотреть вопрос о выводе учебной базы Морского флота»⁵ и т.д.

Таким образом, уже на одном из первых заседаний центрального совета Общества усилия его членов были направлены на выработку решений по сохранению и музеефикации памятников Соловецкого архипелага. С тех пор внимание ВООПИК к судьбе островного наследия не ослабевало на протяжении двух десятилетий.

Итак, вопросы сохранения историко-культурного и природного наследия Соловецкого архипелага начали активно обсуждаться на уровне управления культуры Архангельского облисполкома и других властных структур в середине 1960-х гг. Об этом свидетельствуют документы Государственного архива Архангельской области: делопроизводственная переписка, планы, предложения, обсуждения проектов положений и т.д. К первой половине 1965 г. относятся предложения по сохранению памятников архипелага Соловецких островов, разработанные для облисполкома⁶. В них запланированы важные шаги по учету и сохранению, прежде всего, архитектурных памятников. Так, первым пунктом предписывается включение в списки памятников культуры, подлежащих охране как памятники местного значения, культовые, гражданские, производственно-хозяйственные и инженерно-гидротехнические сооружения, Соловецких островов. Еще в 1960 г. Постановлением Совета министров РСФСР № 1327 от 30 августа «О дальнейшем

⁵ Протокол № 3 заседания Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 27 октября 1966 г. // Протоколы заседаний пленумов и Президиума Центрального Совета ВООПИК. ГААО. Ф. 2614. Оп. 1. Д. 4. На 172 л. Л. 155–156 об. Л. 156.

⁶ Предложения по сохранению памятников архипелага Соловецких островов // Материалы по охране памятников архитектуры на Соловецких островах (справки, рекомендации, докладные записки, списки, акты, переписка). 30 января 1965 г. – 13 января 1972 г. ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1155. 110 л. Л. 5–6. Л. 5.

улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» некоторые архитектурные и археологические объекты Соловецкого архипелага, в том числе центральный монастырский ансамбль, были включены в общероссийский список памятников истории и культуры, подлежащих первоочередной подготовке к музейному показу. Тем самым устанавливалась государственная охрана указанных объектов. На региональном уровне в 1965 г. был составлен дополнительный перечень памятников, охраняемых государством на областном уровне.

Для проведения первичных консервационных работ на соловецких памятниках в предложениях предусматривалось создание Архангельских специальных научно-реставрационных производственных мастерских при управлении культуры. Задачей мастерских являлось выполнение всех видов работ по восстановлению памятников архитектуры на Соловках в соответствии приоритетным перечнем, а также организация собственной производственной базы на острове начиная с 1966 г. Для увеличения объема работ и финансирования планировалось ходатайствовать в Министерство культуры РСФСР. Но в 1965 г. было решено ограничиться консервационно-косметическими работами на главных памятниках Большого Соловецкого острова. Причем размер запрашиваемых бюджетных ассигнований на проведение данных работ составлял всего 10–15 тыс. рублей, что является совсем небольшой суммой в сравнении с последующими объемами⁷.

В целях популяризации природно-ландшафтной локации и культурного наследия островов документ предлагает организовать в одном из корпусов центрального ансамбля постоянно действующую выставку по истории Соловецких островов с последующей реорганизацией ее в филиал Архангельского областного краеведческого музея с собственным экскурсионным бюро⁸. Таким образом, уже в первых проектных документах и предложениях по Соловецким островам вопросы сохранения архитектурной целостности, природного наследия и музеефикации рассматривались в едином контексте.

Статус Соловецкого архипелага долгое время оставался дискуссионным. Выдвигались предложения по объявлению территории островов историко-биологическим или историко-природным заповедником, звучали мнения в пользу присвоения статуса историко-культурного или историко-архитектурного музея-заповедника. При этом разработку основных положений по охране природных комплексов на

⁷ Предложения по сохранению памятников архипелага Соловецких островов. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 6.

Соловках предполагалось поручить Всероссийскому обществу охраны природы. Обсуждались идеи устройства в Савватиевском скиту дома отдыха, на острове Анзер – пионерского лагеря и дома для престарелых⁹.

Еще в 1959 г. на Соловецкие острова был организован первый туристический рейс из Архангельска. С 1960 г. началось экскурсионное обслуживание туристов. Изначально экскурсоводы из числа местных жителей работали «на общественных началах». В 1965 г. на должность экскурсовода на Соловках Архангельским управлением культуры была принята Светлана Васильевна Вереш, которая впоследствии стала первым заведующим Соловецкого музея-заповедника. Туристический поток на островах с каждым годом становился все больше. В 1962 г. в одном из корпусов Соловецкого историко-архитектурного комплекса была открыта турбаза для обеспечения путешественников местом ночлега. К 1965 г. стало ясно, что ее вместимость недостаточна. Неоднократно поднимался и прорабатывался вопрос о расширении турбазы за счет других корпусов северного двора Соловецкого ансамбля с дополнительными помещениями на 150–200 мест, клубом-столовой и собственной котельной¹⁰.

Светлане Васильевне Вереш управлением культуры было поручено провести подготовительную работу по созданию музея на Соловецких островах. В начале 1966 г. она рекомендовала использовать для размещения музейной экспозиции помещение Надвратной церкви Соловецкого комплекса. Однако в январе 1967 г. первая музейная выставка, посвященная истории Соловецкого монастыря, была открыта в Настоятельском корпусе. В основном на ней были представлены экспонаты, переданные из школьного общественного музея, а также привезенные С.В. Вереш нескольких столичных музеев.

Официальное решение о создании Соловецкого музея-заповедника было закреплено распоряжением Совета министров РСФСР от 10 января 1967 г. № 69-р. Документом предусматривалась организация на базе памятников Соловецких островов историко-архитектурного музея-заповедника в качестве филиала Архангельского областного краеведческого музея. Такое решение обеспечивало методическую, научную, профессиональную поддержку островному филиалу. Министерству культуры РСФСР и Архангельскому облисполкому

⁹ Рекомендации по вопросам охраны природы, развитию туризма и экономики островов Соловецкого архипелага // Материалы по охране памятников архитектуры на Соловецких островах (справки, рекомендации, докладные записки, списки, акты, переписка). 30 января 1965 г. – 13 января 1972 г. ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1155. 110 л. Л. 13–14. Л. 13

¹⁰ Там же. Л. 13.

предписывалось в двухмесячный срок разработать проект положения о Соловецком музее¹¹.

Основной текст документа был подготовлен инспекцией по охране памятников Министерства культуры на основе типового положения для большинства музеев-заповедников, созданных в тот период. Затем проект дорабатывался местными специалистами, знающими специфику территории и локальный контекст. Таким образом, Архангельскому облисполкому предстояло уточнить перечень памятников и памятных мест, имеющих историческую, архитектурную, этнографическую или художественную ценность, которые должны были войти в состав музея-заповедника, а также определить его границы с учетом территории охранных зон всех включенных памятников¹².

В первоначальной редакции предполагалось, что создаваемый музей-заповедник включит все сооружения и территорию Соловецкого монастыря в пределах крепостных стен, древние строения и сооружения на Большом Соловецком острове за стенами монастыря, а также археологические, архитектурные, хозяйственные и гидротехнические объекты на других островах архипелага. В окончательной версии документа границами Соловецкого музея-заповедника был признан весь Соловецкий архипелаг¹³.

В итоге островной музей, запланированный центральными властями на базе архитектурных памятников древнего каменного ансамбля, занимал по факту один Наместнический корпус, в котором размещалась небольшая выставка по истории архипелага. Штат музея состоял из 8 человек, включая истопника, смотрителя и уборщика. Собственно музейной работой занимались заведующий, хранитель фондов, два научных сотрудника. К концу первого музейного года в коллекции музея насчитывалось чуть больше 200 единиц хранения, большинство из которых вошли в состав действующей выставки. Масштабным планам Министерства культуры и местного управления по музеефикации всего архипелага, которые были отражены в положении о музее-заповеднике, не суждено было сбыться в полном объеме. Даже музеефи-

¹¹ Распоряжение Совета Министров РСФСР от 10 января 1967 года № 69-р // Материалы по охране памятников архитектуры на Соловецких островах (справки, рекомендации, докладные записки, списки, акты, переписка). 30 января 1965 г. – 13 января 1972 г. ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1155. Л. 38.

¹² Письмо Министерства культуры РСФСР № 17-30 от 11 марта 1967 г. в Управление культуры Архангельского облисполкома // Проект Положения о Соловецком историко-архивном музее-заповеднике. Переписка с райисполкомами об охране памятников культуры. ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1264. Л. 16.

¹³ Проект Положения о Соловецком историко-архитектурном музее-заповеднике // Проект Положения о Соловецком историко-архивном музее-заповеднике. Переписка с райисполкомами об охране памятников культуры. ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1264. Л. 17–30. Л. 18.

кация центрального архитектурного комплекса и сопутствовавшая ей реставрация происходили постепенно, ценой больших усилий, привлечения ресурсов, вложения финансовых средств и консолидации сообщества. Но это уже другой этап в истории музейного освоения соловецкого наследия.

Большую роль в музеефикации историко-архитектурного наследия Соловецкого архипелага сыграли не только законодательные акты и проекты местных органов власти, но и представители научной и культурной общественности. В начале 1960-х гг. стали выходить научно-популярные книги Г.Г. Фруменкова «Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX веках», «Узники Соловецкого монастыря». В 1966 г. были опубликованы очерки Г.А. Богуславского «Соловецкие острова». Стали активно печататься брошюры, открытки и альбомы¹⁴.

Ярким примером активного вклада граждан в сохранение и популяризацию природного и архитектурного наследия Соловецких островов стала общественная деятельность Павла Васильевича Виткова. В 1957 г. он был назначен директором школы на Соловецких островах. Красота и величие древних памятников произвели на него огромное впечатление. В то же время он оказался свидетелем их стремительного разрушения из-за неудовлетворительного содержания. Одним из первых он стал писать письма, выступать с обращениями, отправлять статьи в газеты и журналы, чтобы привлечь внимание органов государственной власти, а также деятелей науки и культуры к проблемам сохранения и рационального использования Соловецкого архипелага.

С 1960 г. в периодической печати с регулярно выходят статьи П.В. Виткова о Соловецких островах. В январе 1960 г. в критическом очерке «Почему забыты Соловецкие острова?», опубликованном в региональной газете «Правда Севера», был поднят вопрос о необходимости сохранения и рационального использования наследия, ресурсов и потенциала островной территории. П.В. Витков стал автором множества статей на соловецкую тематику, в которых не только освещал и популяризировал забытые страницы истории Соловков, но и предлагал конкретные решения и меры по их хозяйственному и культурному освоению.

Полемика на страницах региональной и общероссийской прессы вокруг памятников Соловецкого архипелага активно продолжалась на протяжении 1960–1970-х гг., отдельные публицистические заметки станови-

¹⁴ См.: Манизер Г. Архитектура Соловецкого монастыря. М.: Советский художник. 1969. 20 с.[29]л. ил. (Памятники древнего зодчества)

лись настолько обсуждаемыми и дискуссионными, что вызывали ответные публикации. Так, 13 сентября 1966 г. на страницах «Литературной газеты» вышла статья Ю.П. Казакова «Соловецкие мечтания». В ней писатель и журналист после своего путешествия на Соловки рассказал о крайне запущенном состоянии памятников и инфраструктуры, указал на бездействие местной власти, выделил наиболее острые проблемы сохранности соловецких памятников и природных комплексов. Уже в октябре газета опубликовала многочисленные отклики на статью Ю.П. Казакова, среди которых были статьи Д.С. Лихачева, археолога и исследователя Соловецкой крепости А.Н. Кирпичникова.

В целом с 1960-х гг. судьба Соловецкого архипелага стала предметом пристального внимания и обсуждения не только среди профессионального сообщества, но и более широкой общественности.

В 1962 г. П.В. Витков был назначен на должность методиста Архангельского института совершенствования учителей и уехал с Соловков. Как видно по его газетным публикациям, в Архангельске он продолжил свою общественную деятельность по сохранению памятников. Когда 5 октября 1965 г. на заседании оргкомитета ВООПИК был утвержден состав секций оргкомитета, П.В. Витков, в то время занимавший пост председателя Архангельского областного общества краеведов, стал членом комиссии в секции по оргвопросам и подготовке съезда Общества¹⁵. В 1966 г. он был избран делегатом учредительного съезда ВООПИК от Архангельской области, затем продолжал играть активную и заметную роль в организации и работе Архангельского отделения. Общество стало новой площадкой для продвижения его идей и взглядов, в том числе относительно памятников Соловецких островов.

Итак, учреждение областного отделения ВООПИК и создание Соловецкого музея-заповедника стали результатами общих процессов, характерных для социально-культурной жизни страны и региона. Государственная политика по учету, восстановлению и популяризации исторического наследия получала широкий отклик общественности. Благодаря сочетанию этих двух факторов в одно и то же время создаются добровольные общественные организации и повсеместно организуются музеи-заповедники как очаги сосредоточения культурных ценностей, обладающие большим потенциалом развития территорий. Для Архангельской области ключевым стал период с 1965 по 1967 г., когда в

¹⁵ Протокол № 1 Заседания Оргкомитета Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры от 5 октября 1965 года // Протоколы заседаний пленумов и Президиума Центрального Совета ВООПИиК. ГААО. Ф. 2614. Оп. 1. Д. 4. Л. 165–172. Л. 168 об.

короткий промежуток времени были реализованы крупнейшие проекты, направленные на изучение и сохранение регионального культурного достояния. Начало работы местного отделения ВООПИК совпало со временем проведения Всероссийской конференции по охране памятников деревянного и каменного зодчества, что также ускорило процесс создания музея-заповедника на Соловецких островах.

Данные важнейшие события были сконцентрированы не только хронологически и географически: их объединяет круг вовлеченных и заинтересованных участников. На решение задач, поставленных временем и обществом, были направлены усилия одних и тех же людей, профессионалов своего дела, равнодушных граждан с активной общественной позицией. Во многом благодаря консолидации властей, интеллигенции, широкой общественности в достаточно короткие сроки удалось достичь значительных результатов как в работе регионального органа ВООПИК, так и в музеефикации Соловецкого архипелага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беречь наши сокровища: Первая областная конференция общества охраны памятников истории и культуры // Правда Севера. 1965. 23 дек., № 302(13448).
Мазилова Е.А. Архангельская конференция 1966 года как этап в музеефикации соловецкого наследия // Развитие Северо-Арктического региона: история и традиции народов Арктики в меняющихся климатических условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Архангельск, 29–30 апреля 2021 г.) / отв. ред. Л.Ю. Щипицина; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2021. С. 32–36.

REFERENCES

Take care of our treasures: The first regional conference of the Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments // Pravda Severa. 1965. December 23, No. 302 (13448).
Mazilova E.A. The Arkhangelsk Conference of 1966 as a stage in the museification of the Solovetsky heritage // The development of the North Arctic region: the history and traditions of the peoples of the Arctic in changing climatic conditions: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Arkhangelsk, April 29–30, 2021) / ed. by L.Y. Shchipitsina. Arkhangelsk, NARFU, 2021. Pp. 32–36.

КРИЗИС ВО ВСЕРОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ: ИЗМЕНЕНИЕ «ПРАВИЛ ИГРЫ» И АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

НЕПЛЮЕВ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
Пермский краеведческий музей

Благодарности: исследование
выполнено при финансовой поддержке
РФФИ и Пермского края в рамках
научного проекта № 20-49-590004.

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-81-96

© Неплюев П. А.

АННОТАЦИЯ

В условиях холодной войны и заморозки официальных дипломатических контактов между СССР и странами Запада включаются механизмы парадипломатии. Важным механизмом развития международного гуманитарного сотрудничества в позднесоветский период являются общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Ключевыми направлениями деятельности обществ дружбы являлись культурные, образовательные, спортивные, научные контакты, международный туризм. Об эффективности деятельности обществ дружбы свидетельствует создание значительной сети региональных и городских отделений, включающих десятки тысяч первичных организаций.

В работе рассмотрена деятельность Свердловского областного отделения Общества советско-чехословацкой дружбы (ОСЧД) с момента создания до прекращения существования. Ежегодное увеличение количества коллективных членов ОСЧД свидетельствует об успешности и востребованности организации. Изученные материалы архивов, музеев, личные воспоминания участников событий позволяют сделать вывод о том, что деятельность была добровольной, однако важную роль играла финансовая, организационная и иная поддержка партийных органов. **Ключевые слова:** Общество советско-чехословацкой дружбы, побратимы, международное гуманитарное сотрудничество, Свердловск, народная дипломатия.

CRISIS IN THE ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS: CHANGING THE RULES OF THE "GAME" AND ADAPTING TO NEW REALITIES IN THE FIRST HALF OF THE 1980S

Petr A. Nepliuiev

Perm State University
Perm Museum of Local Lore

Abstract.

In the first half of the 1980s the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) faced serious financial difficulties, lost control over experimental jewelry

factories that had been created under the auspices of VOPIK since the late 1960s, and became the object of inspections. Having found itself in new conditions, VOPIK reduces, interrupts or cancels many restoration projects, and refuses to take new initiatives. As a result, significant changes emerge in the financial structure of the Society, staff reductions appear and a number of other consequences take place. Within the framework of the article, the crisis situation in the structures of the VOPIK in the first half of the 1980s and its attempts to survive in new realities will be considered.

Key words: VOPIK crisis, monuments protection, historical and cultural activism, political economy of Soviet voluntary societies, local history.

Acknowledgments:

the reported study was funded by the RFBR and the Perm Territory within the framework of the scientific project No 20-49-590004.

Изучение Всероссийского общества охраны памятников (далее – ВООПИК или Общество) находится на стыке двух важных сюжетов в исследованиях позднесоветского периода. С одной стороны, это низовой активизм советских граждан (в т.ч. в области охраны памятников), с другой – советские массовые добровольные организации и инициативы. В последние годы эти сюжеты все чаще встречаются в исследовательской литературе. Так, в статье о советских пенсионерах 1950–1960-х гг. А. Клоц и М. Ромашова [Klots, Romashova, 2018] затрагивают саму природу низового активизма, рассматривают причины его актуализации в позднесоветский период и роль в системе государственного строительства. В исследованиях охраны памятников важной точкой становится статья В. Донован, которая на примере северо-западных регионов РСФСР показывает, как возникал низовой активизм в Советском Союзе [Донован, 2012]. В дальнейшем эту тему продолжит Е.А. Мельникова в статье о советском поисковом движении [Мельникова, 2018]. Отдельного внимания исследователей заслуживает и само Общество охраны памятников. Оно фигурирует в работе Н. Митрохина «Русская партия» [Митрохин, 2003], становится одним из центральных сюжетов монографии Е. Болтуновой и Г. Егоровой «Территория и история: позднесоветские проекты “Города-герои” и “Золотое кольцо”» [Болтунова, Егорова, 2022]. К другим авторам, писавшим о сфере охраны памятников, можно отнести Д. Козлова [Козлов, 2001], Ж. Кормину, С. Штыркова [Кормина, Штырков, 2015], П. Неплюева [Неплюев, 2022] и других. Необходимо также отметить, что ВООПИК не единственное общество, которое в последние годы привлекает внимание исследователей. Так, выделяются работы Е. Матвеева, изучающего Всероссийское общество книголюбов (ВОК) [Матвеев, 2018]. Е. Боголюбов публикует статьи о юридическом положении советских добровольных обществ, их стремлении к оформлению своего статуса [Боголюбов, 2023]. В последние десятилетия было защищено несколько диссертаций по тематике

ВООПИК на региональном материале, в фокусе исследования которых государственная политика в области охраны памятников [Голотин, 2011; Казка, 2006; Свичкар, 2014]. Таким образом, сфера низового активизма и советских массовых добровольных организаций и инициатив является востребованным сюжетом в современной историографии.

Вместе с тем в современной историографии можно встретить мнение, что кризисная ситуация для советских добровольных организаций наступает с приходом перестройки и распадом Советского Союза. Однако для Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры кризис начинается еще в первой половине 1980-х гг., а перестройка в данном случае лишь усиливает возникшие ранее тенденции. В рамках статьи рассматривается вопрос финансирования Общества и его функционирования в период кризиса 1982–1983 гг.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры появляется в 1965 г. Оно стало ответом на недовольство советских граждан состоянием сферы охраны памятников истории и культуры в послевоенный период. Основными задачами Общества стали помощь государству в деле охраны памятников через сбор дополнительных средств у населения, пропаганда исторического наследия, а также непосредственное участие в создании и реставрации памятников.

В 1960–1970-е годы Общество становится по-настоящему массовой добровольной организацией. Государство делегировало ВООПИК функции по надзору и охране историко-культурного наследия, которые само не могло выполнять в полной мере. Несмотря на это, организация не могла самостоятельно заниматься реставрацией и возведением памятников, делая это только с разрешения обкомов партии и/или более высоких инстанций.

Тем не менее данное общество обладало высокой степенью свободы и даже полномочиями контроля в вопросах учета и экспертной оценки памятников истории и культуры, а также в области пропаганды культурного наследия. К другим обязанностям общества зачастую относились поиски подрядчика для возведения/реставрации памятников, составление необходимой документации (смет), а также финансирование работ. К 1980-м гг. Общество насчитывало около 20 млн участников и в это же время выделяло от 1/3 до 1/5 всех средств, затрачиваемых на охрану памятников в РСФСР.

У Общества как добровольной организации было три основных источника финансирования: во-первых, это вступительные и членские взносы. Каждый вступающий в ВООПИК человек платил 15 копеек

(школьники платили 10), годовой взнос составлял 30 копеек с человека¹. Взносы были как индивидуальные, так и коллективные, то есть от первичных организаций советских предприятий и учреждений. Коллективные взносы составляли от 50 до 60% всех доходов ВООПИК², т.к. их, очевидно, было проще собрать. Зачастую при этом использовался административный ресурс, т.е. местные чиновники, либо состоящие в ВООПИК, либо сочувствующие Обществу, могли оказывать давление на организации и требовать выплаты взносов. Следовательно, помимо непосредственно заботы о памятниках, одной из ключевых задач Общества было увеличение своей численности и сбор взносов, иначе организация не смогла бы функционировать.

Второй источник дохода Общества – это предприятия. Уже с конца 1960-х гг. в регионах РСФСР стали появляться мастерские, экспериментальные заводы и фабрики по производству ювелирной и сувенирной продукции. Они одновременно поддерживали промыслы отдельных регионов, транслировали их культуру и зарабатывали для ВООПИК средства. Такие заводы были созданы в Москве, Новосибирске, Ростове и других регионах. В Перми, например, был основан Пермский экспериментальный ювелирно-гранильный завод, который в том числе изготавливал украшения из селенита, всячески использовал в сувенирной продукции мотивы пермского звериного стиля. К 1980-м гг. чистый годовой доход только пермского завода мог достигать 200 тыс. рублей³.

Третьим же источником дохода ВООПИК были добровольные взносы советских граждан и организаций. При создании ВООПИК также был учрежден специальный Фонд охраны памятников⁴, который принимал добровольные пожертвования. Часто щедрым жертвователем выступала Русская православная церковь⁵.

Однако уже в начале 1980-х гг. Общество сталкивается с серьезными финансовыми трудностями. Например, об этом пишут авторы коллективного письма от 13 ноября 1987 г.: «Следуя указанию свыше, Центральная совет ВООПИК «добровольно» отказывается от коллективных

¹ Протоколы заседаний городского совета ВООПИК за 1970 год // ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 220. Л. 58.

² Объяснительная записка «К балансу за 1981 год Пермского областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры» // ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 680. Л. 216–217.

³ Объяснительная записка к отчету за II квартал 1980 г. по ПЭЮГЗ (Пермскому экспериментальному ювелирно-гранильному заводу) // ПермГАСПИ. Ф. 620. Оп. 80. Д. 67. Л. 33.

⁴ Положение о «Фонде охраны памятников истории и культуры» // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

⁵ Письмо председателя Президиума Центрального Совета ВООПИК В.И. Кочемасова Патриарху Московскому и всея Руси Пимену о получении добровольного взноса Московской Патриархии во Всероссийский фонд охраны памятников; Письмо Патриарха Московского и Всея Руси Пимена Председателю Президиума Центрального Совета ВООПИК В.И. Кочемасову о перечислении Русской Православной Церковью взноса в фонд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 687. Л. 136, 137.

взносов. (О том, насколько это решение было добровольным, можно судить по неспособности Общества, возглавляемого зам. Председателя Совета Министров РСФСР (В.И. Кочемасовым. – прим. Н.П.) вернуться к ним снова). [...] Известно, что коллективные взносы были основным источником формирования реставрационных расходов ВООПИК – более 75%. Однако теперь, по чьему-то заботливому радению, ВООПИК практически лишилось права направлять нужные средства на восстановление определяемых общественностью памятников, т.е. важного аспекта целесообразности своего существования»⁶.

Отмена взносов стала результатом череды проверок, с которой Общество столкнулось в первой половине 1980-х гг. В течение второй половины 1982 г. деятельность ВООПИК проверялась Комитетом народного контроля СССР. Стоит остановиться на результатах этой проверки подробнее, т.к. в дальнейшем ее последствия окажут крайне негативное влияние на функционирование ВООПИК.

В результате проверки были выявлены множественные финансовые и организационные нарушения. Комитет народного контроля СССР сделал вывод, что ВООПИК «не отвечает в полной мере требованиям его устава»⁷. Так как по уставу основной деятельностью Общества являлась охрана памятников и сбор на нее финансовых средств у населения, то любые нарушения в этой области, по мнению Народного контроля, были критическими. Так, при ежегодном сборе более 5 млн рублей индивидуальных членских взносов Общество крайне слабо контролировало этот процесс на местах: не велись ведомости уплаты членских взносов, не гасились марки, нередко они даже не вручались в подтверждение об уплате взноса. Вплоть до первой половины 1980-х не существовало инструктивных документов о порядке учета, хранения и отчетности по маркам, которые находились на строгом учете. Одной из критических проблем также была так называемая кассовая дисциплина: в отсутствие контроля над многочисленными отделениями на местах ответственные секретари собирали взносы от частных лиц и предприятий не через сберегательные кассы (на конкретные счета отделений), а лично, оставляя полученные средства в своем распоряжении. Результатом подобной практики становились утраты денежных

⁶ Открытое письмо членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в ЦК КПСС по поводу организованной проверки Общества перед рассмотрением на Секретариате ЦК партии // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 198, л. 90б.

⁷ Записка отдела науки, культуры и здравоохранения Комитета Народного контроля СССР о серьезных недостатках в хозяйственной и финансовой деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 687. Л. 45–49.

средств, а также их хищения. Со второй половины 1970-х гг. против сотрудников ВООПИК на местах все чаще возбуждались уголовные дела, что, возможно, могло стать одной из причин проверки. Подобные ситуации наблюдались во многих регионах РСФСР: в Куйбышевской, Московской, Мурманской областях и т.д.

Еще одной претензией Народного контроля стало отсутствие пропаганды на местах: предприятия, организации и учреждения платили членские взносы, однако работа на предприятиях не велась, во многих из них первичные организации не были созданы. В Москве из 548 проверенных коллективных членов в 223 не было первичных организаций. Во многих проверенных организациях не оказалось юридических документов, подтверждающих вступление в Общество. Основанием для перечисления взносов являлись ежегодные письма за подписью руководителей исполкомов районных и городских Советов народных депутатов, которые часто занимали руководящие должности (председателей) отделений Общества. При этом в нарушение существовавших положений взносы платились из различных фондов предприятий и даже из бюджетных средств. Тульский комбайновый завод, например, выплатил таким образом за 1970-е гг. 19 тыс. рублей из фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, Московское производственное объединение «Молоко» 500 рублей годовых взносов относило на себестоимость продукции, отдел народного образования Октябрьского райисполкома г. Москвы ежегодно вносил 470 рублей из бюджетных средств. Практика сбора подобных коллективных взносов, судя по всему, была повсеместной и не вызывала нареканий у руководства (Центрального совета) ВООПИК, т.к. Обществу требовались значительные финансовые средства для ведения основной уставной деятельности.

Отдельная проверка проходила на подконтрольных Обществу предприятиях (ювелирных мастерских, заводах, комбинатах). В отсутствие жесткого контроля со стороны Центрального совета предприятия преднамеренно устанавливали завышенные в два и более раз плановые объемы прибыли, что приводило к получению доходов, подлежащих перечислению в республиканский бюджет.

В значительных размерах допускались приписки⁸ в экспериментальной специальной научно-производственной мастерской Общества в Москве. В 1979–1981 гг. в мастерской были выявлены приписки на сумму более миллиона рублей, или 49% к установленным объемам производства.

⁸ Приписки (в советском уголовной праве) – умышленное искажение отчетных данных о выполнении планов. Наказывались штрафами, исправительными работами или лишением свободы на срок до трех лет. Прим. авт.

Результатом стала выплата 438 тысяч рублей заработной платы за невыполненные работы. В отношении бывшего директора мастерской Брунака было возбуждено уголовное дело. По мнению Народного контроля, в значительной степени в указанных нарушениях был замешан один из председателей Общества, Васильев⁹, который еще в ноябре 1980 г. был освобожден от должности по собственному желанию. В дальнейшем для сокрытия нарушений и в целях возмещения ущерба другим заместителем председателя ВООПИК, В.И. Ивановым, была выдана ссуда в 700 тысяч рублей из средств Общества, которая в дальнейшем не была возвращена и была списана на расходы Центрального совета. При этом, как указывает Народный контроль, большая часть руководителей Общества не была связана с финансовыми махинациями и в них участия не принимала.

Кроме приписок производственные предприятия ВООПИК обвинялись, с одной стороны, в чрезмерной растрате материалов, а с другой, в продаже нерастроченных материалов «на сторону» (кожа, металл, полудрагоценные камни, парафин, строительные материалы).

К другим претензиям относилось игнорирование существующего порядка выплаты премий. Судя по отчету Народного контроля, руководством Центрального совета Общества санкционировалось незаконное расходование средств на эти цели в областных отделениях и на предприятиях. «В результате бесконтрольного использования премиального фонда основная его часть расходуется в качестве постоянных надбавок к заработной плате. В московском городском отделении общества в 1981 году общая сумма выплаченных премий штатным сотрудникам составила 16 процентов фонда их заработной платы вместо двух процентов, как установлено для работников аппарата управления. Многие штатные работники этого отделения премировались 7–10 раз в году, а в I квартале 1982 г. – ежемесячно»¹⁰.

Можно предположить, что выявленные в ходе проверки нарушения и злоупотребления были результатом недостатка контроля над отделениями и предприятиями Общества: «Контрольно-ревизионная работа в Обществе ведется формально. Ревизии местных отделений и подведомственных предприятий проводились нерегулярно и неквалифицированно, не вскрывали крупных финансовых нарушений и злоупотреблений, выявленных настоящей проверкой»¹¹.

⁹ Ни в указанном документе, ни в других источниках имя или инициалы установить не удалось. Прим. авт.

¹⁰ Записка отдела науки, культуры и здравоохранения Комитета Народного контроля СССР о серьезных недостатках в хозяйственной и финансовой деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 687. Л. 45–49.

¹¹ Там же.

Кроме проверки Народного контроля Общество привлекло внимание надзорных органов вследствие еще одной кампании того времени. С конца 1970-х в РСФСР велась деятельность по сокращению бюрократического аппарата. Не раз отмечалось, что количество руководящих кадров на предприятиях РСФСР каждый год увеличивается примерно на 2%, в том числе и в структурах ВООПИК, при общем росте количества штатных сотрудников на 0,04%¹². В связи с этим и Совет министров РСФСР, и региональные власти требовали от ВООПИК сократить количество штатных единиц внутри Общества и с 1983 г. привлекать в аппарат управления членов ВООПИК на общественных началах, как и предполагалось уставом.

Помимо прочего, с начала 1980-х гг. в РСФСР проходит кампания по борьбе с неиспользованием полученных взносов среди добровольных обществ, инициированная Министерством финансов РСФСР и Комитетом народного контроля. Внимание к указанной проблеме свидетельствует о ее распространенности: в РСФСР были десятки организаций, собирающих добровольные взносы и не расходующих их на уставную деятельность.

Так, за 1981 г. ВООПИК получило 7,8 млн рублей коллективных взносов (56,7% от общей суммы доходов). В то же время неиспользованные средства на счетах российских общественных организаций на 1 октября 1982 г. составили 336 млн рублей. Всего в списке было 12 крупнейших обществ. Из них ВООПИК находилось на последних позициях: общая сумма неиспользованных средств на его счетах составляла 20,2 млн рублей. Возможно, это было связано с большими расходами на уставную деятельность, в отличие от других обществ. «Рекордсменом» представлялся Союз обществ охотников и рыболовов РСФСР (Росохотрыболовсоюз). На его счетах оставалось 77,8 млн рублей. Среди других организаций были Всероссийское общество спасения на водах (33,3 млн рублей), Всероссийское общество охраны природы (41,8 млн рублей). Можно предположить, что руководство ВООПИК, как и руководство других добровольных организаций, стремилось сохранить на своих счетах определенную сумму для обеспечения экономической стабильности в будущем. Впрочем, отмечалось, что ВООПИК не выполняет план работ по реставрации, консервации и благоустройству памятников. За 1981 г. план работ был выполнен лишь на 53,5%, за 9 месяцев 1982 года – на 30,9%.

¹² Записка Минфина РСФСР и Комитета Народного контроля СССР о кампании по борьбе с нерасходованием полученных взносов среди добровольных обществ // ГАРФ, Ф. А639. Оп. 1. Д. 717. Л. 2–6.

Можно предположить, что ситуация с остатком значительного объема средств на счетах добровольных организаций не устраивала государственные власти по двум основным причинам. Во-первых, средства, остающиеся на счетах, изымались из советской экономики и состояли они не только из индивидуальных взносов и прибылей предприятий. Во-вторых, зачастую коллективные взносы от организаций выплачивались за счет фондов на различные социальные и культурные нужды, о чем уже говорилось выше. При этом, средства могли собираться не только с промышленных и производственных предприятий, получающих прибыль, но и с тех учреждений, которые сами ничего или почти ничего не зарабатывали. Это в первую очередь организации социальной направленности: школы, больницы, музеи, архивы и другие. Легко представить суть недовольства органов власти в данной ситуации: Общество было создано, чтобы собирать негосударственные деньги у граждан на охрану памятников, но в связи со сбором взносов с социальных учреждений происходило перенаправление государственных средств из их бюджета на охрану памятников.

Безусловно, все перечисленные выше претензии и обвинения были восприняты крайне серьезно и вынудили действовать и властные структуры РСФСР, и само Общество. Возбуждались уголовные дела, проводились проверки. Однако необходимо отметить, что зачастую проверки не учитывали саму специфику функционирования Общества. Можно предположить, что многочисленные ошибки, недочеты, растраты и даже уголовные дела были неизбежны.

Задача по сбору взносов ложилась на региональные отделения (городские и/или районные). В каждом отделении был свой ответственный секретарь, в обязанности которого в том числе входило привлечение новых членов и сбор взносов. При этом нужно указать, что еще при создании ВООПИК перед ним была поставлена задача стать по-настоящему добровольным, т.е. основные функции должны были выполнять добровольцы-активисты, не получающие за свою работу зарплату. Количество штатных работников должно было быть минимальным. Чаще всего это были заместители председателей отделений, секретари крупных городских или районных отделений, бухгалтеры. Обычной практикой было использование секретарей-добровольцев и секретарей на полставки. На рубеже 70–80-х гг. представители Свердловского областного отделения посчитали, что штатный секретарь (или «освобожденный») на каждый рубль своей зарплаты собирает до 6 рублей взносов, секретарь на полставки собирает до 3 рублей, а эффективность работы секретаря без зарплаты примерно в 2–3 раза ниже, чем у секретаря на полставки. Поэтому Общество было заинтересовано

в увеличении количества штатных должностей, но наталкивалось на сопротивление органов власти, которые хотели минимизировать штатный аппарат.

Еще одним пунктом претензий были завышенные премии, надбавки к зарплате. В первую очередь это было связано со спецификой работы Общества на местах и относительно низкими зарплатами. Зарплаты в ВООПИК не были большими, особенно если учитывать нагрузку работников. Так, секретарь отделения на полной ставке мог получать от 110 до 140 рублей в зависимости от региональных коэффициентов. При этом часто отделения размещались в районах с труднодоступными и рассредоточенными населенными пунктами, особенно на Русском Севере, Урале, Сибири, Дальнем Востоке. Даже штатные секретари, в отсутствие приписанного к отделению транспорта, зачастую не успевали объехать их все, не говоря о тех, кто работал на полставки или на добровольных началах. В условиях низких зарплат и большой нагрузки единственным способом сохранить кадры было премирование и зарплатные надбавки. На должности секретарей и других функционеров Общества часто шли пенсионеры, располагающие свободным временем, но едва ли способные ежемесячно объезжать свой район в отсутствие транспорта. При этом зачастую секретари не обладали необходимыми навыками, чтобы вести делопроизводство, отсюда множество нарушений в этой сфере, в частности неправильно составленные, а следовательно, неисполненные сметы. Помощь тут могли бы оказать бухгалтеры отделений, но их тоже не хватало, многие работали на полставки или на несколько районных (городских) отделений сразу.

Каковы были итоги многочисленных проверок Общества?

В первую очередь это отмена коллективных взносов¹³, чтобы средства не изымались из советской экономики и не лежали на счетах добровольных обществ мертвым грузом. Для ВООПИК коллективные взносы были отменены с 1983 г. решением Президиума Центрального совета от 29.12.1982¹⁴, и это стало причиной настоящего кризиса в Обществе. Как уже отмечалось выше, 50–60% всех доходов ВООПИК в разные годы – это коллективные взносы. Уже в последующие 1983–1984 гг. руководство ВООПИК и отделения на местах сообщают активистам о невозможности начала многих проектов по причине отмены кол-

¹³ Отказ зам. председателя президиума Совета Свердловского областного отделения Общества А. Верилова на выделение средств Серовскому историческому музею из-за отмены коллективных взносов в ВООПИК // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 272. Л. 14.

¹⁴ Выписка из протокола №3 (122) заседания президиума Центрального совета ВООПИК от 29 декабря 1982 г. // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 198. Л. 90б.

лективных взносов, в результате чего бюджет Общества значительно сократился¹⁵.

Во многих региональных отделениях Общества эта ситуация была воспринята с большой тревогой, особенно в восточных, слабозаселенных и/или «вахтовых» регионах страны. Примером может стать Магаданское областное отделение, которое уже в январе 1983 г. указывает, что подобное решение погубит работу ВООПИК в Магаданской области. Председатель Магаданского областного отделения, член-корреспондент АН СССР, археолог Н.Н. Диков в письме на имя заместителя председателя ВООПИК В.Н. Иванова отмечает, что коллективные взносы были основным источником дохода отделения и составляли 24 тыс. рублей в год. При этом доходы от индивидуальных взносов приносили всего 8 тыс., а затраты на заработную плату всем сотрудникам отделения составляли 15 тыс. рублей. Причиной такой диспропорции стали региональные особенности Магаданской области: малочисленность населения (около 500 тыс. человек) и его «текучесть», так как многие приезжали работать вахтовым методом и не были заинтересованы вступать в Общество. Таким образом, основные взносы в области выплачивали не люди, а предприятия. При этом Магаданская область относилась к тем регионам, где географические условия затрудняли охват значительных групп населения в связи со слабой развитостью транспортной сети, а следовательно, дороговизной перемещений по региону. В своем письме Н.Н. Диков предлагает не только не отменять коллективные взносы, но и просит дотацию от Центрального совета, без которой местное отделение не сможет поддерживать даже свою штатную численность¹⁶. Можно предположить, что подобная ситуация с некоторыми оговорками складывалась и в других малонаселенных регионах РСФСР. О бедственном финансовом положении в этот момент пишут также представители ВООПИК Бурятской АССР¹⁷, Мордовской АССР¹⁸, Алтайского края¹⁹, Архангельской области²⁰ и других регионов. Для решения возникшей проблемы региональным

¹⁵ Отказ зам. председателя президиума Совета Свердловского областного отделения Общества А. Верилова на выделение средств на ремонтно-реставрационные работы из-за отмены коллективных взносов в ВООПИК // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 272. Л. 87.

¹⁶ Выписка из решения Магаданского областного отделения ВООПИК // ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 752. Л. 111-111а.

¹⁷ Докладная записка отделения Общества Бурятской АССР в Центральный совет с просьбой уменьшить отчисления в центральные органы Общества // Там же. Л. 14.

¹⁸ Докладная записка Мордовского республиканского отделения Общества с просьбой увеличить индивидуальные, коллективные и церковные взносы // Там же. Л. 12.

¹⁹ Докладная записка Алтайского краевого отделения Общества с просьбой сохранить штатную численность отделения и уменьшить отчисления в Центральный совет // Там же. Л. 248.

²⁰ Докладная записка Архангельского областного отделения Общества с просьбой не сокращать штат отделения // Там же. Л. 249.

отделениям было предложено увеличить суммы индивидуальных взносов²¹ путем привлечения в Общество новых участников. В 1988 году Общество (в связи с тяжелым финансовым положением) вновь начинает собирать коллективные взносы, однако суммы таких взносов от предприятий и организаций были в разы ниже собираемых до 1983 г. Они помогали улучшать выполнение плана, но кардинально ситуацию не меняли²².

Вместе с отменой коллективных взносов еще одним кризисным фактором стало сокращение штатной численности Общества как на местах, так и в Центральном совете. Обсуждение этой проблемы начинается еще в конце 1982 г., когда региональным отделениям было предложено представить свои соображения по этому вопросу. Официальное же решение о сокращении было принято на заседании Президиума Центрального совета от 8 февраля 1983 г. В постановлении сообщалось: «В целях экономии расходов на содержание штатных работников Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры признать целесообразным сократить штатную численность Общества на 1983 г. на 231 единицу, в том числе: аппарата Центрального совета – на 17 ед.; объединенной дирекции домом пропаганды – 21 ед.; аппарата советов республиканских (АССР), краевых, областных, Московского и Ленинградского городских отделений – 193 ед.»²³ Таким образом, ВООПИК теряло не только руководящие кадры в Центральном совете, но и ключевое звено своего штата – ответственных секретарей на местах, на которых ложилась большая часть работы. В условиях, когда основным источником дохода должны были стать индивидуальные взносы, сокращение тех, кто должен был их собирать, вызывает у региональных отделений целый шквал возражений и негативных реакций.

Отдельно необходимо сказать о сокращении премий и надбавок к зарплате за счет получаемых взносов. Эта мера была принята еще в 1982 г. приказом по Центральному совету от 13 августа. Согласно этому приказу все расходы на премирование приводятся в соответствие с постановлением Государственного комитета Совета министров СССР по труду и социальным вопросам и секретариата ВЦСПС № 152/9 от 13 мая 1977 г. и составляют 2% от установленного зарплатного фонда

²¹ Распоряжение Центрального совета ВООПИК об использовании индивидуальных взносов для финансирования деятельности Общества // ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 722. Л. 1.

²² Протокол № 3 (153) заседания президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 03.02.88 // ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 850. Л. 3.

²³ О сокращении штатной численности в организациях Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: выписка из протокола № 5(124) заседания президиума Центрального Совета ВООПИК от 8 февраля 1983 г. // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 226. Л. 19, 19об.

отделений. В том же постановлении Центральный совет ВООПИК приказывает передать более 360 тыс. рублей, полученных за счет сокращения объемов премирования в государственный бюджет²⁴.

К другим мерам, принятым руководством ВООПИК по результатам проверок, относятся передача всех производственных предприятий Общества в структуру министерств СССР и РСФСР, а также единовременные выплаты в государственный бюджет из фондов ВООПИК.

Передача производственных предприятий государству стала для ВООПИК потерей еще одного источника финансирования, а также средства пропаганды культурного наследия. Деятельность предприятий не была основным источником дохода Общества в отличие от коллективных взносов, однако этот доход был постоянным. Например, Пермский экспериментальный ювелирно-гранитный завод мог давать от 180 до 200 тыс. чистой прибыли в год²⁵. Эти суммы можно сравнить с годовыми доходами регионального отделения. Впрочем, о проблемах с отчетностью, растратах на предприятиях ВООПИК было известно еще в конце 1970-х гг. Тем не менее решающим фактором для запуска процесса передачи стали проверки со стороны Комитета народного контроля СССР. В результате передача всех промышленных предприятий в систему государственной власти состоялась по распоряжению Президиума Центрального совета от 8 февраля 1983 г.²⁶ В течение 1983–1984 гг. предприятия ВООПИК (например, «Сибирский сувенир» в Иркутске, «Русский сувенир» в Москве, предприятия в Туле, Муроме и других регионах) были переданы в государственное ведение. Из общего тренда выбивался только Пермский экспериментальный ювелирно-гранитный завод, который был передан в систему ВПО «Союзювелирпром» Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР еще в 1980–1981 гг.²⁷ Причины такого нестандартного решения остаются не до конца ясны, и нет сведений, которые бы напрямую связывали его с нарушениями, выявленными на заводе. Можно лишь предположить, учитывая дальнейшую судьбу остальных промышленных предприятий ВООПИК, что пермский завод был первым подобным опытом.

²⁴ Приказ по Центральному Совету ВООПИК об устранении недостатков и нарушений финансово-хозяйственной деятельности Общества, выявленных Комитетами народного контроля СССР // ГАРФ. Ф. А639. Оп. 1. Д. 698. Л. 96.

²⁵ Расчёт отчислений свободного остатка прибыли по ПЭЮГЗ за 1980 г. // ПермГАСПИ. Ф. 620. Оп. 80. Д. 67. Л. 27–32.

²⁶ Выписка из протокола №5(124) заседания президиума Центрального Совета ВООПИК от 8 февраля 1983 г. об уменьшении численности подведомственных хозяйственных организаций Общества в связи с передачей комбината «Русский сувенир» Мосгорисполкому // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 226. Л. 19. 19об.

²⁷ Пояснительная записка по Пермскому экспериментальному заводу на двенадцатую пятилетку // ПермГАСПИ, Ф. 620. Оп. 80. Д. 67. Л. 2.

Кроме всех перечисленных мер дополнительным пунктом стала единовременная выплата из фондов ВООПИК в государственный бюджет в размере 4,3 млн рублей в 1983 г. Скорее всего, эта мера была связана с изъятием выведенных из советской экономики средств, лежащих на счетах добровольных обществ.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод, что еще задолго до перестройки ВООПИК попадает в своеобразную ловушку, выбраться из которой без серьезных потерь было невозможно. Оно было добровольным обществом, которое целиком зависело от членских взносов. Главным звеном по их сбору выступали секретари организаций на местах. Они же часто отвечали и за делопроизводство, в котором, будучи добровольцами-энтузиастами, могли совершенно не разбираться. ВООПИК не могло позволить себе нанимать более квалифицированных сотрудников, так как было вынуждено сокращать штатные единицы в условиях утраты части источников финансирования. До 1983 г. эта ситуация митигировалась коллективными взносами, часто собираемыми с использованием административного ресурса. После отмены коллективных взносов отделениям на местах было предложено увеличивать объемы взносов индивидуальных. Одновременно ставки секретарей, которые и должны были вести основную работу с населением, еще больше сокращались. В 1983–1984 гг. представители региональных организаций не раз писали в Центральный совет, пытаясь убедить его членов в необходимости увеличения штатов в этой тяжелой ситуации, однако изменить ситуацию было уже сложно. Общество продолжало собирать индивидуальные взносы, вести работу с населением: именно в этот период практически каждым областным отделением создавались краеведческие кружки. В 1988 г. коллективные взносы были возвращены, чтобы компенсировать нужды Общества, однако этой меры было недостаточно. На счетах ВООПИК оставались резервы, но они неуклонно истощались, и уже в начале 1990-х гг. деятельность многих отделений продолжалась лишь силами активистов, не обладающих финансами и поддержкой государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Боголюбов Е.А. Установление государственного контроля над общественными организациями в Советской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 5–11.
- Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история. Позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.
- Голотин И.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953–1985 гг.: по материалам Ярославской области: дис. ... канд. истор. наук.

Ярославль. 2011.

Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание исторической памяти в Северо-Западном регионе // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379–402.

Казка Е.А. История охраны памятников историко-культурного наследия в Бурятии в 1918–1985 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ. 2006.

Кормина Ж., Штырков С. «Это наше исконное русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–46.

Матвеев Е.В. Всесоюзное добровольное общество любителей книги как позднесоветская массовая организация 1970–1980-х годов // Magistra Vitae. 2018. № 1. С. 85–98.

Мельникова Е.А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 20–53.

Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.

Неплюев П.А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 58(3). С. 79–93.

Свичкарь И.Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х - начале 2010-х годов: по материалам Челябинской области: дис. ... канд. истор. наук. Челябинск. 2014.

Klots A., Romashova M. Lenin's Cohorts: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era. // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. Vol. 19, No. 3. – P. 573–597.

Kozlov D. The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt. 1953–1991 // Kritika. 2001. Vol. 2(3). P. 577–600.

REFERENCES.

Bogolyubov E.A. (2023) Ustanovlenie gosudarstvennogo kontrolya nad obshchestvennymi organizatsiyami v Sovetskoj Rossii [Establishment of State control over public organizations in Soviet Russia], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. [Tomsk State University Journal of History], №81, pp. 5–11.

Boltunova E.M., Egorova G.S. (2022) Territoriya i istoriya. Pozdnesovetskie proekty «Gorodageroi» i «Zolotoe kol'tso» [Territory and history: late Soviet projects of «Hero Cities» and the «Golden Ring»], Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 400 p.

Golotin I. V. (2011) Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1953–1985 gg.: po materialam Yaroslavskej oblasti [State policy in the field of protection of historical and cultural monuments in 1953–1985: based on materials from the Yaroslavl region], PhD dissertation, Yaroslavl, Russia 182 p.

Donovan V. (2012) «Idya nazad, shagaem vpered»: kraevedcheskie muzei i sozdanie istoricheskoy pamyati v Severo-Zapadnom regione [“Going backwards, we step forward”: local history museums and the creation of local memory in the North-West region. 1956–1981], Antropologicheskij forum [Anthropology forum], №16, pp. 379–402.

Kazka E. A. (2006) Istoriya okhrany pamyatnikov istoriko-kul'turnogo naslediya v Buryatii v 1918–1985 gg [History of the protection of monuments of historical and cultural heritage in Buryatia in 1918–1985], PhD dissertation, Ulan-Ude, Russia, 211 p.

Kormina Zh., Shtyrkov S. (2015) «Eto nashe iskonnoe russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sya»: predystoriya postsovetskoy dsekulyarizatsii [“This is our primordial, Russian, and we can't get away from it”: the background to post-Soviet desecularization], Izobrenenie religi: dsekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste [The Invention of Religion: Desecularization

- in the Post-Soviet Decade], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia, pp. 7-46.
- Matveev E.V. (2018) Vsesoyuznoe dobrovol'noe obshchestvo lyubiteley knigi kak pozdnesovetskaya massovaya organizatsiya 1970-1980kh godov [The All-Union society of book lovers as the late Soviet mass organization in period of 1970-1980-ies], *Magistra Vitae*, №1, pp. 85-98.
- Mel'nikova E. A. (2018) Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960-1980-kh gg. v SSSR [By the People's Hands: The Sledopyt Movement in the USSR of the 1960–1980s], *Antropologicheskiiy forum* [Anthropology forum], №37, pp. 20-53.
- Mitrokhin N. (2003) Russkaya partiya: dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953-1985 gg [Russian Party: the movement of Russian nationalists in the USSR. 1953-1985], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 624 p.
- Neplyuev P.A. (2022) Publichnaya istoriya «po-sovetski». Regional'nye otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury: «byurokraticheskie pravila igry» i istoriko-kul'turnyy aktivizm [Public History “in a Soviet way”. Regional branches of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture: “Bureaucratic rules of the game” and historical and cultural activism], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. [Perm University Herald. History], №58 (3), pp. 79-93.
- Svichkar' I. G. (2014) Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov vlasti i obshchestvennykh organizatsiy po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya na Yuzhnom Urale v seredine 1960-kh - nachale 2010-kh godov: po materialam Chelyabinskoy oblasti [Activities of state authorities and public organizations for the preservation of historical and cultural heritage in the Southern Urals in the mid-1960s - early 2010s: based on materials from the Chelyabinsk region], PhD dissertation, Chelyabinsk, Russia, 210 p.
- Klots A., Romashova M. Lenin's Cohorts: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era. // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*: Volume 19. – 2018. – No.3. Pp. 573-597.
- Kozlov D. The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt. 1953-1991 // *Kritika: Volume 2(3)*. – 2001. Pp. 577-600.

ФОРМАЛЬНОЕ И НЕФОРМАЛЬНОЕ В ДОБРОВОЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ И СТРУКТУРАХ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА СОВЕТСКО- ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ДРУЖБЫ ПО РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

БЕКЛЕНИЩЕВА МАРИЯ
ВЛАДИМИРОВНА

Международный центр
демографических исследований
Уральского федерального университета
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина

Благодарности: исследование
выполнено за счет гранта РНФ
№ 21-18-00418 «Музей малого города:
множественность культуры памяти».

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-98-105

© Бекленищева М. В.

АННОТАЦИЯ

В условиях холодной войны и заморозки официальных дипломатических контактов между СССР и странами Запада включаются механизмы парадипломатии. Важным механизмом развития международного гуманитарного сотрудничества в позднесоветский период являются общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Ключевыми направлениями деятельности обществ дружбы являлись культурные, образовательные, спортивные, научные контакты, международный туризм. Об эффективности деятельности обществ дружбы свидетельствует создание значительной сети региональных и городских отделений, включающих десятки тысяч первичных организаций.

В работе рассмотрена деятельность Свердловского областного отделения Общества советско-чехословацкой дружбы (ОСЧД) с момента создания до прекращения существования. Ежегодное увеличение количества коллективных членов ОСЧД свидетельствует об успешности и востребованности организации. Изученные материалы архивов, музеев, личные воспоминания участников событий позволяют сделать вывод о том, что деятельность была добровольной, однако важную роль играла финансовая, организационная и иная поддержка партийных органов. **Ключевые слова:** Общество советско-чехословацкой дружбы, побратимы, международное гуманитарное сотрудничество, Свердловск, народная дипломатия.

ACTIVITIES OF THE SVERDLOVSK BRANCH OF THE SOCIETY OF SOVIET-CZECHOSLOVAK FRIENDSHIP FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION

Mariya V. Beklenishcheva

International Center for Demographic Research of the Ural Federal University

Abstract.

In the conditions of the Cold War and interruption of official diplomatic contacts between the USSR and Western countries, the mechanisms of paradiplomacy are activated. Friendship Societies and Cultural Ties with foreign countries are an important mechanism for the development

of international humanitarian cooperation in the late Soviet period. The key areas of activity of Friendship Societies were cultural, educational, sports, scientific contacts, international tourism. The effectiveness of the Friendship Societies is evidenced by the creation of a significant network of regional and city branches, including tens of thousands of primary organizations.

The paper examines the activities of the Sverdlovsk branch of the Society of Soviet-Czechoslovak Friendship from the moment of its creation to the termination of its activities. The annual increase in the number of collective members of the Society of Soviet-Czechoslovak Friendship testifies to the success and relevance of the organization. The studied materials of archives, museums, personal memories of the participants of the events allow us to conclude that the activity was voluntary, but financial, organizational, etc. support of party bodies played an important role.

Key words: Society of Soviet-Czechoslovak Friendship, sister cities, international humanitarian cooperation, Sverdlovsk, people's diplomacy

Acknowledgments:

the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Academy of Sciences No. 21-18-00418 «Small Town Museum: multiplicity of memory cultures».

В феврале 1958 г. прошла первая Всесоюзная конференция советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и был создан Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Задачей таких обществ было укрепление «дружбы, взаимопонимания и доверия и культурного сотрудничества народов СССР со всеми народами мира путем взаимного ознакомления с историей, экономикой, культурой, наукой, жизнью и бытом, установления тесных контактов между представителями широких общественных кругов и обмена опытом в различных областях творческой деятельности народов»¹.

Деятельность ССОД велась в условиях напряженной международной обстановки, конфронтации двух полярных политических систем, созданных СССР и США. Таким образом, общественные организации оставались важной связующей нитью, с помощью которой происходило двустороннее взаимодействие, в том числе и на уровне простых граждан.

Работа ССОД и обществ дружбы предполагала такие формы взаимодействия, как обмен делегациями и туристическими группами, культурные и научные обмены, организация выставок, фестивалей, дней дружбы, массовая переписка. Общество объединяло свыше 25 тыс. организаций различной направленности, колхозов, совхозов, учебных заведений, учреждений науки и культуры.

¹ Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза. Всесоюзной конференции Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами // Уральский рабочий. 1958. 20 февраля.

Высшими органами ССОД были всесоюзные конференции, на которых избирались советы Союза и ревизионные комиссии. Руководящим органом между съездами являлся совет ассоциации, который избирал исполнительный орган – президиум Союза [Викторов, Баркалова, 2020].

ССОД поддерживал контакты с 7500 организациями, общественными деятелями и представителями науки и культуры из 134 стран. Важной частью зарубежного культурного присутствия СССР являлось продвижение русского языка. В середине 1980-х годов русский язык только по каналам ССОД изучали порядка 600 тыс. иностранцев более чем в 90 странах [Великая, Семедов, 2020].

Развитию международного гуманитарного сотрудничества активно способствовали отделения ССОД, создаваемые в республиках и регионах страны. Региональное или городское отделение общества дружбы создавалось для развития сотрудничества, этому зачастую предшествовала большая совместная работа.

К примеру, в Тольятти огромное внимание уделяли советско-итальянским отношениям, так как Волжский автомобильный завод строился при непосредственном участии итальянских специалистов. Этот факт и положил начало развитию продолжительных и плодотворных отношений жителей города с Италией и знакомству с её культурой [Самсонова, Козловская, 2016], созданию отделения общества советско-итальянской дружбы.

Аналогичная ситуация была и в Свердловской области. В 1958 г. на 25-летие Уралмашзавода – гиганта тяжелого машиностроения – прибыла делегация чешских машиностроительных заводов «Шкода». Был подписан договор о сотрудничестве. 5 июля 1966 г. при участии делегации Западночешской области в Свердловске создано областное отделение Общества советско-чехословацкой дружбы (ОСЧД) [Бекленищева, Шихова, 2023]. В соответствии с уставом ОСЧД членство в нем было коллективным²: учредителями Свердловского областного отделения выступили 25 предприятий и организаций Свердловской области³.

Председателем правления Свердловского областного отделения Общества советско-чехословацкой дружбы избран Николай Иванович

² Устав общества советско-чехословацкой дружбы // Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) Ф. 4 Оп. 69 Д. 150 Л. 65–72.

³ Стенограмма конференции по учреждению Свердловского областного отделения Общества советско-чехословацкой дружбы // Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4 Оп. 69 Д. 80. ЛЛ. 1-43.

Сыромятников, учёный, ветеран Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза; эту должность он занимал 20 лет. Ответственным секретарем был избран представитель областного комитета КПСС, членами правления стали представители горисполкомов, промышленных предприятий, обкома комсомола, горкомов КПСС, вузов, артисты.

Общества дружбы вели интенсивную просветительскую работу путем чтения лекций. В структуре Свердловского областного отделения ОСЧД создавались комиссии, которые определяли их тематику. К примеру, под руководством комиссии агитации и пропаганды правления Свердловского областного ОСЧД были разработаны лекции по соцстроительству ЧССР, экономическому и политическому сотрудничеству СССР и ЧССР⁴.

В ходе визита делегации Западночешской области в Свердловск в июле 1966 г. были установлены побратимские связи между Свердловской и Западночешской областью и между пятью парами городов: Свердловск – Пльзень, Нижний Тагил – Хеб, Карпинск – Соколов, Белоярский – Тахов, Сысерть – Домажлице⁵.

Участие в деятельности ОСЧД представителей КПСС свидетельствовало о значимости работы по развитию международного гуманитарного сотрудничества, но вместе с тем оно развивалось именно на добровольных началах. Предприятия городов, не имевших городов-побратимов, но вошедших в состав Свердловского отделения ОСЧД, могли выступить с инициативой создания ячейки ОСЧД на предприятии. Так, к примеру, по инициативе трудящихся Первоуральского хромпикового завода в ноябре 1966 г. на общем собрании было принято решение о создании первичной организации ОСЧД, выбрано заводское бюро первичной ячейки [Бекленищева, 2021]. Собрание избрало председателя заводского профсоюзного комитета Юлию Ивановну Брагину председателем бюро первичной ячейки общества. Ю.И. Брагина, являвшаяся бессменным председателем ячейки ОСЧД предприятия, вспоминала: «Опыт работы нашего профкома перенимали коллеги родственных предприятий и отрасли. Довелось мне не раз с различных трибун рассказывать и о сотрудничестве “Хромпика” с заводом “Лахема” им. Ю. Фучика из Западно-чешской области. В 1966 г. объединение “Хромпик” стало коллективным членом ОСЧД. С заводом-побратимом мы

⁴ Отчет о работе комиссии агитации и пропаганды правления Свердловского областного общества Советско-Чехословацкой дружбы // ЦДООСО Ф. 4 Оп. 69 Д. 150 Л. 73.

⁵ Отчет о развитии дружественных связей между Свердловской областью и Западночешской областью Чехословацкой Социалистической Республики в 1966–1967 годах // Центр документации общественных организаций Свердловской области Ф. 4. Оп. 71. Д. 109. Лл. 5–14.

соревновались под девизом “От станка к станку”. Суть его: прямо на рабочем месте передавать опыт. В честь национальных праздников и знаменательных дат побратимы обменивались поздравлениями, проводились памятные и юбилейные вахты. Более 20 лет мне довелось быть председателем заводского бюро общества советско-чехословацкой дружбы» [цит. по: Филатова, 2010. С. 90–91]. Воспоминания о теплых дружеских отношениях не единичны, часть из них опубликована. Такой подход к развитию двусторонних отношений свидетельствует о подлинно общественном характере работы.

Прочной основой для развития побратимских связей и сотрудничества между СССР и Чехословакией стала память о Великой Отечественной войне. Многие жители Свердловской области участвовали в освобождении Праги. С 1967 года в городах региона стали проводиться митинги, приуроченные к Дню Победы, где внимание акцентировалось на участии уральцев в боях за Чехословакию в Великой Отечественной войне.

Деятельность по развитию сотрудничества Свердловской области и Западной Чехии набирала обороты. Во время известных событий 1968 г. Свердловский обком КПСС получил телеграмму делегатов областной конференции Компартии Чехословакии, проходившей в г. Пльзень, с заверениями в дружбе⁶. В июле 1968 г. в Свердловске побывала делегация Западночешской области во главе с первым секретарем обкома компартии Чехословакии Л. Кардой, который отметил, что обстановка в Чехословакии сложная⁷. Однако после ввода союзных войск некоторые предприятия и организации Западной Чехии информировали о невозможности продолжать дружеские отношения. Совет Западно-чешского областного народного комитета в Пльзени направляет телеграмму о разрыве договора о культурном сотрудничестве между областями⁸.

Спустя несколько месяцев начинается основательная работа по восстановлению дружбы между регионами. В ноябре 1968 г. в Западночешскую область была направлена делегация партийных работников Свердловской области. По итогу посещения Западной Чехии было принято решение пригласить от имени отделений ОСЧД делегации комитетов Союза чехословацко-советской дружбы в Свердловскую область к 25-й годовщине подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и

⁶ Приложение к письму секретаря обкома КПСС К. Николаева С.И. Колесникову ЦК КПСС 6 мая 1968 года // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 72. Д. 75. Лл. 8–10.

⁷ Информация. Передана 25 июля 1968 года в ЦК КПСС по телетайпу // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 72. Д. 75. Л. 62.

⁸ Международная телеграмма № 803 от 30 августа 1968 года // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 72. Д. 75. Л. 109.

Чехословацкой Социалистической Республикой⁹. Такая перезагрузка отношений положила начало новому этапу дружбы, продлившейся до распада Советского Союза.

В 1970 г. побратимскими связями были скреплены десять пар городов Свердловской и Западно-Чешской области. К уже имевшимся пяти парам добавились: Первоуральск – Пльзень-Север, Сухой Лог – Пльзень-Юг, Полевской – Клатовы, Богданович – Рокицаны, Камышлов – Карловы Вары.

Ежегодно утверждались планы работы ОСЧД, предполагавшие развитие дружественных контактов, обмен опытом работы. На предприятиях – коллективных членах ОСЧД проходили мероприятия разных форматов: вечера дружбы, лекции, доклады, беседы, фотовыставки, кинолектории. Эта работа была интегрирована в деятельность партийных организаций по развитию побратимских связей между Свердловской и Западночешской областями¹⁰. В преддверии всесоюзных мероприятий проводились отчетно-выборные собрания Свердловского отделения ОСЧД в городах и на предприятиях, являющихся коллективными членами ОСЧД.

Если в советском Свердловске иностранцы бывали регулярно, то для малых городов создание отделений ОСЧД и появление города-побратима стало окном в мир другой страны.

К 1971 г. Свердловское областное отделение ОСЧД состояло из 11 городских и 81 первичной организации. По линии общества в ЧССР ежегодно направлялось по несколько специализированных групп, в состав которых входили активисты общества. Данную работу координировал непосредственно отдел пропаганды и агитации обкома КПСС¹¹.

Отношения развивались, 9 декабря 1976 г. ОСЧД и Союз советско-чехословацкой дружбы заключили Соглашение о принципах сотрудничества [СССР – ЧССР, 1980, с. 62–63]. К 1980 г. в Свердловской области насчитывалось уже 175 коллективных членов ОСЧД, более 400 постоянных выставок и стендов рассказывали о советско-чехословацкой дружбе.

⁹ Информация о поездке делегации Свердловской области в Западночешскую область ЧССР в ноябре 1968 года // ЦДООСО Ф. 4. Оп. 72. Д. 75. ЛЛ. 126–151.

¹⁰ План Свердловского обкома КПСС по развитию и углублению дружественных связей между Свердловской областью и Западночешской областью ЧССР в 1971 г. // ЦДООСО Ф. 4. Оп. 75. Д. 26. Л. 33.

¹¹ Справка Свердловского обкома КПСС по осуществлению дружественных связей между Западночешской областью ЧССР и Свердловской областью СССР. Раздел III Работа общества советско-чехословацкой дружбы // ЦДООСО Ф. 4. Оп. 75. Д. 117. ЛЛ. 32–33.

Со временем появлялись новые формы сотрудничества. Так, например, в конце 1980-х гг. при правлении областного отделения ОСЧД был создан центр по изучению чешского языка. В Свердловске действовал интернациональный лагерь мира и дружбы по изучению чешского языка с проживанием чехословацких пионеров в семьях. В поселке Заречный Белоярского района по линии ОСЧД организовывались семейные выезды с проживанием в семьях в городе-побратиме Тахове.

В 1986 г. в честь 20-летия дружбы Свердловской и Западночешской областей в новом микрорайоне Свердловска появились площадь Готвальда и дом с флагами СССР и Чехословакии. По инициативе старшего по дому – ветерана Великой Отечественной войны Нахима Моисеевича Вейде – в феврале 1989 г. жители дома стали коллективным членом областной организации ОСЧД, 5 мая 1989 г. в доме открылся народный музей Клемента Готвальда (Музей дружбы). Н.М. Вейде через ОСЧД установил связи с музеем Клемента Готвальда в Праге для помощи с экспонатами и фотографиями для оснащения свердловского музея.

Развитие международного гуманитарного сотрудничества в целом и взаимодействие обществ дружбы с зарубежными странами в частности были одним из приоритетов внешней политики Советского государства. Деятельность многочисленных активистов ОСЧД свидетельствует о добровольном характере проводимой работы, вместе с тем партийные органы были включены в нее, оказывая серьезную организационную, финансовую и идеологическую поддержку. С распадом Советского Союза организация в Свердловской области прекратила существование. Отметим, что были попытки возобновления деятельности ОСЧД. Так, например, в 1992 г. Н.М. Вейде обратился к Президенту России Б.Н. Ельцину с предложением восстановить дружеские связи с Чехословакией¹². Однако на региональном уровне оживления отношений на тот момент не произошло.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бекленищева М.В. Побратимские связи городов Первоуральск и Пльзень-Север 1970–1991 гг. // Доклады участников XXVII городской научно-практической конференции «Шайтанские чтения». 20.12.2021. URL: <https://prv-lib.ru/wp-content/uploads/2021/12/Pobratimskie-svyazi-gorodov-Pervouralsk-i-Plzen-Sever-1970-1991-gg.pdf> (дата обращения: 09.10.2023)
- Бекленищева М.В., Шихова О.Н. Практики дружбы: коллективная память о побратимских связях Свердловской области СССР и Западночешской области Чехословакии //

¹² Музей Российско-Чехо-Словацкой дружбы в Екатеринбурге (Нахим Вейде). Письмо на имя Президента России и Президента Чехословакии о деятельности Общества российско-чехословацкой дружбы (+ телеграмма, поручение В. Илюшина, 4 фото) // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина Ф. 6. Оп. 1. Д. 184. Л. 61–70.

Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 148–160.

Великая А.А., Семедов С.А. Гуманитарная политика Советского Союза // Обозреватель – Observer. 2020. № 4(363). С. 56–65.

Викторов А.Г., Баркалова А.С. Деятельность общественно-политической организации «Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД)» по активизации населения Нижнего Поволжья // Наука и практика в XXI веке: межвуз. сб. науч. тр. Вып. VI. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2020. С. 45–51.

Самсонова И.С., Козловская Т.Н. К вопросу о становлении интернациональной работы в г. Тольятти в период с 1965 по 1985 г. (на примере Тольяттинского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ТО ССОД)) // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 2(15). С. 93–95.

СССР – ЧССР: сотрудничество и сближение. К 10-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаим. помощи между СССР и ЧССР от 6 мая 1970 г. / отв. ред. К. Курка, В.И. Попов. М.: Международные отношения; Прага: Горизонт, 1980. 246 с.

Филатова А.А. Гордимся прошлым, уверены в будущем. История завода в лицах. Екатеринбург: Пакрус, 2010. 183 с.

REFERENCES

Beklenishcheva M.V. (2021). Twinning relations of the cities of Pervouralsk and Pilsen-North 1970–1991. Reports of the participants of the XXVII city scientific and practical conference «Shaitan readings» 20.12.2021.

Beklenishcheva M.V. & Shikhova O. N. (2023). Practices of friendship: the collective memory of twin towns in Sverdlovsk region of the USSR and the West Bohemian region of Czechoslovakia. News of the Ural Federal University. Series 2. Humanities. Vol. 25. 2, 148–160.

Filatova A.A. (2010). We are proud of the past, we are confident in the future. The history of the plant in persons. Yekaterinburg: Pakrus.

Kurko K. & Popov V.I. (eds). (1980). USSR – Czechoslovakia: cooperation and rapprochement. On the 10th anniversary of the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the USSR and the Czechoslovak Republic of May 6, 1970. Moscow: International Relations; Prague: Horizon.

Samsonova I.S. & Kozlovskaya T.N. (2016). On the formation of international work in Togliatti in the period from 1965 to 1985 (on the example of the Togliatti branch of the Union of Soviet Societies of Friendship and Cultural Ties with Foreign Countries (TO SSOD)). Karelian Scientific Journal. Vol. 5. 2 (15), 93–95.

Velikaya A.A. & Semedov S.A. (2020). Humanitarian policy of the Soviet Union. Observer, 4 (363), 56–65.

Viktorov A.G. & Barkalova A.S. (2020). Activity of the socio-political organization «Union of Soviet societies of friendship and cultural relations with foreign countries (SSOD)» on activation of the population of the Lower Volga region. Science and practice in the XXI century. Interuniversity collection of scientific papers. Is. VI. (pp. 45–51) Astrakhan: Astrakhan State University.

«ПЕРЕД ВАМИ ПАМЯТНИК СТОИТ РОВЕСНИКУ, ЛЮБИМОМУ ГЕРОЮ»: УЧАСТИЕ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСТАНОВКЕ ПАМЯТНИКОВ ПОГИБШИМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

БОРИСЕВИЧ ДАНИИЛ
АНДРЕЕВИЧ

Государственный архив новейшей истории Новгородской области, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-106-118

© Борисевич Д. А.

АННОТАЦИЯ

Во второй половине 1950-х гг. в СССР появляются новые формы военно-патриотического воспитания: игры «Зарница», «Орленок», уроки мужества, вечера встреч с ветеранами революции и войн, движение «красных следопытов», походы по местам боевой славы. Одним из видов молодежного активизма в этот период становится установка памятников, мемориальных досок бойцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. На основе документов, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области, исследована добровольческая инициатива пионеров и комсомольцев, направленная на установку памятников участникам Великой Отечественной войны. Рассматриваются цель популяризации такого рода активизма, способы взаимодействия молодежи с советскими органами власти и формы поощрения подобных инициатив. Анализируется мотивация участников добровольческого движения. Делается вывод, что установка новых памятников и мемориальных досок способствовала формированию у новгородской молодежи локального патриотизма. Выбор молодежью участников Великой Отечественной войны, чьи имена необходимо было увековечить, так или иначе отражает местную специфику и уникальность региона среди других областей РСФСР. **Ключевые слова:** советская молодежь, памятники, локальный патриотизм, Новгородская область, мемориализация, молодежный активизм, Великая Отечественная война.

"BEFORE YOU THERE STANDS A MONUMENT TO A PEER, A FAVOURITE HERO": PARTICIPATION OF SOVIET YOUTH IN INSTALLATION OF MONUMENTS TO THOSE WHO DIED DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD REGION)

Daniil A. Borisevich

State Archive of Modern History of the Novgorod Region,

Abstract.

In the second half of the 1950s there was a gradual increase in the number of new forms of military-patriotic education such as games "Zarnitsa", "Orlenok (Eaglet)", lessons of courage, meetings with veterans of the revolution and wars, the Red Pathfinders movement, campaigns to places of military glory. One of the types of youth activism in this period is the installation of monuments, memorial plaques to those who died during the Great Patriotic War. On the basis of the documents stored in the State Archive of Modern History of the Novgorod region, the volunteer initiative of pioneers and Komsomol members, aimed at installing monuments to the participants of the Great Patriotic War, is analyzed. The following questions are considered: for what purpose was this form of activism popularized? How did the youth interact with the Soviet authorities? How was such initiative encouraged? Why did young people participate in this volunteer movement? It may be assumed that the installation of new monuments and memorial plaques contributed to the formation of local patriotism among Novgorod youth. The way the local youth chose the participants of the Great Patriotic War, whose names were to be immortalized, somehow reflects local specificity and uniqueness among other regions of the RSFSR.

Key words: soviet youth, monuments, local patriotism, Novgorod region, memorialization, youth activism, Great Patriotic War.

Во второй половине XX в. в советской официальной риторике досуг делился на социально-одобряемый и неодобряемый. Под первым понимался отдых, проведенный с пользой для личности или общества, например чтение, участие в походах, субботниках, спортивных мероприятиях и т.д. Под вторым – действия, считавшиеся девиантными, не соответствующими нормам советской морали, например безделье, распитие спиртных напитков, хулиганство и другие действия, которые порицались партией и обществом.

Во второй половине 1950-х гг. высшее комсомольское руководство было озадачено тем, что молодежь, не испытывая трудностей предыдущих поколений коммунистов, стала забывать, какой ценой были достигнуты успехи страны, и перестала стремиться к «светлому будущему»: «Некоторые юноши и девушки проявляют иждивенческие настроения, хорошо усвоив свои права, забывают об обязанностях перед обществом, требуют от государства много, а дают ему мало» [Сборник постановлений...1958, с. 89]. Для решения этой проблемы ЦК ВЛКСМ разработал ряд мероприятий, направленных на взаимодействие с молодежью и организацию ее культурного досуга: проводились молодежные фестивали, поддерживалась художественная самодеятельность, развивался туризм и военно-патриотическое воспитание.

В нашем исследовании рассматривается участие молодежи Новгородской области в мемориализации памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, как одной из социально одобряемых практик культурного досуга. Проблематика работы строится вокруг

стремления советской власти через популяризацию нового направления активизма сформировать у молодежи представление о «государственном патриотизме». Важно отметить, что участие комсомольцев и пионеров в установке памятников привело к возникновению феномена «локального патриотизма». В рамках исследования мы попытаемся дать ответы на следующие вопросы: с какой целью популяризовалась эта форма активизма? Как взаимодействовала молодежь с советскими органами власти? Как поощрялась подобная инициатива? Почему молодежь участвовала в этом добровольческом движении?

В историографии проблема установки памятников рассматривается в работах, посвященных истории сохранения культурного наследия СССР, созданию Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) [Карпова, Потапова, Сухман, 2000; Полякова, 2005; Кохан, 2022]. Другие исторические работы посвящены развитию военно-патриотических форм досуга, в том числе походам пионеров и комсомольцев по местам боевой славы как неотъемлемой части практики увековечивания памяти красноармейцев, погибших в годы Великой Отечественной войны [Веселкова, Граматчикова, Енина, Прямикова, 2022; Мельникова, 2018]. В ряде исследований затрагивается тема участие молодежи в установке памятников, однако эти сюжеты не являются основными для анализа в публикациях [Кизилова, 2021; Колотушкин, 2022].

Базу источников исследования составляют документы, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО) в фондах № 2224 Новгородского обкома комсомола, № 8102 Новгородского областного музея истории пионерской организации, № 260 Новгородского обкома КПСС, а также газеты (Новгородская правда, Новгородский комсомолец).

Концепция «связи трех поколений»: изменения в мемориальной политике СССР и развитие патриотического активизма молодежи

Во второй половине XX в. советские политические лидеры выстраивали модель воспитания молодого поколения на основе преемственности, о чем свидетельствует фрагмент выступления на Пленуме секретаря ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастного: «Наша пропагандистская работа только тогда выполнит свои задачи, когда в ней будет проведен принцип единства воспитания на революционных традициях прошлого, героике настоящего и коммунистических идеалах будущего» [Уль, 2011, с. 282–283]. Как отмечает Катарина Уль, концепция преемственности была необходима партийному руководству для решения проблемы интеграции молодого поколения в государственную политику [Уль, 2011,

с. 282–283]. Идея «связи трех поколений» распространялась с помощью литературы, агитационных концертов, различных военно-патриотических мероприятий.

По мнению Н.А. Митрохина*, интерес к военно-патриотическому воспитанию со стороны власти усилился в период празднования 20-летия победы в Великой Отечественной войне, когда появилась потребность в преодолении разрыва двух поколений – воевавших «отцов» и «детей» послевоенного бэби-бума [Митрохин* 2003, с. 276]. Поэтому начиная со второй половины 1950-х гг. наблюдался постепенный рост количества новых видов военно-патриотического воспитания, которые к 1981 г. оформились в несколько направлений: военно-спортивные мероприятия (ГТО, игры «Зарница» и «Орленок», конкурсы строя и песни), мемориальные практики (походы по местам боевой, трудовой и революционной славы, установка памятников, создание музеев и уголков), шефская деятельность (шефство над ветеранами войны и их семьями, помощь воинским частям), работа с общественниками (встречи с ветеранами, уроки мужества, прослушивание лекций на военную тематику). Развитие этих направлений, по мнению партийного руководства, должно было сплотить молодое и старшее поколение советских граждан.

Изменения в политике по увековечиванию памяти погибших в годы Великой Отечественной войны произошли в конце 1956 г. Так, в докладной записке к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву «Об увековечении побед советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» отмечалась важность мероприятия для воспитания молодежи в духе историзма и героического прошлого советского народа [Гаврилюк, 2012, с. 45]. В 1957 г. вышли постановления «О сооружении памятников и монументов героям Великой Отечественной войны 1941–45 гг.» и «Об увековечении памяти советских воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны» [Гаврилюк, 2012, с. 45]. В декабре того же года Бюро ЦК ВКЛСМ внесло изменения в положение о Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. В Закон о юных пионеров Советского Союза был внесен пункт: «Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины». После июньского Пленума ЦК КПСС 1963 г. вышло постановление «Об очередных задачах идеологической работы партии», в котором было предложено усилить политическую и идеологическую работу с населением СССР, используя достижения в народном

*Признан Министерством Юстиции РФ иностранным агентом.

хозяйстве, образовании и военной сферах, а также популяризировать науку, историю и советскую культуру: «В Программе нашей партии и на июньском Пленуме ЦК нашей партии очень остро, правильно, поистине по-ленински ставился вопрос о коммунистическом воспитании строителей коммунизма на основе военно-патриотических традиций, на основе героических традиций нашего славного советского народа. Поднимался вопрос о необходимости использования памятников культуры, искусства, истории революции, гражданской и Отечественной войны в деле военно-патриотического воспитания народа и особенно подрастающего поколения» [Кохан, 2022, с. 80–81]. Так, с 1963–1964 гг. началась активная популяризация памятников Великой Отечественной войны, отличающаяся от предыдущего периода, когда главными задачами государственных органов были сохранение и увековечение памятных мест. С 1960-х гг. стала рассматриваться возможность туристического использования памятников. В 1965 г. был объявлен Всесоюзный туристический поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. В положении обозначались цели и задачи похода, среди которых необходимо выделить установку памятных досок, обелисков на местах важнейших революционных, боевых событий, а также восстановление и приведение в порядок мест партизанских стоянок, могил павших в боях красноармейцев [Всесоюзный туристический поход комсомольцев..., 1966, с. 19].

Таким образом, изменения в мемориальной политике привели к постепенному формированию «правил», регламентирующих социально одобряемый досуг. Как можно заметить, популяризация практик по увековечиванию памяти солдат, погибших в годы Великой Отечественной войны, связана со стремлением партийного руководства, показать молодежи, через какие трудности прошло старшее поколение, а также сконструировать новый героический нарратив в воспитательных целях.

Новгородские сюжеты: участие молодежи в поиске информации о героях-земляках, сборе средств на установку памятников, формировании локальной идентичности

Новгородские общественники и местные власти еще до принятия упомянутых ранее документов проводили мероприятия, связанные с памятью о Великой Отечественной войне. В 1946 г. Николай Иванович Орлов занялся поиском и перезахоронением останков бойцов 2-й ударной армии в Мясном Бору, в дальнейшем создав первый молодежный поисковый отряд в стране. В 1949 г. в Новгородской области состоялся

совместный поход участников Великой Отечественной войны и пионеров Солецкого района, которые посетили места стоянок партизанских отрядов, места боев Красной армии¹. В этом же году выходит постановление бюро Новгородского обкома ВКП(б) «О благоустройстве кладбищ и могил воинов Советской армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны на территории Новгородской области»². С 1954 г. проводилась работа по выявлению военных кладбищ и могил в целях приведения их в порядок. Например, в 1959 г. в Новгородской области было перезахоронено 119 воинских кладбищ (около 1200 могил), установлено 35 бетонных обелисков, 58 новых оград и отремонтировано 96 старых оград и 15 памятников [Савельев, 2015, с. 49]. Таким образом, в Новгородской области складывались мемориальные практики с участием общественников, партийных и исполнительных органов власти.

Для ответа на вопрос о взаимодействии власти и молодежи рассмотрим сюжет о создании памятника пионеру-герою Лене Голикову в Новгороде.

Леонид Голиков – Герой Советского Союза, уроженец Новгородской области. О нем часто рассказывали на уроках в школе, писали заметки в пионерских газетах, издавали художественную литературу. С целью военно-патриотического воспитания в 1957 г. Новгородский обком ВЛКСМ совместно с областным отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний выпустил плакат «Леонид Голиков» [Борисевич, 2022, с. 36]. В том же году на слете участников экспедиции, посвященной 40-летию Октябрьской революции, была организована встреча с матерью Леонида Голикова. Ребята задавали ей вопросы о жизни и подвигах ее сына, который стал героем Великой Отечественной войны [Борисевич, 2022, с. 36]. Сохранилось письмо от пионерского отряда 3 класса им. Павлика Морозова из аула Немукай Краснодарского края в Новгородский обком ВЛКСМ, в котором ребята перепутали двух пионеров-героев и хотели узнать про Павлика Морозова. Обком комсомола объяснил школьникам, что в Новгородской области родился, жил и погиб Герой Советского Союза пионер Леня Голиков и, если им интересна его жизнь, то новгородские комсомольцы помогут завязать переписку со школой, где он учился [Борисевич, 2022, с. 36]. Из источников следует, что образ Лени Голи-

¹ Из справки Новгородского обкома ВЛКСМ об организации работы с пионерами и школьниками летом 1949 года // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 6. Д. 55. Л. 17.

² Информация Новгородского горкома ВКП(б) о выполнении постановления бюро обкома ВКП(б) от 29 марта 1949 года «О благоустройстве кладбищ и могил воинов Советской армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны на территории Новгородской области». 7 июля 1949 г. // ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 6. Д. 351. Л. 12.

кова формировал не только социальную идентичность молодежи – «пионер-герой», «молодой парень, отдавший жизнь за Родину», но и локальную – «герой-земляк».

Популярность образа Лени Голикова привела к тому, что 7 октября 1958 г. вышло постановление бюро Новгородского обкома комсомола о сооружении памятника Герою Советского Союза пионеру Лене Голикову. В тексте говорилось, что с инициативой выступила пионерская дружина имени Лени Голикова средней школы № 9 г. Новгорода [Борисевич, 2022, с. 36]. Взаимодействие органов власти и молодежи происходило в первую очередь в вопросах финансирования. Согласно Постановлению ЦИК СССР, СНК СССР от 01.07.1935 «О порядке проведения добровольных сборов» необходимо было, чтобы обком партии открыл единый счет, на который бы поступали деньги на памятник. Иными словами, обком ВЛКСМ выступал в роли посредника и органа, способного мобилизовать школы всей области и контролировать поступление средств.

Школьники зарабатывали деньги на сборе макулатуры, металлолома, на сельскохозяйственных работах в колхозах и направляли их на счет обкома ВЛКСМ. Уже в 1959 г. председатель районного совета пионерской организации в своем отчете докладывал, что работы по сбору средств в области начались в январе, когда на счет поступили первые 100 рублей. В ноябрьском рапорте учеников школы № 9 в Новгородский обком ВЛКСМ сообщалось, что в октябре они обратились с призывом к учащимся школ Новгородской области создать копилку для сбора средств на сооружение памятника и доложили о досрочном выполнении обязательства собрать 1000 рублей [Борисевич, 2022, с. 36]. В мероприятии были задействованы школьники всех районов области и к ноябрю 1960 г. им удалось собрать 86 тысяч рублей [Борисевич, 2022, с. 36].

Помимо сбора средств Новгородский обком ВЛКСМ помогал в поиске архитектора, способного разработать эскиз памятника. По просьбе обкома комсомола известный скульптор-монументалист, президент Академии художеств СССР, академик Николай Васильевич Томский подготовил проект памятника Лене Голикову бесплатно³. Важно отметить, что Н.В. Томский поддержал эту идею не просто так, а, вероятно, из чувства причастности к новгородской земле, ведь он родился в

³ Письмо секретаря Новгородского обкома ВЛКСМ А. Петрова. 27 марта 1961 г. // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 18. Д. 24. Л. 84.

⁴ Протокол № 83 заседания бюро Новгородского обкома КПСС. 2 октября 1963 г. // ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 20. Д. 46. Л. 233.

деревне Рамушево Старорусского уезда Новгородской губернии, что в 40 километрах от деревни Лукино, где родился Леня Голиков.

На заседании бюро Новгородского обкома КПСС в 1963 г. было решено установить памятник в сквере напротив Дома пионеров в Новгороде⁴. Открыть бюст пионера-героя планировалось ко дню 38-й годовщины Всесоюзной пионерской организации, однако работы затянулись и открытие памятника состоялось к двадцатилетию освобождения Новгорода – 19 января 1964 года. Это стало важным событием для новгородской молодежи: после установки памятника торжественное принятие в пионеры проходило именно у бюста Лени Голикова или у памятника В.И. Ленину. Позднее, в 1971 г., новгородский Дом пионеров, рядом с которым был открыт памятник пионеру-герою, получил почетное имя Лени Голикова. Во время открытия ученик Витя Жерновников прочел стихотворение, посвященное Лене Голикову: «Перед нами памятник стоит // Ровеснику, любимому герою, // Тому, чью память бережно хранит // Деревня малая над речкою Полою»⁵. После посвящение в пионеры и все торжественные пионерские линейки проходили именно здесь.

В 1967 г. на заседании бюро Новгородского обкома ВЛКСМ принимается предложение отдела пропаганды и культурно-массовой работы о проведении первого конкурса районных и городских комсомольских организаций на лучший проект, изготовление и установку обелисков. Конкурс проходил в два этапа: отбор эскизов памятника и сам процесс его открытия (с митингом, возложением цветов, шествием, парадом). Итоги подводились к III Всесоюзному слету участников походов по местам революционной, боевой и трудовой славы. Победители первого этапа награждались грамотами обкома комсомола, второго этапа – ценными призами.

В дальнейшем подобная практика установки новых памятников становится формой досуга, известной по всей стране. Это фиксируется в отчетах обкомов комсомола в ЦК ВЛКСМ. В новгородских отчетах за 1970 г. отмечено стремление региональных партийных органов побудить к участию как можно больше молодых людей, «вовлекать широкие слои юношества, добиваться, чтобы в походе участвовала каждая комсомольская организация. Знакомить молодежь со славными делами старших поколений, воспитывать у нее чувство ответственно-

⁴ Герои не умирают// Новгородский комсомолец. 22 января 1964 г. С. 3.

⁵ Отчет о проведении V этапа Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа в Новгородской области. 6 июля 1970 г. // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 27. Д. 9. Л. 92.

сти за продолжение их дела, вырабатывать понимание неразрывной связи, традиций, свершений сегодняшнего дня и идеалов будущего»⁶.

Заинтересованность и контроль со стороны Новгородского обкома прослеживается в сюжете о жителях поселка Демянск Новгородской области, которые собрали деньги на возведение памятника на месте расстрела мирных жителей и партизан, однако в ходе согласования заведующий отделом пропаганды и агитации Новгородского обкома КПСС А. Тэммо подчеркнул следующий недостаток: «Бюро обкома КПСС 10 июля 1973 года, рассмотрев этот вопрос, отметило, что воздвигаемый монумент не соответствует теме героической борьбы советского народа против фашистских захватчиков на территории Демянского района и не является средством воспитания молодежи в духе советского патриотизма»⁷. То есть для партийных органов было важно, чтобы памятники служили идеологическим и воспитательным целям.

Несмотря на контроль, молодежь области продолжала участвовать в коммеморативных практиках – ухаживала за воинскими захоронениями, устанавливала обелиски: «За истекший период в области установлено 20 мемориальных досок»⁸. Формами поощрения за участие в такой деятельности выступали ценные подарки, грамоты, публикации в газетах или дополнительные выходные дни.

Тем не менее молодежь выбирала такой вид досуга не только ради поощрения. Одной из главных причин оставалось сохранение памяти о земляках. Е. А. Мельникова так описывала деятельность красных следопытов: «Считая себя основными агентами локальной мемориализации прошлого, первооткрывателями местной истории и во многом действительно выполняя эту функцию, следопыты не могли больше удовлетворяться позицией организаторов молодежного досуга, которая была предписана им государством. В новой системе категорий следопыты видели себя борцами с «забвением», считая, что их деятельность стала таким же предметом забвения, как и героическая смерть солдат Великой Отечественной» [Мельникова, 2018, с. 45].

⁷ Справка о письмах ректора Московского архитектурного института т. Ю. Н. Соколова и исполняющего обязанности первого секретаря Союза художников СССР т. В. С. Егерова. 20 сентября 1973 г. // ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 31. Д. 162. Л. 36.

⁸ Отчет о проведении V этапа Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа в Новгородской области. 6 июля 1970 г. // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 27. Д. 9. Л. 94.

⁹ Итоговое донесение об организации игры «Орленок» в 1975–1976 учебном году в Окуловском районе // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 83. Л. 57.

Подобная ситуация сложилась и с молодыми людьми, участвующими в открытии новых памятников красноармейцам, о многих из которых они узнавали благодаря походам по местам боевой славы. Возникла необходимость в сохранении «локального нарратива» в рамках «масштабного». Во время Всесоюзной экспедиции «Моя Родина – СССР» ребята искали новых героев-земляков и устанавливали в их честь памятные таблички, в т. ч. в школах⁹. Использовались символические приемы, например установка в нишу обелиска гильз с землей из городов-героев, где сражались жители области¹⁰.

В 1970–1980-е гг. использовались практики, аналогичные созданию памятника Лене Голикову. Так обелиск односельчанам, погибшим в боях за Родину в д. Локотско Крестецкого района Новгородской области (1975 г.), был поставлен пионерами на заработанные в совхозе «Ленин» деньги¹¹, а в городе Валдай в день Всесоюзного коммунистического субботника пионеры и школьники сажали деревья и кустарники на воинских кладбищах, у памятников и обелисков: «Пионеры школы № 1 г. Валдая посадили аллею Героев. В этот же день ребята собирали макулатуру, металлолом, выполняли и другие виды работ. Деньги, заработанные в этот день, пошли на строительство памятников и обелисков»¹².

Заключение

В СССР во второй половине XX в. постепенно назревал конфликт поколений. Одним из способов его решения стала модель «связи трех поколений». Ее внедрение происходило путем организации новых форм социально одобряемого досуга, среди которых активно пропагандировалась установка памятников, обелисков, мемориальных табличек воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Такая форма активизма устраивала партийное руководство, потому что позволяла устранить разрыв между поколениями, а также конструировала героическое прошлое советского народа.

Взаимодействие власти и молодежи происходило по следующей схеме: «запрос на установку памятника – сбор средств – поиск архитектора –

¹⁰ Там же.

¹¹ Отчет о военно-патриотическом и физическом воспитании в школах Крестецкого района // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 83. Л. 88.

¹² Отчет об итогах участия пионерских дружин, отрядов, звеньев во Всесоюзном марше пионерских отрядов «Всегда готов!», посвященного 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 21. Л. 49.

строительство – открытие». Комсомольцы и пионеры во время каникул либо объявленных выходных сдавали макулатуру, металлолом, давали концерты, что позволяло им накопить деньги и отправить их на счет. За установление памятников молодежь получала поощрение – ценные призы и награды.

Одна из причин участия молодых людей в коммеморации – это желание сохранить память о своих земляках, погибших в боях за Родину. Можно предположить, что установка новых памятников и мемориальных досок способствовала формированию у новгородской молодежи локального патриотизма. Выбор молодежью тех или иных участников Великой Отечественной войны, чьи имена необходимо было увековечить, так или иначе отражает местную специфику и уникальность региона. Так, например, Леня Голиков стал локальным героем, на которого должна была равняться вся новгородская молодежь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борисевич Д.А. Участие молодежи в установлении памятников в Новгороде (на примере бюста Лени Голикова) // Дни науки и инноваций НовГУ: Материалы XXI Всерос. науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ: в 4 ч., Великий Новгород, 25 апреля – 13 мая 2022 г. Т. 1. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 34–38.
- Веселкова В.П., Граматчикова Н.Б., Енина Л.В., Прямикова Е.В. Мечты и память. Нарративные ландшафты небольшого советского города. Екатеринбург. М.: Кабинетный ученый, 2022. 330 с.
- Всесоюзный туристический поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. М.: Молодая гвардия, 1966. 26 с.
- Гаврилюк А.В. Деятельность партийных и советских органов Курской области по сохранению памяти погибших советских воинов (50–60-е годы XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–2. С. 45–47.
- Карпова Л.В., Потапова Н.А., Сухман Т.П. Охрана культурного наследия России: XVII–XX вв.: Хрестоматия. М.: Весь мир, 2000. 147 с.
- Кизилова Е.В. Деятельность органов власти и общественных объединений по монументальной пропаганде событий и героев Курской битвы (1940–1990-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2021. 347 с.
- Кологушкин В.Г. «Места памяти» партизанского движения в Новгородской области // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 160–164.
- Кохан А.А. К вопросу об охране памятников Великой Отечественной войны во второй половине 1950-х – конце 1980-х гг. // Культурное наследие России. 2022. № 4(39). С. 79–88.
- Мельникова Е.А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 19–53.
- Митрохин Н.А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985 годы. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 624 с.
- Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. 271 с.
- Савельев Н.С. Великая Отечественная война как направление работы экскурсионных организаций Новгорода в 1960–1970 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87, ч. 2. С. 48–51.

Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (принятых после XII съезда ВЛКСМ). М.: Молодая гвардия, 1958. 448 с.

Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279–326.

REFERENCES

- (1966) Vsesojuznyj turisticeskij pohod komsomol'cev i molodezhi po mestam revoljucionnoj, boevoj i trudovoj slavy sovetskogo naroda [All-Union tourist campaign Komsomol members and young people to places of revolutionary, military and labour glory of the Soviet people], Molodaja gvardija, Moscow, USSR, 26 p.
- Borisevich D. A. (2022) Uchastie molodezhi v ustanovlenii pamjatnikov v Novgorode (na primere bjusta Leni Golikova) [Participation of youth in the creation of the monuments in Novgorod (on the example of the bust of Leonid Golikov)], Dni nauki i innovacij NovGU: Materialy XXI Vseros. nauch. konf. преподаvatelej, aspirantov i studentov NovGU: v 4 ch., Velikij Novgorod, 25 aprlja – 13 maja 2022 g. T. 1. Velikij Novgorod: Novgorod. gos. un-t im. Jaroslava Mudrogo [Days of Science and Innovation Novgorod State University: Materials of the XXI All-Russian scientific conference of teachers, postgraduates and students of Novgorod State University. In 4 parts, Veliky Novgorod, 25 April - May 13, 2022. Volume Part 1], Novgorodskij gosudarstvennyj universitet im. Jaroslava Mudrogo, Veliky Novgorod, 2022. pp. 34–38.
- (1958) Sbornik postanovlenij CK VLKSM (prinjatyh posle XII s"ezda VLKSM) [Collection of resolutions of the Central Committee of the Komsomol (adopted after the XII Congress of the Komsomol)]. Molodaja gvardija, Moscow, USSR, 448 p.
- Gavrilyuk A.V. (2012) Kursk district party and soviet authorities' activity on lost soviet warriors memory preservation (the 50s–60s of the XXth century). Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. № 1–2. Pp. 45–47.
- Karpova L.V., Potapova N.A., Sukhman T.P. (2000) Ohrana kul'turnogo nasledija Rossii: XVII–XX vv.: Hrestomatija [Protection of Cultural Heritage of Russia: XVII–XX cc.: Khrestomathy], Ves' mir, Moscow, Russia, 147 p.
- Kizilova E.V. (2021) Dejatel'nost' organov vlasti i obshhestvennyh ob'edinenij po monumental'noj propagande sobytij i geroev Kurskoj bitvy (1940–1990-e gody) [Activity of authorities and public associations on monumental propaganda of events and heroes of the battle of Kursk (1940–1990s)], PhD dissertation, Kursk State University, Kursk, Russia, 347 p.
- Kohan A.A. (2022) On the protection of monuments of the great patriotic war in the second half of the 1950s – the end of the 1980s. Cultural Heritage of Russia (Kul'turnoe nasledie Rossii). № 4(39). Pp. 79–88.
- Kolotushkin V.G. (2022) “Places of memory” of the partisan movement in the Novgorod region. Memoirs of NovSU (Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta). № 2(41). Pp. 160–164.
- Melnikova E.A. (2018) By the People's Hands: The Sledopyt Movement in the USSR of the 1960–1980s. Anthropological Forum (Antropologicheskij forum). № 37. Pp. 19–53.
- Mitrokhin N.A.* (2003) Russkaja partiya: dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR: 1953–1985 gody [The Russian Party: The Movement of the Russian Nationalists in the USSR: 1953–1985], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 617 p.
- Polyakova M. A. (2015) Ohrana kul'turnogo nasledija Rossii: ucheb. posobie dlja vuzov [Protection of the cultural heritage of Russia: textbook for universities], Drofa, Moscow, Russia, 271 p.
- Savelyev N. S. (2015) Great Patriotic war: a trend in the work of Novgorod tourist agencies in the 1960s and 1970s. Vestnik of Novgorod State University (Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta). № 87(2). Pp. 48–51.

Uhl K. (2011) A generation between the “heroic past” and the “bright future”: the role of youth in the thaw period. *Anthropological Forum (Antropologicheskij forum)*. № 15. Pp. 279–326.

Veselkova V.P., Gramatchikova N.B., Yenina L.V, Pryamikova E.V. (2022) *Mechty i pamjat'. Narrativnye landshafty nebol'shogo sovetskogo goroda. Ekaterinburg [Dreams and memory. Narrative Landscapes of a Small Soviet City. Ekaterinburg], Kabinetnyj uchjonyj, Moscow, Russia, 330 p.*

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПОХОД МОЛОДЕЖИ ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ: ПРЕДЕЛЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

ВЕСЕЛКОВА НАТАЛЬЯ
ВАДИМОВНА

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина

Благодарности: статья подготовлена
при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект
21-18-00418 «Музей малого города:
множественность культур памяти
(историко-социологический анализ)»

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-119-133

© Веселкова Н. В.

АННОТАЦИЯ

Старт «Всесоюзного туристского похода комсомольцев и молодежи по местам боевой славы» (1965–1987) обычно связывают с поворотом политики памяти к Великой Отечественной войне в 1965 г. Детальное рассмотрение высвечивает новые аспекты как самого поворота, так и региональных различий. Поход был объявлен не ко Дню Победы, а позднее, как разовая акция для молодежи от 14 лет, в первую очередь работающей. Всесоюзный масштаб пришел в противоречие с неравенством территорий в отношении географии войны. Для находящихся в глубине страны регионов в короткий срок организовать экспедицию по местам боев Великой Отечественной войны было весьма затруднительно, и они «самовольно» переориентировались на Гражданскую войну. Прослеживая динамику начального этапа на региональном материале, видим существенные зазоры между запуском Похода и его последующей реализацией, обнажающие пределы централизованного планирования и контроля.

Ключевые слова: следопыты, социальные рамки памяти, масштабы, мультиסקаларность, региональные различия.

ALL-UNION YOUTH TOUR AROUND SITES OF MILITARY GLORY: PLANNING LIMITS

Natalya V. Veselkova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract.

The start of the “All-Union Tour of Komsomol Members and Youth Around Sites of Military Glory” (1965–1987) is usually associated with the turn of the politics of memory to the Great Patriotic War of 1965. A detailed examination highlights new aspects of both the turn itself and regional differences. The campaign was announced: not for the Victory Day, but later in time, as a one-time action primarily for the young working people from 14 years old. The all-union scale came into conflict with the inequality of territories. It was very difficult for the regions located in the depths of the country to organize an expedition to the battlefields of the Great Patriotic War in a short time, and they “arbitrarily” reoriented themselves to the civil war. Tracing the dynamics of the initial stage on the regional matter, we find out significant gaps between the launch of the Campaign and its subsequent implementation, exposing the limits of centralized planning and control.

Key words: pathfinders, social framework of memory, scales, multiscalarity, regional differences.

Acknowledgments:

the article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project 21-18-00418 “Small Town Museum: Multiple Cultures of Memory (Historical and Sociological Analysis)”).

«Помните, был маршрут по боевым и каким-то местам» – едва ли не единственное в исследовании 2021–2023 гг.¹ упоминание о некогда мощном движении походов молодежи среди почти трех сотен интервью. Специально об этой форме работы с памятью мы не спрашивали, тем более значимо ее спонтанное появление (в рассказе специалиста о том, как из комнаты боевой славы, открытой в 1960-е годы в училище Петровска-Забайкальского, впоследствии вырос краеведческий музей города).

ЦК ВЛКСМ в 1965 г. объявил «Всесоюзный туристский поход комсомольцев и молодежи по местам боевой славы советского народа» (далее – Поход) в честь 20-летия Победы в Великой Отечественной войне. По всей видимости, задуманная как единовременная [Мелихова, 2011, с. 56], акция продемонстрировала такую высокую продуктивность, что при подведении итогов на слете в Брестской крепости-герое было решено продолжить работу в 1966 г. В тот момент никто не предполагал, что Поход растянется на 22 года (1965–1987): его 12 этапов, сначала ежегодные, затем с интервалом в несколько лет, будут посвящены разным датам советского календаря.

В специальной литературе, так или иначе затрагивающей Поход, наиболее обстоятельной остается статья Роберта Хорнсби [Hornsby, 2017], она целиком (редкий случай!) сосредоточена на Походе, однако использование концептуальной оптики «культы войны» то и дело размывает фокус. Методологически вдохновляющей стала публикация Екатерины Мельниковой, правда Поход в ней фигурирует вместе с красными следопытами [Мельникова, 2018]: такое совмещение, как будет показано далее, характерно как для бытования, так и для изучения этих видов следопытства [ср.: Вейнмейстер, Григорьева, 2020, с. 97].

Поход «мелькает» в трудах по советской повседневности и туризму, деятельности ВЛКСМ и ДОСААФ, политической социализации моло

¹ Интервью с музейным работником (г. Петровск-Забайкальский, женщина, 64 г.). Исследование «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» проводилось в 12 российских малых городах, подробнее о методологии: [Веселкова, Прямикова, 2022].

дежи и истории поискового движения. Особо следует выделить исследование советской политики памяти с ее поворотом к Великой Отечественной войне (в связи с Походом в первую очередь показательны тексты Игоря Цуканова [Цуканов, 2007, 2014, с. 56]) и учреждением ВООПИиК в 1965 г.

При этом сам предмет словно тянет за собой советский канон описания: рассматривается ли Поход с точки зрения организации (кто инициатор, какие институции участвуют, каковы конкретные формы) или итогов (обычно через количество участников, созданных музеев и т. п.), современные публикации неизменно воспроизводят риторику «военно-патриотического воспитания». Предмет анализа предстает как сугубо советское явление: так, исследователи туризма в СССР (в связи с Походом – особенно [Константинов, Зорина, 2011; Усыскин, 2000]) описывают его подъем в 1950–1960-е гг. через партийно-правительственные постановления, связывая с сокращением рабочего дня и переходом к пятидневной рабочей неделе с двумя выходными [Колупанова, 2016, с. 51–52; Липатов и др., 2016, с. 262]. Между тем растущая сфера свободного времени именно в тот период стала пристально изучаться западной социологией [см., напр., Dumazedier, 1962], способствуя развитию социологии досуга и в СССР [Орлов, Зборовский, 1964; Грушин, 1967; Орлов, 1969; Зборовский, Орлов, 1970]².

Среди нечастых попыток отойти от советского «канона» отметим статью Петра Неплюева, где Поход и ВООПИиК представлены как формы историко-культурного активизма и вписаны в мировой контекст развития публичной истории [Неплюев, 2022]. Подобного рода сопоставительный анализ видится весьма перспективным; любопытно было бы также соотнести Поход с западными молодежными волнениями конца 1960-х, молодежными субкультурами и поколенческой проблематикой того периода.

С каких бы сторон исследователи ни подступались к Походу, в тени неизменно остаются два, на наш взгляд, решающих момента: во-первых, кардинальное различие территорий и, во-вторых, связанное с ним изменение политики Похода. Во избежание ловушки, обусловленной внутренней динамикой изучаемого явления, которая стремительно нивелирует, «съедает» его же отличительные черты, сосредоточим внимание на самом начале, следуя пунктам: «Когда – Что – Где – Кто».

² У Зборовского есть эффектная виньетка о том, как он впервые услышал о французском социологе Дюмазедье в начале 1960-х, а вскоре уже вез из Москвы в Свердловск чемодан концептов [Интервью ..., 2003, с. 9; Зборовский, 2018, с. 45–49, 227].

Методологическим ключом послужит мультискалярный анализ (столкновение масштабов, в данном случае всесоюзного и регионального) и концепция социальных рамок памяти (нас будет интересовать взаимодействие старой и нарождающейся новой рамок). Используется ряд положений, которые мы с коллегами ранее обсуждали на уральском материале [Мечты и память ..., 2022]. Основу эмпирической базы составляют хранящиеся в РГАСПИ материалы ЦК ВЛКСМ и публикации центральной прессы.

Когда: в преддверии или вдогонку 20-летию Победы?

Распространено утверждение, будто «Всесоюзный поход начинался в дни подготовки к 20-летию Победы». Так, в частности, говорится в книге генерала А.В. Гетмана³, на правах председателя ЦК ДОСААФ подписавшего постановление о Походе 1966 года. Накануне слета 1966 г. молодой корреспондент «Известий» Игорь Бузылев, за склонность к эпосу прозванный друзьями «Оноре де Бузылевым»⁴, широкими мазками живописал «истоки» Похода: «Он родился в те дни, когда все мы переживали незабываемый душевный подъем: страна готовилась отметить двадцатую годовщину Победы <...> С рубежа двух десятилетий, прошедших после мая 1945-го, по-особому пристально и задумчиво глянули мы на белые обелиски братских могил и боевые ордена на штатских пиджаках ветеранов. <...> А рядом были чуткие сердца тех, кто никогда не знал военной грозы. Тех, кто всегда тянется к светлому примеру и жажде подвига. И рождение похода было естественным, как естественна эта тяга молодых»⁵.

Не менее широко известна дата Постановления ЦК ВЛКСМ о Походе – 25 мая 1965 г.⁶ Потребовалось еще несколько дней, чтобы утвердить сопутствующие документы: Обращение и Положение о походе – 27 мая, состав Центрального штаба – 29 мая⁷, так что Обращение увидело свет в «Комсомольской правде» (далее – КП) лишь 1 июня⁸. Регионы откликнулись еще позднее: например, Курский обком комсомола принял свое

³ Гетман А. Л. Воспитание мужества. М.: Изд-во ДОСААФ, 1979. С. 144.

⁴ Об И. Бузылеве (1939–1987) см.: Кривошеев В. «Надо залить землю асфальтом!» // Известия. IZ.ru. 2008. 24 янв. URL: <https://iz.ru/news/332651> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵ Бузылев И. Наследники подвига // Известия. 1966. 7 сент. № 212. С. 6. На фоне того, как усиленно официальный дискурс продвигал ЦК ВЛКСМ в роли инициатора (правда, «обобщившего опыт») и актуальность Похода как формы воспитания нового поколения, ставшего отходить от «традиций», становятся видны неординарные акценты Бузылева: истоки – не в указаниях сверху, а в собственных потребностях поколений, включая послевоенное. В современных терминах так могло бы звучать описание работы социальной памяти, в недрах которой кристаллизуется постпамять.

⁶ Материалы к протоколу № 26 заседания Бюро ЦК ВЛКСМ // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 67. Д. 98. Л. 134–135.

⁷ Там же. Л. 138–141.

⁸ Подвиг отцов зовет в дорогу. Обращение ЦК ВЛКСМ к комсомольцам и молодежи // КП. 1965. 1 июня. № 126. С. 4.

постановление 23 июня [Мелихова, 2011, с. 56], Челябинский – 24 июня⁹, в Свердловской области Обращение ЦК и рекомендуемые местные маршруты были обнародованы только 3 июля!¹⁰. Таким образом, фактический старт Походу был дан на 1–2 месяца позднее Дня Победы.

Вместе с тем Постановление ЦК ВЛКСМ апеллирует к уже имеющемуся опыту «последнего времени», когда «в дни подготовки» к «знаменательной дате» 20-летия Победы молодежь «вспоминала подвиги людей старшего поколения», проводя «молодежные походы, экспедиции по местам героических боев за советскую власть, ознакомление с реликвиями и памятниками войны, встречи с участниками сражений»¹¹. Такой работы и вправду проводилось много: «С 1964 г. газета Волгоградского областного комитета ВЛКСМ «Молодой Ленин» открыла рубрику «Маршрутами подвигов», народные корреспонденты со всех уголков области делились своими маршрутами поисково-туристических походов и рассказывали читателям о новых героях Великой Отечественной войны» [Бузулуцкая, Липатов, 2017, с. 256]. В Орловской области местные организации объявили торжественный старт своему походу боевой славы «в ознаменование Дня победы» 23 февраля 1965 г.¹². Главным же полигоном стала Белоруссия, где «[п]очти четыре тысячи молодых рабочих, колхозников, студентов, школьников» прошли по местам боевой славы, собравшись на слет в палаточный городок на «историческом месте» у только что установленного памятника Н. Гастелло¹³. «Правда» поясняет, что ЦК ВЛКСМ принял решение о Всесоюзном Походе, «обобщив опыт комсомольских организаций Белоруссии и других республик»¹⁴. В декабре 1965 г. опыт Белоруссии будет обсуждаться и получит одобрение VIII Пленума ЦК ВЛКСМ.

Об оформлении идеи Похода в ЦК комсомола дают представление воспоминания В. Ганичева: на момент разговора с первым секретарем С. Павловым у руководства журнала «Молодая гвардия» «был план, опробованный уже в Белоруссии, Иванове, на Украине. Школьники, молодые люди искали документы и материалы о сражавшихся и погибших, о героях и тружениках войны, ухаживали за могилами, искали

⁹ О Всесоюзном туристическом походе комсомольцев и молодежи по местам боевой славы советского народа: постановление бюро Челябинского обкома ВЛКСМ и областного Совета по туризму от 24 июня 1965 г. // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 47. Д. 557. Л. 216.

¹⁰ В путь, молодые следопыты! Обращение ЦК ВЛКСМ // На смену! 1965. 3 июля. № 130. С. 3.

¹¹ Материалы к протоколу № 26 ... Л. 134.

¹² Плакат «Пионеры и школьники! Юные туристы и краеведы Орловской области!» // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 47. Д. 557. Л. 85.

¹³ По местам боевой славы отцов // Правда. 1965. 1 июня. № 152. С. 4.

¹⁴ Там же.

останки бойцов и хоронили их на кладбищах, в центре населенных пунктов»¹⁵. При всей тенденциозности сочинения Ганичева, в совокупности приведенные источники демонстрируют, в какой мере (или целиком?) Поход вырос из мероприятий, которые успешно осуществлялись и без него, – правда в сугубо локальном масштабе, что в очередной раз продемонстрировала череда 20-летий освобождения городов и республик, прошедшая в 1963–1964 гг.

На уровень всей страны в тот момент претендовали не взросло-молодежные, а скорее детские и подростковые активности, такие как движение красных следопытов [Мельникова, 2018, с. 30–34; Мечты и память..., 2022, с. 116–117] и всесоюзные экспедиции пионеров и школьников, включавшие «поход боевой славы» как одно из направлений.

Что и Где: тематика в зависимости от территорий

Постоянное присутствие военной тематики отнюдь не означало ее особого влияния, показательнейшим примером чего является постановление ЦК ВЛКСМ, Минпроса и ДОСААФ, подписанное в декабре 1964 г.: для «усиления военно-патриотического воспитания» оно предписывало среди прочего в «каждой школе организовать музеи, комнаты, уголки боевой славы, проводить походы по местам боев», но без всякой связи с 20-летием Победы¹⁶!

Строго говоря, комсомол упустил эту поворотную, как мы сегодня знаем, дату, успев со своим Походом буквально в последний вагон. Такие экстренные меры в очередной раз показывают, насколько День Победы был далек от основополагающих вех национального календаря и насколько зыбкой представляла новая, еще только возникающая, социальная рамка памяти. Тем не менее радикальной инновацией Похода (особенно заметной на фоне вышеупомянутого постановления декабря 1964 г.) стало то, что он впервые поставил во главу угла именно Великую Отечественную войну, сделал это во всесоюзном масштабе и адресовал молодежи.

Положение о Походе четко определило, что путешествия должны быть тематически связаны с «событиями Великой Отечественной войны»¹⁷. Опубликованное в КП Обращение звало в «поход по дорогам минувшей войны», предлагался даже набор ключевых маршрутов: «по

¹⁵ Ганичев В. Они выиграли войну... А вы? // Наш современник. 1995. № 5. С. 113–128 [Митрохин, 2003, с. 277].

¹⁶ О дальнейшем усилении военно-патриотического воспитания учащихся и повышении уровня работы организаций ДОСААФ в школах: совместное постановление ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения РСФСР и ЦК ДОСААФ // Советский патриот. 1964. 9 дек. № 99. С. 1.

¹⁷ Материалы к протоколу № 26... Л. 138.

легендарному Волоколамскому шоссе и ладожской “Дороге жизни”, по партизанским тропам Белоруссии и путям армии народных мстителей Ковпака, на Курской дуге и Марухском перевале, <...> по рубежам обороны городов-героев»¹⁸. Редакционная преамбула подчеркивала, что это маршруты «в районах героических боев в годы Великой Отечественной войны»¹⁹. Предельно однозначный посыл не уберег, однако, от перетолкований, реализация Похода наткнулась на ряд трудностей, минимум две из которых, по нашему мнению, носят фундаментальный характер.

А именно, стремление к всесоюзному масштабу акции вошло в противоречие с принципиальным неравенством регионов в отношении географии войны. Это неравенство явственно просвечивает в тексте Обращения, где для одних территорий названы маршруты «по местам героических сражений», а про все остальные сказано, что они «тоже были фронтами»: «Необъятные просторы нашей страны, каждый ее уголок – Урал и Сибирь, Средняя Азия и Казахстан – *тоже* были фронтами великой битвы. Там формировались полки. Там плавилась сталь. Там растили хлеба» (курсив наш. – Н.В.)²⁰. Ощутить героизм в местах формирования воинских соединений и на производстве намного сложнее, чем в местах сражений, еще не были наработаны необходимые для этого коммеморативные навыки и свойства символического капитала.

«Места боевой славы» понимались как места боев. Жителей тыловых территорий такие походы уводили бы слишком далеко за пределы домашнего региона, что требовало куда более серьезной подготовки (времени, финансов, организации) и делало их гораздо менее осуществимыми, чем для жителей тех территорий, которые непосредственно затронула война.

Скроенный по меркам Белоруссии и других западных территорий, прекрасный замысел никак не желал подходить остальным частям страны. Им пришлось перекраивать Поход под себя, что вылилось в радикальное смещение фокуса с Великой Отечественной на Гражданскую войну. Сыграла свою роль и сильнейшая инерция существующих рамок памяти, согласно которым упоминание Великой Отечественной обычно шло через запятую после Гражданской войны и Октябрьской революции как национального мифа основания.

Размывание, чтобы не сказать подмена, тематики стало очевидно уже на этапе командировок по подготовке Похода, предпринятых

¹⁸ Подвиг отцов... Цитата приводится в соответствии с современными нормами орфографии.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подвиг отцов... [см. комментарий в: Мечты и память ..., 2022 с. 113–115.

ЦК ВЛКСМ в конце июня 1965 г.²¹. В Иркутской области отчет представителя ЦК фиксирует ориентацию на сбор материалов о походе «прославленной и заслуженной» Иркутской дивизии («участвовала во взятии Омска, Томска, Красноярска, пленении главных сил 1-й, 2-й и 3-й колчаковских армий. В марте 1920 года она вступила в Иркутск, совершив многотысячный поход до Байкала»), в Красноярском крае – о местах сражений «партизанских армий и отрядов» в годы Гражданской войны²². В Приморье «два основных маршрута» были определены также в «соответствии с событиями Гражданской войны»²³, о чем в августе 1965 г. информировала КП: 200 комсомольцев Владивостока повторили «боевой марш комсомольского партизанского батальона имени Карла Либкнехта в годы гражданской войны в Приморье»²⁴. Хотя тематика Гражданской войны и в меньшинстве – остальные пять заметок в подборке рассказывали о маршрутах Великой Отечественной – она легитимирована включением в один ряд с ними.

Несмотря на то что в Свердловске внушительный памятник Уральскому добровольческому танковому корпусу (УДТК) открыли еще в 1962 г., в Перми – в 1963 г., история УДТК ни в той, ни в другой области не стала сколько-нибудь значимой для Похода 1965 г. Публикуя Обращение ЦК ВЛКСМ, Свердловская областная молодежная газета «На смену!» сразу под ним поместила примерно такой же по объему текст своего обкома, плавно, но очень внятно сдвигающий акценты в сторону Гражданской войны²⁵. Напечатанный там же список из 10 рекомендованных маршрутов исключительно по местам Гражданской войны, снабженный схемой передвижений полка «Красных орлов», вкупе с репортажем о походе группы туристов по следам дивизии Азина²⁶, тоже со схемой, не оставляют сомнений, какая из войн находится здесь в центре внимания.

Поход по местам боев 28-й стрелковой дивизии Азина будет признан Свердловским обкомом «[н]аиболее ценным по результатам», а члены туристской секции при окружном доме офицеров представлены на Все-

²¹ 19 июня 1965 г. в ЦК ВЛКСМ был сформирован список из 22 человек, которые направлялись в областные комитеты ВЛКСМ. См. Отчеты о командировках в комсомольские организации по оказанию практической помощи в подготовке и проведении Всесоюзного туристского похода комсомольцев и молодежи по местам боевой славы советского народа // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 47. Д. 553. Л. 3–4.

²² Там же. Л. 36–38.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ Тропами героев // КП. 1965. 11 авг. № 187. С. 3.

²⁵ Константинов В., заведующий отделом спортивной и оборонно-массовой работы обкома ВЛКСМ. Интересных вам встреч! // На смену! 1965. 3 июля. № 130. С. 3.

²⁶ По местам боевой славы. Маршруты туристских походов по местам боев гражданской войны на Урале // На смену! 1965. 3 июля. № 130. С. 3; Борисов Н. Там, где прошли азинцы // На смену! 1965. 3 июля. № 130. С. 3. «Красные орлы», дивизия Азина – знаковые для Урала подразделения времен гражданской войны, их историю изучали и пропагандировали, в т.ч. через походы школьников.

союзный слет в Бресте²⁷. Если в установочной публикации «На смену!» не было ни слова о местных маршрутах Великой Отечественной, то цитируемый здесь отчет Свердловского обкома очень лапидарно, но все же перечисляет несколько уральских формирований, в т. ч. УДТК²⁸: полученная сверху установка была усвоена, но фактически не принята к исполнению.

В Челябинске «своеволие» коснулось и самого названия мероприятия: с помощью отпечатанного 14 июля 1965 г. плаката Челябинский обком комсомола (совместно с советом по туризму, военкоматом и ДОСААФ) объявлял «туристский поход молодежи по местам боевой и трудовой славы трудящихся Южного Урала», пять из шести предложенных маршрутов касались истории Гражданской войны²⁹. Тем не менее, в отличие от свердловчан, челябинцам удалось организовать мощный поход по тематике Великой Отечественной (по пути 96-й танковой бригады им. Челябинского комсомола), что было отмечено в итогах Всесоюзного слета 1965 г.³⁰ Можно видеть, как именно Поход вбирал в себя начатые задолго до него инициативы: по пути 96-й танковой бригады давно намечалась поездка ветеранов, теперь же она была проведена как туристский поход, причем не только ветеранов, но и молодежи³¹. Маршрут свердловских туристов по следам дивизии Азина, заверченный к 12 июля, изначально был приурочен к «46-й годовщине освобождения Екатеринбургa от колчаковцев»³². Раздосадованные своей несостоятельностью, свердловские комсомольцы позволили себе в конце отчета критическое «предложение»: «объявлять подобные походы не в середине года, а в начале, т. к. многие уже выбрали маршруты в начале года, наметили отпуски»³³.

Усвоив уроки стихийного расширения тематики, ЦК ВЛКСМ в декабре 1965 г. озвучил новое название: по местам не только «боевой», но

²⁷ [Отчет Свердловского ОК ВЛКСМ] Центральному штабу по проведению Всесоюзного туристского похода комсомольцев и молодежи по местам боевой славы советского народа // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 47. Д. 557. Л. 134–135.

²⁸ Там же. Л. 133. Между первой публикацией в областной газете (3 июля) и отчетом (31 августа) прошло два месяца.

²⁹ Вниманию туристов-комсомольцев, молодежи! [Плакат] // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 47. Д. 557. Л. 229.

³⁰ Всесоюзный туристский поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. М.: Молодая гвардия, 1966, с. 4, 5, 9, 10.

³¹ О Всесоюзном туристском походе комсомольцев и молодежи по местам боевой славы советского народа: постановление бюро Челябинского обкома ВЛКСМ и областного Совета по туризму от 24 июня 1965 г.; Справка о состоянии работы по развертыванию Всесоюзного похода по путям боевой славы по Челябинской области на 1 июля 1965 г. (Л. Гурвич, 3 июля 1965) // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 47. Д. 557. Л. 217, 219, 220, 221; см. также: Миронов Г., писатель; Моргулес И., кор. газеты «Комсомолец». Маршрутом героев-танкистов (Походный костер «Комсомольской правды») // КП. 1965. 19 авг. № 194. С. 3.

³² [Отчет Свердловского...]. Л. 136–138. 15 июля, день вступления дивизии Азина в Екатеринбург, долгое время отмечался как региональный праздник освобождения Урала от Колчака.

³³ Там же. Л. 135.

«революционной, боевой и трудовой славы». Поход теперь позиционировался как «важная веха в подготовке к 50-летию советской власти»³⁴.

От исследователей не укрылось смещение акцентов в названии, а Р. Хорнсби заметил, что последующие слеты могли проводиться и в сильно удаленных от театра боевых действий городах [Hornsby, 2017, р. 437–438]. Вне поля зрения остается знаковый, на наш взгляд, зигзаг политики памяти, произошедший за короткий промежуток времени (с июня по декабрь 1965 г.), когда сначала был сделан резкий бросок в сторону Великой Отечественной войны, а вскоре произошел не менее резкий откат к привычной связке «революционных, боевых и трудовых традиций». Восприятие Похода как цельного явления делает неразличимым этот вираж и препятствует следующему аналитическому шагу к тому, чтобы увязать его с неравенством регионов и оценить силу рамок референции, исходившую от национального мифа основания.

Кто: дети или работающая молодежь?

Вторая неожиданно возникшая проблема – согласовать Поход с движением красных следопытов (КС). Как писал командированный в Ставрополье и Краснодарский край представитель ЦК, «под походом по местам боевой славы комсомольские руководители склонны подразумевать в основном деятельность “Красных следопытов”»³⁵. Ему пришлось разъяснять, что «делать работу по увековечиванию памяти Героев только силами “Красных следопытов” недостаточно», и подсказывать «главное внимание уделить участию в походе молодежи старшего возраста, работающей на предприятиях»³⁶.

О подобном положении дел свидетельствует и публикация члена Смоленского областного штаба Похода: добрая половина текста посвящена школьникам – красным следопытам, на них же недвусмысленно указывает и подзаголовок, но далее говорится и об учащихя ПТУ, и о комсомольцах, и просто туристах³⁷. Тот факт, что путаница происходит на страницах центральной комсомольской газеты в самый разгар кампании, свидетельствует о том, что ясности в этом вопросе не было, похоже, и на самом верху.

³⁴ Постановление VIII пленума ЦК ВЛКСМ // КП. 1965. 29 дек. № 306. С. 2. На первом слете в Бресте фигурировала также 25-летие битвы под Москвой, в связи с чем слет 1966 г. и был назначен в Москве, но теперь эта дата ушла в тень. Новое название Похода утверждено совместным постановлением бюро ЦК ВЛКСМ, Центрального совета по туризму СССР и Президиума ЦК ДОСААФ СССР от 5 февраля 1966 г. (Всесоюзный..., 1966).

³⁵ Справка о проделанной работе в период командировки в ставропольские и краснодарские организации по проведению похода по местам боевой славы советского народа (26.7.65) // РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 47. Д. 553. Л. 12.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Пузырев И., член областного штаба. Смоленск. По священным местам Смоленщины. Красные следопыты – в походе // Комсомольская правда. 1965. 11 авг. № 187. С. 3.

Предпосылки обнаруживаются уже в исходных документах. С одной стороны, Положение о Походе предельно четко (как и в случае с тематикой) определяет возраст участников – от 14 лет³⁸, а Обращение, можно сказать, на пальцах объясняет их состав (обратим внимание на порядок номинаций): «молодой рабочий, колхозник, студент». С другой стороны, этот ряд продолжает «юный следопыт», от которого рукой подать до пионера – красного следопыта. К тому же именно пионеры – в галстуках, друг за другом шагающие вдоль реки – изображены на фотографии в первой же публикации Обращения в КП³⁹.

Дело в том, что Поход нуждался в ресурсе КС как хорошо налаженного движения с его отработанными формами, сочетанием азарта и управляемости, ну и в целом делал ставку на туристов как следопытов. В то же время начинание ориентировалось на взрослую самостоятельную молодежь, как мы полагаем, не только из идеологических, но и материальных соображений: чтобы сделать реальным самофинансирование серьезных путешествий. Посвященные Походу информационные подборки «Комсомолки» предлагали образцы – один ярче другого: «Построив своими силами яхту, комсомольцы Новороссийского судоремонтного завода вышли на ней в поход по местам сражений Черноморского флота»⁴⁰. Много сообщений о мото- и автопробегах – о набравших популярность символах эпохи, созвучных молодежи, скорости, прогрессу: «Отряд комсомольцев города Кировска отправился на мотоциклах по местам боев в Карелии, Ленинградской, Калининской и Московской областях»⁴¹; «Молодежная группа строителей Западно-Сибирского металлургического завода вышла в поход на мотоциклах по городам-героям страны»⁴²; «Большая группа автотуристов из Душанбе закончила путешествие по местам боев Таджикской стрелковой дивизии»⁴³.

В короткие сроки организовать столь амбициозные пробеги в массовом масштабе, конечно, не получилось; действительную массовость обеспечивали школьники, в т. ч. пионерского возраста.

³⁸ Материалы к протоколу № 26... Л. 139.

³⁹ Подвиг...

⁴⁰ Тропами героев... 20 авг. № 195. С. 4.

⁴¹ Тропами героев... 11 авг. № 187. С. 3.

⁴² Тропами героев... 20 авг. № 195. С. 4.

⁴³ Тропами героев... 3 сент. № 207. С. 4. Дорогие и сложные в организации, авто- и мотопробеги впоследствии стали вызывать нарекания: «никакой дальний и притом дорогостоящий пробег немногочисленной группы спортсменов не может заменить по-настоящему массового похода молодежи по родному краю, по местам боевой и трудовой славы народа». Гетман, 1979, с. 168. В целом туристическая составляющая стала угасать под напором формализованной идеологической стороны движения [Усыскин, 2000].

Стихийное (как и в случае с тематикой) расширение состава участников было «узаконено» по итогам 1965 г. «Обращение участников слета победителей Всесоюзного туристского похода молодежи по местам боевой славы советского народа ко всем комсомольцам, юношам и девушкам Советского Союза» 21 сентября 1965 г. начинается с поколенческой самоидентификации: «мы, комсомольцы и пионеры 60-х годов» (курсив наш. – Н.В.)⁴⁴. Новое Положение 1966 г. не оговаривает возраст, участниками оказываются исключительно «комсомольские, туристские и оборонные организации предприятий, учреждений, научных и учебных заведений, совхозов и колхозов, воинские части и т.д., подготовившие туристские группы для путешествия по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа»⁴⁵.

Заключение

Начальный период истории Похода богат на метаморфозы, демонстрирующие пределы планирования и отсутствие предопределенности в развертывании беспроигрышной, казалось бы, акции. В условиях неравного распределения символического капитала войны (места сражений им обладали, а вот для мест труда и формирования дивизий он еще не был наработан) масштаб регионов никак не стыковался с масштабом страны. Удаленные от зоны боев территории не удовлетворялись ролью «тоже фронтов» и выдали привычный набор заслуг времен Октябрьской революции и Гражданской войны. Скорость и размах, с какими стал размываться предельно четко заявленный фокус на Великой Отечественной войне, подчеркивают радикальность инновации – и Похода, и всей новой рамки памяти. Так же стремительно, как тематический фокус, стал трансформироваться и ключевой адресат-исполнитель: наилучшим образом на эту роль подошла учащаяся, а не работающая молодежь. В итоге в течение нескольких месяцев 1965 г. оказались стихийно скорректированы и тематика, и состав участников.

Поход начинался с двойной или даже тройной инновации – непривычно узкого для советских рамок памяти того времени фокуса на Великой Отечественной войне и всесоюзного масштаба акции, нацеленной на взрослую молодежь. Конечно, комсомол проследовал, причем с опозданием, в фарватере партийных решений, но для своей аудитории он действовал на свой страх и риск, так что движение пошло по принципу «шаг вперед – два шага назад».

⁴⁴ Всесоюзный туристский поход... 1966, с. 16.

⁴⁵ Там же, с. 20.

Как показывают крайне редкие отсылки к Походу информантов – даже среди специалистов-музейщиков – в нашем исследовании, процессуальная и перформативная стороны начинания (проведение, сопутствующие мероприятия) ушли из актуальных пластов социальной памяти. Тем не менее Поход все же проявился в качестве формальной рамки той колоссальной работы, которую по всей стране вели энтузиасты-краеведы (например, в Петровске-Забайкальском – рабочий В. И. Агафонов и директор ГПТУ Н. И. Фалилеев). Обращение к сегодняшним интервью кажется уместным для начала и завершения статьи, поскольку высвечивает следующие характерные черты Похода как формы историко-культурного активизма: а) ориентация на локальную историю (при общесоюзном размахе), б) низовой характер активизма (при массивном руководстве сверху), в) вещное и организационное закрепление в виде уголков, комнат и музеев (при установке на процесс и мероприятия).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бузулукская Ю.П., Липатов А.В. Первый Всесоюзный туристический поход «Дорогой славы отцов» на Волгоградской земле (1965 г.) // Актуальные проблемы отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Ю. Болотова, А.В. Липатов, Т.Н. Орешкина. М.: Планета, 2017. С. 255–260.
- Вейнмейстер А.В., Григорьева Ю.В. Традиции празднования дня победы // Война и мир в Отечественной и мировой истории. материалы международной научной конференции: в 2 т. СПб.: С-Петербургский гос. ун-та пром. технологий и дизайна, 2020. Т. 1. С. 93–106.
- Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 196–212.
- Грушин Б.А. Свободное время: актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967. 175 с.
- Зборовский Г.Е. Роман с социологией длиной более полувека. Беседы Бориса Докторава с Гарольдом Зборовским. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. 333 с.
- Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Досуг: действительность и иллюзии: проблемы свободного времени в марксистской и буржуазной социологии. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1970. 232 с.
- Интервью с профессором Гарольдом Ефимовичем Зборовским [провел В.В. Козловский] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 4. С. 5–22.
- Колупанова И.А. Проблемы становления массового туризма в СССР в 1960–1970-е годы (на примере Западной и Восточной Сибири) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9. С. 51–58.
- Константинов Ю.С., Зорина Г.И. Организационно-педагогические условия туристско-краеведческой деятельности в образовательных учреждениях. М.: Логос, 2011. 91 с.
- Липатов А.В., Такташева Ф.А., Семенцова Н.В. Развитие внутреннего туризма как формы досуга граждан в 1950–1960-е гг. На материалах Сталинградской (Волгоградской) области // Региональная история: методология, источники, историография: сб. науч. тр. третьих Междунар. Усмановских чтений. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. С. 262–264.
- Мелихова Ю. А. ВЛКСМ – организатор поисково-краеведческого движения молодежи в середине 1960-х годов // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 55–58.
- Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР //

Антропологический форум. 2018. № 19. С. 19–53.

Мечты и память: нарративные ландшафты небольшого советского города / Н.В. Веселкова, Н. Б. Граматчикова, Л.В. Енина, Е.В. Прямикова. Екатеринбург – Москва: Кабинетный ученый, 2022. 330 с.

Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 624 с.

Неплюев П.А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 79–93.

Орлов Г.П. Культура свободного времени. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1969. 79 с.

Орлов Г.П., Зборовский Г.Е. Трактровка свободного времени в буржуазной «социологии досуга» // Философские науки. 1964. № 6. С. 119–126.

Усыскин Г.С. Очерки истории российского туризма. СПб.: Герда, 2000. 224 с.

Цуканов И.П. История поискового движения в России в конце XX – начале XXI века: на материалах Курской области: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2007. 26 с.

Цуканов И.П. Основные направления деятельности общественности Черноземья по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне в 40-80-е гг. XX в. // Клио. 2014. № 12. С. 54–57.

Dumazedier J. (1962) *Versune civilisation du loisir?* Paris : Éditions du Seuil. 319 p.

Hornsby R. Soviet Youth on the March: The All-Union Tours of Military Glory, 1965–87 // *Journal of Contemporary History*. 2017. Vol. 52, № 2. P. 418–445.

REFERENCES

Buzulutskaia, Y.P. & A.V. Lipatov (2017). "Pervyy Vsesoyuznyy turisticheckiy pokhod «Dorogoy slavy ottsov» na Volgogradskoy zemle" [The First All-Union Tourist Tour "The Fathers Road of Glory" on the Volgograd land (1965)], *Actual Problems of National History: collection of scientific works*. Ed. by: E.Y. Bolotova, A. V. Lipatov, T. N. Oreshkina. Moscow. Planeta, pp. 255–260.

Dumazedier, J. (1962). *Versune civilisation du loisir?* Paris, Éditions du Seuil, 319 p.

Grushin, B.A. (1967). *Svobodnoe vremia. Aktual'nye problem* [Free time. Actual problems]. Moscow, Mysl' Publ., 175 p.

Hornsby, R. (2017). "Soviet Youth on the March: The All-Union Tours of Military Glory, 1965–87". *Journal of Contemporary History*. V. 52, №. 2, pp. 418–445.

Interv'yu s professorom Garol'dom Yefimovichem Zborovskim [provel V. V. Kozlovskoiy] [Interview with Professor Harold Efimovich Zborovskiy [conducted by V. V. Kozlovskiy]] (2003). *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. VI, № 4, pp. 5–22.

Kolupanova I.A. (2016). Problems of Mass Tourism Formation in USSR in 1960's–1970's (based on the Example of West and East Siberia). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. № 9, pp. 51–58.

Konstantinov Yu.S., & G.I. Zorina (2011). *Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya turistsko-krayevedcheskoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh* [Organizational and pedagogical conditions of tourist and local history activities in educational institutions]. Moscow. Logos, 191 p.

Lipatov A.V., Taktasheva F.A., & N.V. Sementsova (2016). *Razvitiye vnutrennego turizma kak formy dosuga grazhdan v 1950–1960-ye gg. Na materialakh Stalingradskoy (Volgogradskoy) oblasti* [Development of domestic tourism as a form of leisure of citizens in the 1950–1960s on the materials of Stalingrad (Volgograd) region], in *Regional'naya istoriya: metodologiya, istochniki, istoriografiya. Sbornik nauchnykh trudov tret'ikh Mezhdunarodnykh Usmanovskikh chteniy*. Sterlitamak: Sterlitamakskiy filial BashGU, pp. 262–264.

Melikhova, Yu.A. (2011). *VLKSM – organizator poiskovo-krayevedcheskogo dvizheniya*

molodezhi v seredine 1960-kh godov [Young Communist League as an Organizer of a Youth Regional Searching Movement in the Middle 60s]. Scientific notes of Orel State University. № 1. Pp. 55–58.

Mel'nikov, E.A. (2018), "By the people's hands: the sledopyt movement in the USSR of the 1960s – 1980s", *Antropologicheskiiy forum*, № 19, pp. 19–53.

Mechty i pamyat': narrativnyye landshafty nebol'shogo sovetского goroda [Dreams and Memories: Narrative Landscapes of a Small Soviet City] / Veselkova N. V., Gramatchikova N. B., Yenina L. V., Pryamikova E. V. Ekaterinburg – Moscow, Armchair Scientist, 2022. 330 p.

Mitrokhin, N. (2003), *Russkaya partiya: dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953–1985 gg.* [Russian party: movement of Russian nationalists in the USSR. 1953–1985], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 624 p.

Nepluev, P. A. (2022). "Publichnaya istoriya «po-sovetski». Regional'nyye otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury: «byurokraticheskiye pravila igry» i istoriko-kul'turnyy aktivizm" [Public History "in the Soviet Way". Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: "Bureaucratic Rules of the Game" and Historical and Cultural Activism]. *Vestnik Perm. un-ta. Istoriya*, № 3(58), pp. 79–93.

Orlov, G.P. (1969). *Kul'tura svobodnogo vremeni* [Culture of Free Time]. Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing House, 79 p.

Orlov, G.P., & G.E. Zborovsky (1964). *Traktovka svobodnogo vremeni v burzhuaznoy «sotsiologii dosuga»* [Interpretation of free time in the bourgeois "sociology of leisure"]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. № 6, pp. 119–126.

Tsukanov, I.P. (2007). *Istoriya poiskovogo dvizheniya v Rossii v kontse XX - nachale XXI veka : na materialakh Kurskoy oblasti : avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02 Kursk, 2007. 26 s* [The history of the search movement in Russia at the end of the 20th - the beginning of the 21st century: based on the materials of the Kursk region: Abstract of the thesis. ... candidate of historical sciences: 07.00.02]. Kursk. 26 p.

Tsukanov, I.P. (2014). "Osnovnye napravleniya deyatelnosti obshchestvennosti Chernozem'ya po sokhraneniyu istoricheskoi pamyati o Velikoi Otechestvennoy voine v 40-80-e gg. XX v." [The main activities of the public of the Chernozem region to preserve the historical memory of the Great Patriotic War in the 40-80s. 20th century]. *Klio*. № 12, pp. 54-57.

Usykin, G.S. (2000). *Ocherki istorii rossiyskogo turizma*. [Essays on the history of Russian tourism]. SPb, Gerda, 224 p.

Veinmeister, A.V. & Yu.V. Grigoreva (2020). "Tradicii prazdnovaniya dnya pobedy" [Traditions of Victory Day celebration], in V.M. Dobroshtan, S.I. Bugashev, A.S. Minin, T.V. Rabush (eds.), *Vojna i mir v Otechestvennoy i mirovoj istorii* (SanktPeterburg, 27 marta 2020 goda), SPb, pp. 93–106.

Veselkova, N.V. & E.V. Pryamikova (2022). "Memorativnyi landschaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi" [Memorative Landscape of a Small City: Configurations and Layers]. *Etnograficheskoe obozrenie*, № 6, pp. 196–212.

Zborovsky, G.E. (2018). *Roman s sotsiologiyey dlinoyu boleye poluveka. Besedy Borisa Doktorova s Garol'dom Zborovskim* [A Novel with Sociology for More Than Half a Xentury. Conversations between Boris Doktorov and Harold Zborovsky]. Ekaterinburg, Humanitarian University, 333 p.

Zborovsky, G.E., & G.P. Orlov (1970). *Dosug: deystvitel'nost' i illyuzii : problemy svobodnogo vremeni v marksistkoy i burzhuaznoy sotsiologii* [Leisure: Reality and Illusions: Problems of Free Time in Marxist and Bourgeois Sociology]. Sverdlovsk, Middle Ural Book Publishing House, 230 p.

ВУЗОВСКИЕ ДРУЖИНЫ ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ 1970 – 1980-Х ГГ.: СТРАТЕГИЯ РАБОТЫ И СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕФОРМАЛОВ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЛИ БЁНЁБ

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-134-144

© Ли Б.

АННОТАЦИЯ

Вузовские дружины по охране природы, впервые появившиеся в 1960 г. в Москве, стали к 1970-м гг. распространенной формой участия советской молодежи в защите окружающей среды. Хотя до 1987 г. дружины оставались незаконными группами – условными «неформалами», необязательно противостоящими формальным общественным организациям, но существующими отдельно от них, с конца 1960-х гг. они успешно обесценивали себя фактическим признанием власти. Посредством установления отношений с официальными инстанциями природоохраны, такими как ВЛКСМ и Всероссийское общество охраны природы (ВООП), студенты могли проводить разные публичные мероприятия. В их функционал входило сохранение и проектирование заповедников и заказников, борьба с браконьерством. Подобная деятельность зачастую сопровождалась контактами с местной властью. Студенты, сплотившись вокруг московской дружины и под ее комсомольской эгидой, сформировали всесоюзное движение дружин, которое насчитывало к 1985 г. в своих рядах около 4000 участников и проводило регулярные конференции. Механизм использования дружинами ВООП советского общественно-политического строя представляет собой феномен истории позднесоветского общества.

Ключевые слова: охрана природы, дружины, студенчество, неформалы, Всероссийское общество охраны природы, ВООП, комсомол.

NATURE CONSERVATION DRUZHINY OF SOVIET UNIVERSITIES IN THE 1970S AND 1980S: ACTIVITIES AND SURVIVAL STRATEGIES FOR THE INFORMALS IN THE LATE SOVIET SOCIETY

Lee Byeongyeob

Lomonosov Moscow State University

Abstract.

Nature conservation druzhiny of soviet universities, which first appeared in Moscow in 1960, became by the 1970s a widespread organizational form for young men and women who hoped to contribute to saving the environment. Although these groups remained officially non-registered until the year 1987 – “informals” in a broader sense – they did not necessarily oppose the state or

state-affiliated public organizations, and successfully secured themselves with factual recognition of the latter. The university students could carry out various public activities by using their relationship with the institutions of state environmental protection, such as the Komsomol and VOOP. Their work included such missions as preservation and planning of nature reserves, campaign against poachers. These activities were often accompanied by contact with local administrations. Moreover, the students rallied around the Moscow druzhina and its Komsomol protection to form an all-union movement of like-minded student groups, which came to around 4,000 members working around the nation by 1985. The mechanism of utilizing soviet sociopolitical system demonstrated by the university druzhiny can be called a phenomenon peculiar to the late-soviet society.

Key words: nature protection, druzhina, students, informals, All-Russian Society for Nature Conservation (VOOP), Komsomol.

Природоохранное дело в СССР стало вновь привлекать внимание государства и общественности с 1950-х – 1960-х гг. По мере развития цивилизации, особенно современной, проблема разрушительного влияния человечества на окружающую среду становится все более актуальной. Советский Союз не был исключением, а ситуация резко обострилась, когда в стране был запущен процесс ускоренной индустриализации. В СССР имела своя традиция природоохраны, в том числе сеть заповедников и заказников, создававшихся с XIX в. усилиями научной интеллигенции, сообщавшей государству об ухудшающемся состоянии окружающей среды. Однако к периоду позднего сталинизма такие институты вместе с разнообразием флоры и фауны оказались под угрозой исчезновения.

Положение дел к началу 1950-х гг. характеризуют следующие примеры. Постановлением Совета Министров СССР от августа 1951 г. было упразднено 88 из 128 заповедников страны¹. Всероссийское общество охраны природы (ВООП), основанное в 1924 г., – крупнейшая общественная природоохранная организация, которая с середины 1930-х гг. существовала лишь номинально [Weiner, 1988, с. 226–227].

Усугубляющаяся экологическая ситуация вместе с частичной либерализацией общественно-политической жизни страны в 1950-е гг. послужила стимулом для советской научной и художественной интеллигенции снова проявлять заботу о родной природе. Для понимания характера вузовских дружин стоит вкратце отметить исторические предпосылки, приведшие к появлению инициативы студентов.

С одной стороны, власть после смерти И.В. Сталина стремилась показать населению намерение избавиться от перегибов сталинской поли-

¹ О заповедниках: Постановление Совета Министров СССР № 3192 от 29 августа 1951 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 474. Л. 116–132.

тики. Одним из способов являлось привлечение общественности к государственному управлению. Стала поощряться такая гражданская деятельность, как формирование Добровольных народных дружин по охране общественного порядка (ДНД), Студенческих строительных отрядов (ССО). Хотя подобные организации давно существовали – первые группы содействия милиции сформировались во второй половине 1920-х гг. [История советской милиции, 1977, с. 271], а ССО в 1959 г. [Никифорова, 2016, с. 127] – теперь они получали более системную поддержку, привлекая к себе значительное количество молодых людей. Касаемо защиты окружающей среды, в октябре 1960 г. был принят закон «Об охране природы в РСФСР», предусматривавший учреждение общественной инспекции охраны природы, определяя данную работу всенародным делом².

С другой стороны, в это время проявилось стремление граждан принимать участие в разрешении важных вопросов общественной жизни. Движущей силой данной тенденции была молодёжь. К 1962 г. в ДНД по стране состояло приблизительно 4 млн человек [Говоров, Ремнева, 2007, с. 30], а в строительных отрядах к середине 1960-х гг. принимали участие более 100 тыс. студентов [Никифорова, 2016, с. 127–128]. Другие группы, осознававшие несоответствие реалий и пропаганды, обратились к несанкционированным методам выражения своего недовольства. Встречи самодеятельных групп и кружков иногда превращались в более значимые мероприятия, как в случае публичного собрания «Маяк» – поэтических выступлений у памятника Маяковскому в Москве, где кроме чтения стихов молодёжь стала выражать свое мнение по разным вопросам советской жизни. Можно сказать, что молодое поколение конца 1950-х – начала 1960-х гг. искало новые пути общественного участия.

В это время в декабре 1960 г. на биолого-почвенном факультете Московского государственного университета была создана одна из первых студенческих дружин по охране природы (далее – ДОП МГУ)³. Студенты, вдохновлённые как формой работы ДНД и общественных охотничьих инспекторов, так и ощущением необходимости низового содействия сохранению окружающей среды, выступили с инициативой самостоятельной работы. Дружина МГУ сначала представляла собой небольшую группу в составе приблизительно 20 человек⁴ и в основном

² Об охране природы в РСФСР: Закон РСФСР от 27.10.1960. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5607.htm. (дата обращения: 22.05.2023).

³ 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодёжное движение в СССР. факты и документы 1960–1992 / под ред. С.Г. Мухачева и С.И. Забелина. Казань, 1992. С. 4.

⁴ 30 лет движения... С. 4.

занималась рейдами по задержанию браконьеров и незаконных торговцев елями в предновогоднее время. К концу 1960-х гг. московская дружина была почти единственной группой студентов, самостоятельно занимавшаяся природоохранной деятельностью.

С конца 1960-х гг. подобные вузовские дружины по охране природы постепенно стали появляться и в других регионах. Они действовали как самостоятельно, так и на основе опыта московских единомышленников. К 1969 г. ДОП действовали в семи городах СССР – Москве, Тарту, Ленинграде, Брянске, Томске, Харькове и Ереване⁵. К 1972 г. количество дружин увеличилось до 29⁶, а к 1975 г. – до 66 групп в 50 городах страны⁷. Дружины работали в тесном контакте друг с другом, пытались развить общую программу действия. В 1986 г. в Советском Союзе существовало около 140 студенческих дружин с 4 000 человек в их рядах [Борейко, 2010, с. 10]. Период наибольшей активности студентов (1970–1980-е гг.) отмечен феноменом движения вузовских дружин.

В их жизни важное место занимали отношения с официальными инстанциями, в том числе ВЛКСМ, ВООП и руководством вузов самих дружинников. К 1986 г. существование ДОП не было регламентировано законодательно, но фактическое позиционирование дружин на различных публичных мероприятиях свидетельствует о том, что на определенном уровне они являлись признанными общественными объединениями. При советском политическом строе данное положение было бы невозможно без протекции формальных институтов. Поэтому отношения с ВЛКСМ и ВООП, осуществлявшими контроль в делах молодёжи и в сфере охраны природы, не могли не влиять на работу дружин. Обучение членов ДОП в вузах тоже могло служить своеобразным оправданием для «научно-практической работы». Будучи связанными с тремя данными институтами, студенты-дружинники обеспечивали своей деятельности фактическую легализацию, определенный общественный авторитет и политическую безопасность.

Для установления данного принципа взаимодействия дружин с внешними организациями потребовалось некоторое время. Судя по информации о раннем периоде существования первой московской дружины, деятельность студентов до середины 1960-х гг. не получала признания официальных инстанций.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Графова Л. «Выстрел» в защиту природы // Комсомольская правда. 1977. 14 июля. С. 2.

В сборнике бывших дружинников «30 лет движения» говорится, что с первых лет своей истории московская дружина работала вне связи с комитетом ВЛКСМ, хотя ее основатели являлись комсомольцами⁸. Лишь в 1963 г. состоялось заседание партбюро биолого-почвенного факультета МГУ, где была одобрена деятельность дружины. В декабре 1965 г. на заседании московского городского совета ВООП (далее – МГООП) обсуждалось событие, когда «неизвестная им молодёжная дружина» столкнулась с работниками организации при инспекции птичьего рынка. На заседании также были рассмотрены санкции против членов ВООП, вступивших в студенческую дружину⁹.

Примерно с 1965 г. после ряда подобных случаев участники студенческой дружины стали активнее поддерживать связь с руководящими органами на разных уровнях. Предполагается, что студенты самостоятельно осознали необходимость наладить отношения с официальными институтами для дальнейшего развития своей деятельности.

Об изменении положения ДОП в природоохранной системе СССР свидетельствуют различные факты. В марте 1966 г. студенческой дружиной МГУ под эгидой ЦК ВЛКСМ была организована конференция по вопросу защиты кедровых лесов Горного Алтая, в которой приняли участие порядка 350 представителей государственных и научных учреждений. Среди участвовавших организаций были такие влиятельные, как Главное управление охотничьего хозяйства Министерства сельского хозяйства СССР, Министерство лесной целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР, ЦС ВООП, АН СССР¹⁰. В документах МГООП от 1969 г. – через четыре года после инцидента с «неизвестной дружиной» – отмечено, что независимая от ВООП дружина оказывает большую помощь Обществу, проводя совместную лекторскую работу в школах города¹¹. В 1972 г., когда в Москве состоялась первая большая конференция студенческих дружин из 22 городов страны, на ней присутствовали представители ЦК ВЛКСМ и ряда других организаций, связанных с охраной природы¹².

Положение ДОП в советском обществе 1970–1980-х гг. можно назвать полуофициальным статусом. Дружины формально подчинялись ЦК ВЛКСМ и Центральному совету ВООП, квалифицируя себя как их «пер-

⁸ 30 лет движения. С. 7.

⁹ Протокол № 3 Общего собрания членов Совета Клуба охраны и привлечения певчих и декоративных птиц при МГООП. 15 декабря 1965 г. // ЦГАМ. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 134. Л. 40–42.

¹⁰ В Президиум XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 36. Д. 34. Л. 4.

¹¹ Отчет о работе Московского городского общества охраны природы ВООП за 1969 г. // ГАРФ. Ф. А-404. Оп. 1. Д. 1362. Л. 13.

¹² 30 лет движения... С. 41.

вичные организации». Руководство дружин использовало и официальные риторические формулировки (цитаты из материалов партийных и комсомольских съездов, речей В.И. Ленина, законодательных актов).

Так составленное в 1974 г. внутреннее Положение Дружины Московского университета гласило, что она находится в ведении бюро ВЛКСМ и ВООП¹³, в то же время бывшие дружинники постоянно вспоминают, что она имела фактически полную автономию¹⁴. Резолюция первого междружинного семинара 1972 г. начиналась следующими словами: «Большой заботой об охране природы... пронизаны решения XXIV съезда КПСС и IV сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва. Эти решения находят горячий отклик в широких массах трудящихся... Студенты с честью выполняют решения XVI съезда ВЛКСМ о том, что работа по охране природы должна быть одной из главных обязанностей комсомольцев»¹⁵. Подобная риторика имела место также в резолюциях последующих всесоюзных мероприятий дружин. В этих документах кроме материалов съездов КПСС и сессий ВС СССР фигурировали такие законодательные акты, как Конституция 1977 г. и Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы» от декабря 1972 г.¹⁶

С целью координации деятельности многочисленных ДОП в 1974 г. дружинниками была создана своя комсомольская организация – Молодёжный совет охраны природы при комитете ВЛКСМ МГУ (далее – МСОП). Как следует из названия, МСОП являлся комсомольской ячейкой. Согласно Положению об основании Молодёжного совета, он представлял собой научную общественную организацию Московского университета¹⁷. Впрочем, по данным архивных и опубликованных документов ВООП и дружин, МСОП был создан «на базе дружины по охране природы» вследствие обращения дружинников в ЦК ВЛКСМ в начале 1970-х гг. Совету было поручено организация и поддержание связи между вузами, сбор информации, обобщение накопленного студенческим движением опыта¹⁸. Организатор МСОП Святослав Забелин¹⁹

¹³ Надеждина Е., Линник В. Методические материалы по организации работы по охране природы. М., 1974. С. 21.

¹⁴ Письменное интервью с С.И. Забелиным от 9 марта 2023 г.; Устное интервью с А.В. Зименко от 9 мая 2023 г.; Письменное интервью с А.И. Воробьевым от 17 мая 2023 г.

¹⁵ 30 лет движения... С. 58.

¹⁶ 30 лет движения... С. 63, 68.

¹⁷ Методические материалы по организации работ по охране природы в Московском университете / под ред. А.Н. Матвеевой. М., 1977. С. 10.

¹⁸ 30 лет движения. С. 62; Отчет Московского городского совета о работе за 1975 г. // ГАРФ. Ф. А-404. Оп. 1. Д. 2405. Л. 44.

¹⁹ Письменное интервью с С.И. Забелиным от 09 марта 2023 г.

и иностранный очевидец, американский историк 1980-х гг. Барбара Янкар, констатируют, что Молодёжный совет имел фактически полную автономию [Janсар, 1987, с. 275–278].

Через платформы ВЛКСМ и ВООП на основании предоставленных Молодёжному совету прав студенты распространяли свой опыт, организуя совместные мероприятия дружин во всесоюзном масштабе. Это были, во-первых, регулярные междружинные конференции, на которых обсуждались и планировались программы природоохранной деятельности, а во-вторых, так называемые школы-семинары, включающие практические занятия с целью повышения квалификации дружинников. Посредством таких мероприятий вузовские дружины по охране природы с 1970-х гг. объединялись в общее движение.

Регулярные всесоюзные конференции проводились почти ежегодно в разных городах СССР либо под эгидой МСОП МГУ, либо местных отделений ВООП и ВЛКСМ. В Москве они состоялись в 1972, 1980 и 1986 г., конференции также проходили в Казани (1974, 1982), Кирове (1976), Перми (1977), Свердловске (1978, 1984), Воронеже (1979), Донецке (1983). На конференции в Казани присутствовали 130 делегатов из 39 вузов Советского Союза²⁰, а на московской конференции 1980 г. – около 150 гостей, представляющих не только дружины, но и другие государственные и общественные организации²¹. Зафиксированное в документах ЦК ВЛКСМ обсуждение 1976 г. дает понять, что эти всесоюзные собрания в 1970-х гг. стали неким «переломным моментом» для региональных дружин, которые были созданы только недавно²².

Впоследствии появились подобные Молодёжному совету организации на региональном уровне (Комиссия по охране природы Татарского ОК ВЛКСМ, Координационно-методический совет студенческих дружин при Президиуме Украинского ООП²³).

Укрепив свою позицию в советском обществе, вузовские ДОП в течение 1970–1980-х гг. проводили различные мероприятия по защите окружающей среды. ДОП видели свои задачи в сохранении и проектировании заповедников и заказников, обучении общественных инспекторов по

²⁰ 30 лет движения... С. 66.

²¹ Студенчество и охрана природы: материалы конференции, посвященной 20-летию Дружины биологического факультета МГУ по охране природы. 11–12 декабря 1980 года / под ред. К.В. Авиловой. М., 1982. С. 6.

²² Стенограмма VIII Всероссийского семинара по организации природоохранной работы среди молодежи // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 36. Д. 379. Л. 41.

²³ Студенческая дружина по охране природы: методическая разработка / сост. С.Г. Мухачев, О.Н. Туганова. Казань, 1983. С. 10; Организация и работа студенческих дружин по охране природы (методические рекомендации) / сост. А.П. Кронеев, О.Ф. Головач, А.М. Крылов и др. Киев, 1985.

борьбе с браконьерством, публикациях в СМИ, выступлениях в школах и ПТУ. Под эти цели дружинам оказывалась материальная и организационная поддержка со стороны ВЛКСМ, ВООП и вузов, а также с местной властью и институтами АН СССР.

Защита и создание особо охраняемых территорий – типичная работа вузовских дружин 1970–1980-х гг., свидетельствующая не только об их высоком научно-профессиональном уровне, но и о продуктивном сотрудничестве студентов с другими институтами советского общества.

Были составлены программы действий, в том числе «Фауна», утверждённая в 1977 г. на конференции в Перми. Документ описывал весь процесс научно-исследовательской работы от обследования природных территорий до этапа продвижения законодательной инициативы через местные ООП и Советы народных депутатов²⁴.

Объединённый отряд в составе представителей 13 дружин, в том числе Казанской, Пермской, Харьковской и Кировской, в одном только 1978 г. обследовал 15 охраняемых природных территорий Советского Союза. В разных регионах, в том числе в Саяно-Шушенском заповеднике Краснодарского края и в Баргузинском заповеднике Бурятской АССР, были проведены учёт находящихся под угрозой исчезновения животных, ботаническое картирование, пресечение нарушений заповедного режима. Дружинниками было задержано больше 1300 нарушителей²⁵.

Московской дружиной тоже проводились регулярные экспедиции, географические рамки которых были достаточно широки. Студенты ездили по территории Московской области, посещали Прибайкалье, Киргизскую и Таджикскую ССР, Северный Кавказ и даже Камчатский край²⁶.

Экспедиции организовывались самостоятельно и с помощью местных природоохранных органов. Летом 1973 г. Центральным советом ВООП Дружине Московского университета были выделены средства в размере 1688 руб. для комплексного исследования воздействия рекреационных мероприятий граждан на экологию Московской области²⁷, а в 1983 г. – 500 руб. для участия в исследовании территории музея-заповедника «Коломенское»²⁸. В первой половине 1980-х гг. по договору с

²⁴ Направление и методы работы по программе «Фауна» / отв. ред. К.Н. Благосклонова, В.А. Зубакина. М., 1983. С. 6–19.

²⁵ Бляхер М., Тырлышкин В. Студенческий отряд «Заповедники» // Охота и охотничье хозяйство. 1979. № 7. С. 10.

²⁶ Устное интервью с А.В. Зименко от 09 мая 2023 г.; Кавтарадзе К. Умейте отдыхать // Комсомольская правда. 1973. 9 июня. С. 2; Чижова В., Видакова Г. Леса из грецкого ореха // Московский университет. 1978. 29 октября. С. 4; Жевелева Е. Контрасты Цейского ущелья // Московский университет. 1980. 5 марта. С. 4; Жоров А. Будет национальный парк // Московский университет. 1981. 10 ноября. С. 4.

²⁷ Протокол № 8 Заседания Президиума Совета МГООП. 20 июня 1973 г. // ЦГАМ. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 331. Л. 160.

²⁸ Протокол № 1 заседания Президиума Совета МГООП от 27 января 1983 г. // ЦГАМ. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 560. Л. 7.

Архангельским обкомом ВЛКСМ и Соловецким музеем-заповедником дружинники изучали флору и фауну на территории заказника и прилегающего участка Белого моря²⁹.

Интерес для исследователей представляет работа по созданию новых охраняемых территорий. Учреждение заказников согласно типовому положению 1981 г. было в компетенции местных Советов народных депутатов, что упростило процесс узаконения³⁰. Как вспоминают бывшие дружинники Н.А. Соболев и Е.Д. Краснова, ДОП МГУ могла через местное ООП посредством «своих людей» среди штатных работников или выпускников Дружины, работающих в ВООП, оформить и выдвинуть в исполкомы Советов народных депутатов свои предложения по созданию заказников³¹. В исследуемый период студентами-дружинниками СССР ежегодно создавалось 10–15 ООПТ [Борейко, 2010, с. 10], а лишь одной Московской дружиной к 1985 г. было учреждено 22 заказника в Московской области³².

Один из примеров – заказник «Журавлиная родина», созданный в Талдомском районе Московской области решением Исполкома Московского областного Совета народных депутатов от 1979 г. Около года дружинники работали над проектом заказника, составляя его положение (паспорт), определяющее все детали охранного режима, проводя переговоры с производственными и прочими учреждениями, использующими эту территорию³³. В результате был организован комплексный заказник, призванный не только серых журавлей, но и такие виды фауны, как бобры, беркуты, веретенники и кроншнепы, а также сам болотный массив³⁴.

В заключение подчеркнем, что с 1986 г. в жизни вузовских дружин наступила новая эпоха. Перемены в политической системе СССР, произошедшие в период перестройки, не могли не повлиять на положение ДОП в советском обществе. Когда ослабился идеологический контроль партийной власти и появилось больше возможностей для публичных выступлений граждан, студентам уже не требовалось соблюдать прежние «правила игры», чтобы вести природоохранную деятельность.

²⁹ Вехов В. Начало работы // Московский университет. 1983. 27 декабря. С. 4.

³⁰ Студенчество и охрана природы: материалы конференции, посвященной 20-летию Дружины. С. 80.

³¹ Помнишь, как это было?.. (сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ) / сост. А.В. Иванов. М., 2011. Т. 1. С. 95–96, 117.

³² Ильина Т. Не ожидая похвалы // Природа и человек. 1985. № 11. С. 54.

³³ Кавтарадзе Д. Журавлиная родина // Литературная газета. 1979. 28 ноября. С. 12.

³⁴ Об организации видового /журавлиного/ заказника «Журавлиная родина» в Талдомском районе: решение Исполнительного комитета Московского областного совета народных депутатов № 1109 от 07.09.1979 // ЦГА-МО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 10135. Л. 145–164.

В советском обществе постепенно возникли другие общественные формирования, привлекая в свои ряды более широкие массы населения. Студенты стали вступать в такие организации, как Социально-экологический Союз, партия «Зеленых», минуя дружины. Количество участников вузовских ДОП значительно уменьшилось, хотя эти объединения ещё существуют и продолжают работать в регионах, теперь они не являются стержнем самостоятельного общественного движения по охране природы, которым являлись в СССР до 1985 г.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что деятельность вузовских дружин по охране природы в качестве неформальных объединений граждан была обусловлена общественно-политическим укладом советского общества 1970–1980-х гг. и адаптирована к нему. Дружинники четко осознавали границы пространства своих возможных действий. Посредством формального подчинения и символических жестов они смогли убедить официальные органы природоохранны в пользу своей деятельности и ее политической нейтральности. Благодаря налаженным взаимоотношениям с ВЛКСМ, ВООП, своими единомышленниками, студенты проводили различные мероприятия по защите окружающей среды, в том числе работу, обычно входящую в функционал государства. Таким образом, студенты могли внести свой вклад в развитие советского природоохранного дела как на местном, так и на общегосударственном уровне. Стратегия существования и работы вузовских дружин представляет собой феномен истории позднесоветского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борейко В.Е. Критический взгляд на Движение ДОП и его эволюцию // Охрана дикой природы. 2010. № 1(39). С. 10–11.
- Говоров И.В., Ремнева С.В. Из истории развития общественных формирований по содействию органам милиции в СССР в 20–80-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4(36). С. 25–31.
- История советской милиции / под ред. Л.И. Лобачева. М., Т. 1. 1977.
- Никифорова Э.А. История студенческих отрядов: к постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 127–130.
- Jancar B. Environmental Management in the Soviet Union and Yugoslavia. Structural and Regulation in Federal Communist States. Durham: Duke University Press, 1987.
- Weiner D. Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington: Cambridge University Press, 1988.

REFERENCES

- Boreiko V.E. Kriticheskiy vzgliad na Dvizhenie DOP i ego evoliutsiiu. Okhrana dikoi prirody 1, no. 39 (2010), pp.10–11.
- Govorov I.V., Remneva S.V. Iz istorii razvitiia obshchestvennykh formirovaniy po sodeistviuiu organam militsii v SSSR v 20–80-e gody. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii

No. 4 , vol. 36 (2007), pp. 25–31.

Jancar B. Environmental Management in the Soviet Union and Yugoslavia. Structural and Regulation in Federal Communist States. Durham: Duke University Press, 1987.

Lobacheva L.I. ed. Istoriiia sovetskoi militsii. Vol. 1. Moscow, 1977.

Nikoforova E.A. Istoriiia studencheskikh otriadov: k postanovke voprosa. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 406 (2016), pp. 127–130.

Weiner D. Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington: Cambridge University Press, 1988.

**ТВОРЧЕСКИЕ
ПРОФЕССИИ
И ЗАНЯТИЯ В
ПОЗДНЕМ СССР:
БЮРОКРАТИЯ
И САМООРГА-
НИЗАЦИЯ**

АНСАМБЛЬ НАРОДНОГО ТАНЦА «САМОЦВЕТЫ» КАК МЕСТО ПАМЯТИ ЕГО (БЫВШИХ) УЧАСТНИКОВ

НАРСКИЙ ИГОРЬ
ВЛАДИМИРОВИЧ

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

Благодарности: исследование
выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 20-18-00342)

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-146-162

© Нарский И. В.

АННОТАЦИЯ

В этой статье на примере танцевального ансамбля челябинских тракторостроителей будет рассмотрен всесоюзный процесс освоения руководителями и участниками художественной самодеятельности государственного проекта, который, в свою очередь, был нацелен на огосударствление их досуга. С привлечением концептов флюидного текста и культурной памяти самодеятельный ансамбль «Самоцветы» рассматривается как место памяти его участников. С этой целью в статье будут поочередно рассмотрены формы и содержание «парадных», аффирмативных воспоминаний о прошлых заслугах ансамбля и коммеморативные стратегии «проигравших», имена и заслуги которых не вошли в официальные тексты. Центральный тезис статьи состоит в том, что участники коллектива – и прославленные, и забытые нарративами о прошлом «Самоцветов» – в равной степени успешно осуществляли «приватизацию» государственного проекта художественной самодеятельности.

Ключевые слова: художественная самодеятельность, культурная память, место памяти.

FOLK DANCE ENSEMBLE "SAMOTSVETY" AS A PLACE OF MEMORY OF ITS (FORMER) PARTICIPANTS

Igor V. Narsky
Perm State University

Abstract.

This article uses the example of the Chelyabinsk Tractor Plant dance ensemble to examine the Union-wide process of appropriation of the state project by the leaders and participants of amateur art activities, which in turn aimed at de-nationalization of their leisure time. Using the concepts of the fluid text and cultural memory, the Samotsvety amateur ensemble is considered as a site of memory for its participants. To this end, the forms and contents of affirmative memories of the ensemble's past victories and the memory strategies of the "losers," whose names and merits do not appear in the official texts, are examined in turn. The central thesis of the article is that both the "winners" and the "losers" in the narratives about the past of the "Samotsvety" were equally successful in "privatizing" the state project of artistic amateur dance.

Key words: artistic amateur art, cultural memory, place of memory.

Acknowledgments:

the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 20-18-00342).

Несколько слов о контексте, или почему «Самоцветы»?¹

Самодеятельный танцевальный ансамбль «Самоцветы» был основан в 1938 г. при Дворце культуры недавно построенного Челябинского тракторного завода. В 1960 г. ему было присвоено звание народного, а в 1971 г. по решению ВЦСПС ансамбль получил название «Самоцветы». В его репертуаре за советский период было около 200 танцев народов мира, хореографических композиций и спектаклей. В это время ансамбль гастролировал в Венгрии (1957, 1989), Японии (1960), ГДР (1969), на Кубе (1969), в Чехословакии (1971, 1973), Румынии (1977), США (1978), Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции (1983), был лауреатом фестиваля «Белые ночи» (Ленинград, 1965), X Рабочего фестиваля в Восточной Германии (1969), областной премии «Орленок», Всесоюзного смотра ЦК ВЛКСМ (1972). Ансамблем руководили Н.И. Иванова (1938–1948), Н.Н. Карташова (1948–1963), В.И. Бондарева (1963–1988), Ю.И. Основин (1988–2009) [Полетаева, 2006, с. 739]. Бондарева была преемницей Карташовой в самодеятельности Магнитогорска и Челябинска. Их отношения в течение десятилетий сопровождались подспудно тлевшим конфликтом, который оказал существенное влияние на коллективную память участников челябинской тракторозаводской танцевальной самодеятельности.

Почему в качестве кейса для исторического исследования советской танцевальной самодеятельности выбран ансамбль танца ДК ЧТЗ «Самоцветы»? Во-первых, ансамбль танца был создан в период рождения советской самодеятельной хореографии сталинского образца и успешно просуществовал весь советский период, принадлежа к числу наиболее известных. Он был на виду во всесоюзном масштабе. Его знали в столице, ему благоволили высокопоставленные чиновники и ведущие хореографы. Его руководители награждались высшими государственными наградами и почетными званиями.

Во-вторых, ансамбль считался одной из визитных карточек процветавшего в советское время Челябинского тракторного завода, который не скупился на его содержание и гастрольную деятельность. У танцоров ЧТЗ были лучшие в городе балетмейстеры и сценические костюмы. Ни один из челябинских самодеятельных танцевальных коллективов не мог позволить себе такого количества постановок и программ. Никто из челябинских танцоров не ездил так часто на гастроли в столицу, по стране и за рубеж. На последнее обстоятельство стоит обратить особое

¹ Этот текст основан на завершенном и опубликованном исследовательском проекте [Нарский, 2018].

внимание: Челябинск с его обилием режимных предприятий в течение десятилетий был недоступен для зарубежного туризма и его жители редко выезжали за границу. Возможность путешествовать, в том числе в зарубежные страны, очень стимулировала желание попасть в столь успешный самодеятельный коллектив.

В-третьих, между 1936 и 1968 гг. в Челябинске сложилась образцовая сеть по обеспечению самодеятельности методической и кадровой поддержкой. Ее осуществляли областной дом народного творчества (1936), культурно-просветительское училище (1949, хореографическое отделение – с 1962 г.), театр оперы и балета (1956), государственный институт культуры (1968).

Все это позволяет рассматривать ансамбль танца ДК ЧТЗ как достаточно типичный для советской самодеятельной хореографии. Его особенность заключалась в его незаурядной успешности.

Ниже на примере танцевального ансамбля челябинских тракторостроителей будет рассмотрен всесоюзный процесс освоения руководителями и участниками самодеятельности государственного проекта, который, в свою очередь, был нацелен на огосударствление их досуга. С этой целью в статье будут поочередно рассмотрены формы и содержание «парадных», аффирмативных воспоминаний о прошлых достижениях и победах ансамбля, а также коммеморативные стратегии «проигравших», имена и заслуги которых не вошли в официальные тексты. Но прежде обратимся к некоторым источниковедческим и теоретическим проблемам.

Проблемы источников и теории

Прежде всего, необходимо упомянуть проблемы, с которыми встречается историк при изучении танца. Во-первых, несовершенство систем хореографической нотации создает ситуацию, в которой исследователь имеет дело не с полноценным танцем как сочетанием музыки, ритмичного движения и яркого зрелища, а с фантомными танцевальными следами.

Во-вторых, тексты о хореографах, танцах и танцорах отличаются большой вариативностью, вызывающей законную настороженность. В Новое время сложилось представление о наличии единственного (первоначального или итогового) оригинального текста, в котором содержится «правда». Отклонения от оригинала при такой концепции текста воспринимаются как результат небрежного копирования или злонамеренной фальсификации. В нашем случае более целесообразным видится отказ от поиска «оригинала» и опровержения информации копий. Такого оригинала не найти, поскольку его не существовало.

В вариативности описания одних и тех же хореографических событий, по моему убеждению, следует видеть, прежде всего, наличие живой устной традиции, в которой рассказы многократно повторялись участниками дискурса о художественной самодеятельности – хореографами, танцовщиками и журналистами. Кроме того, вариативность указывает на прикладной характер этих текстов, возникавших в разных контекстах и добросовестно приспособившихся к ним и практическим задачам. Поэтому в отношении текстов о танцах, их создателях и исполнителях вполне допустимо использование разработанных медиевистами терминов «открытые», «множественные», «вариативные», «флюидные тексты», учитывающих неразрывность письменной и устной коммуникации, неопределенность авторства и прагматические задачи письменной фиксации информации [Strohschneider, 1997; Schenk, 2014]².

Проблемы источникового плана выводят нас на тему коллективной памяти и мест ее символического воплощения. Хотя память индивидуальна, то, как индивид «оглядывается на прошлое» и что он там видит, зависит от культуры и времени, к которым он принадлежит. Конечно, ни общество, ни одна из его групп не являются гомогенными. Сегодня, зная, что класс, нация и поколение являются воображаемыми сообществами, абсурдно искать единую коллективную память у какой-либо из этих групп.

Однако есть статистически осязаемые группы, члены которых длительно находятся в интенсивном личном контакте, занимаются общим делом и проводят вместе преобладающую часть времени – и часто готовы проводить еще больше. Следовательно, их объединяют совместно пережитые события, неоднократно обсужденные и потому совместно усвоенные, превращенные в общий опыт и общие воспоминания.

Наряду со счастливой семьей, неразлучными друзьями или фанатичной религиозной сектой к таким объективно существующим группам можно отнести и (в прошлом) успешный и прочный любительский коллектив. Он цементирует общее прошлое и прокладывает его внешнюю границу, заботится о поддержании стабильной идентичности его членов, убедительной для них самих.

Роль этих функций становится экзистенциально важной, если возникают угрозы существованию коллектива. Коммуникация о прошлом стала вопросом жизни и смерти для бывших советских самодеятельных танцоров, когда стабильному государственному проекту самодее-

² Автор благодарит Т.М. Бука за предоставленную информацию об интерпретации средневековых текстов в современной медиевистике, особенно в германистике.

ятельного творчества вместе с СССР пришел внезапный конец. Противопоставление «плохого» настоящего «хорошему» прошлому стало стратегией выживания, сохранения надежды и проявления несогласия. Коллективная память стала способом «выживания вида», в буквальном смысле альтернативой генетической памяти животного. В свою очередь, разрыв с прошлым является ведущей причиной в формировании «мест памяти», в ностальгическом желании заместить безвозвратно прошедшее время местом [Нора, 1999].

Ниже, в большей степени для удобства упорядочения материала, чем для его интерпретации, мы воспользуемся предложенным Яном Ассманом разделением коллективной памяти на коммуникативную и культурную. Первая из них является биографическим воспоминанием современников, слабо оформленным, поддерживаемым повседневной коммуникацией индивидов, и исчезает вместе с их уходом из жизни. Культурная память, напротив, удерживает лишь наиболее значимое прошлое, которое позволяет ориентироваться в этом мире, и поэтому обладает нормативной силой. Культурная память, в отличие от коммуникативной, является значительно более организованной и оформленной, она находит отражение в церемониальном, праздничном действе и имеет специальных носителей и хранителей [Ассман, 2004, с. 50–59].

Главным специализированным носителем нормативного прошлого в нашем случае является зафиксированный письменный текст, живой памяти – устная коммуникация. Коллективная память участников ансамбля «Самоцветы» построена на столкновении двух типов памяти – культурной и коммуникативной. Многочисленные тексты руководителя ансамбля в 1948–1963 гг. Н.Н. Карташовой и ее супруга – известного журналиста Р.Ф. Шнейвайса – поддерживали память официальную, парадную. Устные кулуарные воспоминания преемницы Карташовой – В.И. Бондаревой – и ее учеников представляют собой своевременно не продемонстрированную и запоздалую оппозицию широко распространенным письменным. Они выражают несогласие проигравших. К механизмам коллективного обращения к прошлому относятся также юбилеи и другие формы церемониальной коммуникации, а также создание, сохранение и инструментализация предметов, наделяемых статусом реликвии.

Аффирмативная коммеморация руководителей и участников «Самоцветов»

Церемония, направленная на коллективное воспоминание, – юбилей, впервые была использована в ансамбле «Самоцветы» довольно поздно

– в 1988 г., в связи с его 50-летием. Его готовили заранее и праздновали три дня. В первый день была камерная, «для своих», встреча всех поколений ансамбля. Собравшиеся славили заслуги руководителей, предавались воспоминаниям о наиболее значимых событиях – гастрольных выступлениях, победах в конкурсах. Это было своеобразной репетицией общепринятого, приемлемого для всех нарратива об ансамбле. Второй вечер был посвящен отчетному концерту ансамбля. Третий – поздравлениям со стороны многочисленных гостей³.

Ю.И. Основин, сменивший во второй половине 1980-х гг. В.И. Бондареву на посту руководителя «Самоцветов», принял самое живое участие в организации юбилея⁴. В устном рассказе Ю.И. Основина упоминается и банкет, который был устроен после концерта. Здесь собрались не только «карташовцы» и «бондаревцы», но и несколько оставшихся в живых «ивановцев». Банкет превратился в импровизированный вечер воспоминаний: «Столько было рассказов, столько было воспоминаний»⁵.

Празднование 50-летия ансамбля создало канву для его последующих юбилеев. Торжество, посвященное 70-летию коллектива, состоялось 29 мая 2009 г. Как и положено церемониальному действию, оно имело устойчивую структуру и соблюдало традицию. Праздник включал поздравления, награждение губернаторскими грамотами, благодарственными письмами депутатов Законодательного собрания области, знаками отличия ЧТЗ, более чем двухчасовой концерт юбиляров, эпический рассказ о танцевальных династиях в сопровождении фотографий на большом киноэкране, «танцевальные подарки» коллег «Самоцветов». Концерт завершился праздничным фейерверком⁶.

Этот юбилей был типичным ритуалом увековечивания памяти. На нем вспоминали об успехах всеми возможными способами, включая «память мышц». За поздравлениями шел концерт виновников торжества, за ним – подарки гостей. Единственной приметой новых времен был салют, в советское время допустимый только на главных государственных праздниках.

Юбилей – церемония поминовения, ритуал подтверждения целостности празднующего сообщества и укрепления идентичности ее членов. Поэтому юбилейное торжество – это место ритуальной демонстрации учениками своих успехов, выражения публичной благодарности и пре-

³ «Самоцветам» – пятьдесят // Музей ЧТЗ. Незарегистрированная папка Л.В. Авсянниковой.

⁴ Интервью автора с Ю.И. Основиним. 21.11.2010. 46:10.

⁵ Интервью автора с Ю.И. Основиним. 21.11.2010. 43:50.

⁶ Асылгериева Ю. Фейерверк «Самоцветов» // Челябинский трактор. 2009. 5 июня. С. 10. (Праздник был заснят. Запись сохранилась у участников юбилея).

данности учителю. В репортаже о 70-лети «Самоцветов» приводилось количество вышедших из ансамбля успешных хореографов: «25 заслуженных работников культуры, пять народных артистов, два профессора хореографии, десять профессиональных хореографов»⁷.

В статье, опубликованной в челябинской газете в 1987 г. и посвященной 75-летию Н.Н. Карташовой, также перечислялись достижения ее учеников, собравшихся пятью годами ранее, в 1982 г., в Магнитогорске на юбилее ремесленного училища № 13 и помнивших о той, кому они были обязаны своими успехами⁸. В другой статье, также посвященной 75-летию Н.Н. Карташовой, благодарная память участников самодеятельности и зрителей ставится выше государственных наград⁹.

Между тем и государственные награды, и высокие звания служили процессу обращения к прошлому, причем в двойном смысле: они закрепляли накопленные заслуги и сами, в свою очередь, служили основанием для того, чтобы с гордостью оглянуться в былое.

Триумфальным был для Н.Н. Карташовой рубеж 1950–60-х гг. Она была осыпана наградами – первая из руководителей художественной самодеятельности в Челябинске. В 1958 г. Карташова была награждена орденом Трудового Красного Знамени. В 1959 г. ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, затем ее имя было занесено в Книгу почета города Челябинск¹⁰. Н.Н. Карташова пребывала на пике известности всесоюзного масштаба. В новогоднем (1960) номере журнала «Художественная самодеятельность» дружеский шарж на нее в исполнении художника И. Игина и поэта М. Пустынина красовался в центре страницы, окруженный шаржами на четверых мужчин – известных деятелей искусства:

«Жар-птицею над городами
Весть о Челябинске летит:
Не только славен тракторами,
– И танцами он знаменит.

Пленяет взоры танец новый
– Здесь труд и сердце Карташовой,
Ее энергиею жив
Ей благодарный коллектив»¹¹.

⁷ Там же.

⁸ Федорова Л. Чтобы повториться в учениках // Вечерний Челябинск. 1987. 29 авг. С. 3.

⁹ Вайнштейн Л. Неповторимость таланта: к 75-летию Н.Н. Карташовой // Вечерний Челябинск. 1987. 28 авг. С. 3.

¹⁰ Карташов Н. Натали-Я. Челябинск, 1996. С. 57–59.

¹¹ Пустынин М., Игин И. Новогодние дружеские шаржи // Художественная самодеятельность. 1960. № 1. С. 62.

Ее ученики обожали ее и гордились ею: «Мы были горды, когда Карташовой было присвоено звание “заслуженный деятель искусств РСФСР”», – вспоминает В.П. Карачинцев¹².

Однако вскоре, не достигнув пенсионного возраста, Н.Н. Карташова из-за конфликта с руководством дворца культуры, посчитавшего ее хореографический стиль устаревшим, покинула «ей благодарный коллектив», вызвав у участников растерянность и глухое сопротивление новому руководителю. Свидетельства ее успехов – награды, фото с важных выступлений и из знаковых поездок, памятные адреса и вырезки из газет – в этой ситуации изменили свое назначение. Они превратились в места памяти, в символические вехи автобиографических воспоминаний и внутреннюю опору. Некоторые из них, получив особую символическую нагрузку, стали реликвиями. Часть их была интегрирована в семейный интерьер, превратившись в своего рода музейные экспонаты.

Домашними реликвиями были полны жилища участников «Самоцветов». Были – потому что многих из них нет в живых. А с личными памятными предметами, не разобранными на память близкими, после смерти владельца происходит, к сожалению, примерно одно и то же – они завершают свой век на мусорной свалке. В редких случаях такие реликвии попадают в музейные коллекции или архивные собрания. Так случилось, например, с частью семейного архива Н.Н. Карташовой, переданного наследниками в музей ЧТЗ¹³. Теперь историк может воспользоваться тремя объемными папками с документами в качестве источников по истории ансамбля народного танца ДК ЧТЗ. Уезжая в 2013 г. в Канаду, передала в этот же музей часть домашнего архива семья Авсянниковых. Его отличает от собрания Карташовой отсутствие памятных адресов и поздравительных телеграмм, но в остальном их содержимое сходно: вырезки из газет, пропуска на кремлевские выступления, программки престижных концертов, подарочные буклеты из зарубежных поездок и бесчисленные фотографии.

С фотографий и рассказов вокруг фотографий начинались встречи автора статьи с В.И. Бондаревой, Ю.И. Основиним, В.П. Карачинцевым. Учитывая, что фотографическая практика, наряду с другими социальными функциями, является средством присвоения заснятой

¹² Карачинцев В. «Великий мастер народной хореографии» // Карташова Н.Н. Воспитание танцем. Заметки балетмейстера. 2-е изд., расш. и доп. М., 2009. С. 241.

¹³ См.: Архив музея ЧТЗ. Ф. ДП. 354. Личный фонд Н.Н. Карташовой.

действительности [Барт, 1997; Беньямин, 1996], можно констатировать: передислоцировав в домашнюю среду следы очевидной былой славы своего самодеятельного коллектива, неотъемлемой частью которого они себя представляли или представляют, бывшие участники советской художественной самодеятельности совершили символический акт «приватизации» грандиозного советского государственного проекта, превратив его в частное владение и знак личного жизненного успеха.

Наряду с общепринятыми механизмами обращения со славным прошлым культура памяти о «Самоцветах» располагает редким в среде самодеятельного творчества инструментом – Фондом развития народного танца имени Н.Н. Карташовой и Т.Н. Реус, заслуживающим отдельного упоминания. Фонд был создан в Челябинской области 26 января 2011 г. в память о Карташовой и ее дочери Реус. В состав правления фонда вошли руководители всероссийского и местного методических центров народного творчества и деятели культуры, в том числе ученицы Реус. Попечительский совет возглавила известный хореограф и теоретик танцевального искусства В.И. Уральская. Учредителем фонда стал сын Реус и внук Карташовой А.Г. Реус, сделавший за десятилетие начиная с конца 1990-х гг. блестящую столичную карьеру.

Внушительный кадровый, организационный и, вероятно, материальный ресурс, мобилизованный фондом, определил масштаб сформулированных программой фонда задач. Обращает на себя внимание, что большинство из них дублирует направления деятельности советских методических служб по поддержке самодеятельности. Его единственная оригинальная и, надо полагать, главная задача состоит в пропаганде наследия Карташовой и Реус¹⁴.

Любимое детище Фонда развития народного танца – Всероссийский фестиваль «Уральский перепляс», появившийся, правда, значительно раньше фонда¹⁵. Первоначально региональный – южно-уральский – фестиваль, где вручался приз имени Н.Н. Карташовой, возник еще при ее жизни. Неизвестно, принимала ли участие семья Карташовых – Реус в инициировании именного фонда, но в первый раз он прошел словно разыгранный по готовому сценарию: сопровождался непрерывными чествованиями матери и завершился победой дочери¹⁶. «Уральский

¹⁴ Информация о Фонде. URL: <http://www.pereplyas.ru/about/> (дата обращения: 13.11.2023)

¹⁵ Положение фестиваля «Уральский перепляс». URL: http://www.pereplyas.ru/festival_uralsty_pereplyas/festival_terms/ (дата обращения: 13.11.2023).

¹⁶ Карташов Н. Натали-Я... С. 63.

перепляс», приобретший всероссийский статус в 2008 г., и поныне – важный повод для воспоминаний о Карташовой и Реус¹⁷.

Память побежденных

Там, где есть победители, есть и побежденные. В тени пышных, торжественных мероприятий Фонда развития народного танца, посвященных Н.Н. Карташовой и Т.Н. Реус, неуютно чувствовала себя преемница Карташовой в танцевальных ансамблях магнитогорских металлургов и челябинских тракторостроителей В.И. Бондарева. В текстах и речах, сопровождавших Всероссийский фестиваль народного танца и прицельно чествовавших двух хореографов, по законам жанра не упоминалось о Бондаревой как балетмейстере нескольких карташовских постановок и бесконечного количества танцевальных номеров, прославивших «Самоцветы» в 1960–80-е гг. Даже ученики Бондаревой, принимавшие участие в церемониях памяти Карташовой, ее, скорее всего из тактических соображений, не упоминали.

Вере Ивановне это было понятно. Своим бывшим магнитогорским танцорам, принимавшим участие в «Уральском переплясе» и извинявшимся перед ней за это, она говорила: «...Не переживайте, что вы мне делаете больно. Каждый живет сейчас так, как ему заблагорассудится. И все, говорю, одеяло тянут на себя. Пока он живой, пока он у власти, он маму прославляет. Поэтому [если] вам возможно встретиться – встречайтесь, показывайтесь. Потому что других стимулов нет. Жизнь такая наступила»¹⁸.

Давно известно, что поиск традиции – это изобретение традиции [Hobsbawm, Ranger, 1983]. В.И. Бондарева была убеждена, что учредитель Фонда развития народного танца – хороший сын и внук, но в прославлении близких ему женщин много преувеличенного и несправедливого. В конце ноября 2010 г. во время личного разговора с автором статьи она жаловалась на вновь изданную книгу Н.Н. Карташовой «Воспитание танцем», которая разбередила старые обиды. «Сколько здесь живу – столько плачу». И с горечью добавила: «И мертвые меня бьют»¹⁹. Имя В.И. Бондаревой вошло в канон официальной коллективной памяти посмертно, будучи в мае 2013 г. присвоено ансамблю танца «Самоцветы».

¹⁷ Подведены итоги Всероссийского фестиваля «Уральский перепляс». URL: http://www.pereplyas.ru/events/2095/?phrase_id=20090 (дата обращения: 13.11.2023).

¹⁸ Интервью автора с В.И. Бондаревой. 14.02.2011. 4:08.

¹⁹ Дневник автора.

«Живая» память В.И. Бондаревой не соответствовала официальной культурной памяти и сопротивлялась ей. Первое интервью она завершила взволнованным рассказом о своем участии в создании сюиты «Этих дней не смолкнет слава», балетмейстером которой начиная с 1960-х гг. называлась исключительно Н.Н. Карташова. Культурная, в терминологии Я. Ассмана, память вступала в противоречие с коммуникативной, которая не желала подчиняться официальной парадигме «нормированных» воспоминаний о былых успехах народной хореографии на ЧТЗ. С проблемой забвения ее заслуг Бондарева сталкивалась то и дело. В 1960-е гг. она молча терпела попытки Карташовой влиять на репертуар коллектива и таким образом неформально управлять им после прихода нового руководителя. Но и позже она предпочитала публично не высказываться. После смерти Карташовой для воцерковленной Бондаревой ворошить прошлое с риском бросить тень на имя и образ покойника стало совершенно неприемлемым.

Но иногда возмущение несправедливым забвением спонтанно прорывалось. Так случилось, например, в 2001 г., когда администрация Челябинска издала городскую энциклопедию, включив в нее, помимо прочего, биографические статьи о знаменитых челябинцах. Статьи о В.И. Бондаревой – о первом в Челябинске заслуженном работнике культуры РСФСР (1969 г.) – в энциклопедии не оказалось. Это вызвало у нее бурную реакцию: «Меня нет! Все есть! А меня нет! [...] Когда я это узнала – пришла Дида²⁰ – я говорю: “А что вы делаете? Я же первая получила из этого... Если бы я не приехала к вам, я бы была деятель²¹, и я бы была в Магнитогорске. Что же вы меня... трактором по моей душе проходите?!”»²²

Лишь после этого начались звонки В.И. Бондаревой от составителей энциклопедии. В результате биографическая статья о ней вошла в энциклопедию «Челябинская область»²³.

Не имея каналов формирования и поддержания культурной памяти, сопоставимых с ресурсами семьи Карташовых – Реус, В.И. Бондарева и преданные ей ученики пользовались традиционным каналом коммуникативной памяти – устным общением, в процессе которого поддерживались общие воспоминания. В.И. Бондарева часто принимала в

²⁰ Н.А. Дида – бывший директор ДК ЧТЗ.

²¹ Руководство Дворца культуры Магнитогорского металлургического комбината незадолго до переезда В.И. Бондаревой в Челябинск начало ходатайствовать о присвоении ей звания «Заслуженного деятеля искусств РСФСР».

²² Интервью автора с В.И. Бондаревой. 04.01.2010. 3:27:40.

²³ Там же. 3:27:20 – 3:28:20.

гостях своих учеников из Магнитогорска и Челябинска, а в отсутствие визитов практиковала долгие телефонные разговоры. «Да вот мы с ней последний раз разговаривали 45 минут, что ли, – рассказывал Ю.И. Основин. – Все она вспоминает, как мы тут что делали»²⁴.

Среди воспоминаний о прошлом в художественной самодеятельности преобладают светлые и радостные, поддерживая необходимый для устойчивой идентичности проект удавшейся жизни. «Сейчас – только воспоминания, и очень приятные воспоминания. Очень приятные»²⁵. При этом память о конфликтах, неприятных или щекотливых ситуациях не поощряется: «Говорю: приятно все это. ...Воспоминания эти все, моей молодости, зрелости. Память осталась, конечно, только хорошая. Да, вроде у нас ничего такого не было...»²⁶.

Для биографической коммуникации могут использоваться и официальные коммеморативные поводы, например юбилеи, которые, как это было на 50-летию «Самоцветов», спонтанно перерастают в вечера воспоминаний. На вопрос о том, поддерживаются ли контакты между бывшими танцовщиками и танцовщицами ансамбля, Ю.И. Основин с энтузиазмом ответил: «Конечно! О-о-о! Всегда отчетный концерт. Вот у нас отчетный концерт раз в год делается. Все, которые танцевали там, – уже и бабушки (смеется), и дедушки, такие уже и под 80 лет – приходят в коллектив, смотрят отчетный... Да не только отчетный! ...Не только в “Самоцветы” там ходят, и на другие мероприятия. Вот Саша Авсянников, с ним уж я поддерживаю связи... По идее-то я со всеми поддерживаю связи»²⁷.

Помимо использования официальных коммеморативных практик и праздничных церемоний в качестве повода для неформальных встреч, несколько бывших танцоров «Самоцветов» спонтанно создали свой собственный ритуал, собираясь на дне рождения пропавшего друга. Вот что рассказал об этом Ю.И. Основин: «Да и старые танцоры приходят, вот, иногда. У нас друг пропал, Леня Тихомиров. У него день рождения был, он пошел за бутылочкой – и все, с концом. И мы до сих пор не знаем, или он живой, то есть ни труп, ничего... 12 февраля старики встречаются, отмечаем мы его день рождения. Потому что не знаем – живой или не живой. Следов, в общем, нету... Вот все мы встречаемся 12 февраля и его день рождения отмечаем»²⁸.

²⁴ Интервью автора с О.Ю. Основиним. 21.11.2010. 1:26:20.

²⁵ Там же. 41:30.

²⁶ Там же. 1:42:18.

²⁷ Там же. 42:00.

²⁸ Там же. 1:56:42.

Эта история потрясает экзистенциальной человеческой потребностью помнить – чтобы остаться в живых, сохранить себя и то, что сохранилось только в домашних альбомах и архивах, – свою молодость и советскую художественную самодеятельность. Помимо прочего, история о поминовении бесследно пропавшего друга кажется яркой и точной метафорой коллективной памяти о советской самодеятельной хореографии: ее вспоминают, потому что надеются, что она жива. Но не уверены в этом.

Как «огосударствление» досуга привело к «приватизации» государственного проекта

Красной нитью – изначально подспудно и менее заметно, а со временем все интенсивнее и очевиднее – историю советской (в том числе танцевальной) самодеятельности сопровождал процесс чрезвычайной важности. Он состоял в приспособлении государственного проекта к индивидуальным запросам участников самодеятельности, в замене одних – официальных – мотивов участия в нем другими – частными. Задуманная руководством страны с целью «огосударствления» свободного времени населения, самодеятельность в действительности оказалась освоена, «приватизирована» советскими гражданами. Они научились использовать государственные ресурсы, предоставленные для развития массового и коллективного художественного творчества во имя создания «нового человека», для удовлетворения личных интересов и для получения собственного удовольствия.

Начнем с того, что государство создавало для участников самодеятельной хореографии чрезвычайно широкую рамку действий, в которой они не чувствовали себя ограниченными, используемыми, обманутыми. Участие в самодеятельности позволяло проверить и развить свои способности, добиться признания и избежать социальной изоляции [Набеck, 2014].

Руководитель самодеятельного танцевального коллектива мог добиться успеха, не будучи профессиональным балетмейстером, – благодаря природной хореографической фантазии и железной дисциплине (В.И. Бондарева) или режиссерскому и актерскому мастерству (Н.Н. Карташова). Границы свободы творчества корректировались самоцензурой. Нужно было владеть «правильным» языком: языком советских коммунистов – в текстах (включая либретто), языком социалистического реализма (читай – драмбалета) – на сцене. Нужно было уметь заинтересовать участников во имя массовости – захватывающими рассказами в паузах между репетиционными занятиями и / или привлекательным для них репертуаром, добрым отношением в сочетании с требовательностью.

Об обширности пространства свободы руководителя самодеятельного коллектива свидетельствует то, что наиболее острые конфликты разворачивались не по вертикали – с начальством или участниками, а по горизонтали – между коллегами. Конкуренция, распределение власти, нарушение авторских прав были главными болевыми точками, а выход из конфликтов был своего рода учебным процессом. Его участники присматривались друг к другу и в ходе коммуникации приспосабливались к ситуации. Работа над ошибками давалась особенно трудно, а конфликт разрешался лишь после физического выбывания конкурента, если им оказывался человек из круга самых близких и, казалось, надежных коллег.

Рядовые участники самодеятельности, случалось, оказывались втянутыми в конфликты в исключительных ситуациях, как правило связанных со сменой руководителя. Об этих моментах они не помнят – или вспоминают неохотно. В их памяти годы участия в танцевальной самодеятельности фигурируют как счастливые годы под присмотром заботливой «второй мамы» в теплом и уютном «втором доме». И это не удивительно. Яркая сценическая жизнь, сказочно красивые костюмы и декорации, увлекательные поездки, в которые их направляли как полномочных «народных дипломатов» и достойных представителей страны, а по возвращении встречали цветами и вспышками фотокамер – все это действовало завораживающе и на неблагополучного в недавнем прошлом дворового подростка, и на рабочего, и на конструктора. Для них, привыкших к серому, унылому антуражу советского промышленного города, выступление на сцене было настоящим праздником. В те годы и в том месте – в самодеятельном ансамбле танца ДК ЧТЗ – они обретали друзей и заводили семьи. Они проводили в коллективе много времени и, если бы было возможно, проводили бы еще больше.

Все свидетельствует о том, что «счастливое время», о котором охотно вспоминают бывшие участники «Самоцветов», не является продуктом, постфактум созданным работой памяти во имя придания смысла прошлому. Современные исследования медиков, психологов и антропологов характеризуют танец как занятие, укрепляющее здоровье, продлевающее жизнь, улучшающее настроение, снимающее стрессы, излечивающее от застарелых психологических травм, развивающее интеллект, вырабатывающее навыки коллективизма, сопереживания и дисциплины – словом, улучшающее качество жизни. Танец интерпретируется как занятие, полностью захватывающее человека и являющееся вызовом для всех его интеллектуальных, эмоциональных и физических ресурсов, а потому более продуктивное, чем какой-либо из видов спорта [Bräuninger, 2006; Weickmann, 2012].

Помимо общих антропологических достоинств самодеятельный танец имел в советском контексте еще одно преимущество перед всеми видами спорта, за исключением парного фигурного катания. Занятие танцем предоставляло молодым людям чуть ли не единственную возможность много и тесно, в том числе телесно, общаться с представителями противоположного пола. Показательна первая реакция молодого человека²⁹, пришедшего в «Самоцветы»: «Пришел. Коллективщице здоровый, девчонки красивые!»³⁰.

Можно с уверенностью констатировать, что государственный проект танцевальной художественной самодеятельности был успешен. Намерение государства «осчастливить население культурой» совпало с благодарной реакцией участников. Государство желало контролировать формирование «правильной» идентичности и массовый досуг, иметь под рукой мощный инструмент пропаганды советских достижений. Участники самодеятельности желали и могли с ее помощью профессионально и лично реализовать себя, расцветить жизнь праздничными красками, обрести настоящую дружбу и любовь, сценический и жизненный успех, создать круг интересного общения, путешествовать по миру.

Таким образом, участие в самодеятельности стало важной частью жизни и идентичности. Настолько существенной, что, когда Советского Союза не стало, а новая власть, новые владельцы предприятия, новая заводская администрация и профсоюзная бюрократия сочли поддержку дворцов культуры в прежнем объеме непозволительной роскошью, многие бывшие руководители и участники самодеятельного художественного творчества подхватили этот проект. Они приспособили его как могли к рыночным условиям, адаптировались к ним сами. Превратив самодеятельность по окончании советского проекта в дело своей жизни, они не только спасли ее от гибели, но и фактически второй раз присвоили ее.

Но и те, кто связал свою жизнь с советской по происхождению любительской хореографией после гибели СССР, и те, кто по той или иной причине расстался с ней, совершили еще один акт «приватизации». Они передислоцировали ее «следы» – фотографии, награды, программы концертов – в домашний интерьер, превратив их в повод для воспоминаний, для общения со старыми друзьями и товарищами по танцевальному коллективу и в кругу семьи, зачастую сложившейся там же – в ансамбле народного танца «Самоцветы». Пусть не сценический

²⁹ Это был Леонид Тихомиров, впоследствии пропавший без вести.

³⁰ Мишутин А.А. «Самоцветы» – это Верушка... С. 7.

успех и не танец, но память о жизни в танце продлевает им жизнь, защищает от неуютного настоящего, улучшает настроение, дает пищу уму и уверенность в том, что жизнь удалась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
- Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 2011. 267 с.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе. М.: Медиум, 1996. 239 с.
- Нарский И. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодеятельности. М.: НЛО, 2018. 752 с.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Полетаева Н.В. «Самоцветы» // Челябинская область: Энциклопедия / под ред. К.Н. Бочкарева. Челябинск: Каменный пояс, 2006. Т. 5. С. 739.
- Bräuninger I. Tanztherapie. Verbesserung der Lebensqualität und Stressbewältigung (Diss.). Tübingen: BoD – Books on Demand, 2006. 180 S.
- Invention of Tradition / Eric Hobsbawm, Terence Ranger (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. press, 1983. 320 p.
- Habeck J.O. Das Kulturhaus in Russland. Postsozialistische Kulturarbeit zwischen Ideal und Verwahrlosung. Bielefeld: Bielefeld: Transcript Verlag, 2014. 342 S.
- Schenk G.J. Die Lesbarkeit von Zeichen der Macht und die Grenzen der Macht von Zeichen auf dem Konstanzer Konsil am Beispiel des Einzugs Papst Johannes' XXIII. (1414) // G. Signori, B. Studt (Hg.) Konstanzer Konsilals – europäisches Ereignis. Begegnungen, Medien, Rituale. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2014. S. 255–304.
- Strohschneider P. Situation des Textes. Okkasionale Betrachtungen zur „New Philology“ // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1997. № 116. S. 62–86.
- Weickmann D. Tanz. Die Muttersprache des Menschen. München: Kindle Edition, 2012. 230 S.

REFERENCES

- Assmann J. (2004) Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnist' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory: writing, past memory and political identity in the high cultures of antiquity], Yazyki slavyanskoj kultury, Moscow, 363 p.
- Barthes R. (2011) Camera lucida. Kommentarij k fotografii [Camera lucida. Photo comment], Ad Marginem, Moscow, 267 p.
- Benjamin W. (1996) Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnicheckoj vosproizvodimosti: izbrannyye jesse [The Work of Art in the Age of its Technical Reproducibility: Selected Essays], Medium, Moscow, 239 p.
- Bräuninger I. (2006) Tanztherapie. Verbesserung der Lebensqualität und Stressbewältigung (Diss.), BoD–Books on Demand, Tübingen, 180 S.
- (1983) Invention of Tradition / Eric Hobsbawm, Terence Ranger (eds.). Cambridge Univ. press, Cambridge, 320 p.
- Habeck J. O. (2014) Das Kulturhaus in Russland. Postsozialistische Kulturarbeit zwischen Ideal und Verwahrlosung, Transcript Verlag, Bielefeld, 342 S.
- Narskii I. (2018) Kak partiya narod tancevat' uchila, kak baletmejstery ej pomogali i chto iz jetogo vyshlo: Kul'turnaya istoriya sovetsoj tanceval'noj samodeyatel'nosti [How the Party taught people to dance, how ballet masters helped her and what came out of it: Cultural History of Soviet amateur dancing], NLO, Moscow, 752 p.

- Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [The problematisation of places of memory], Franciya-pamyat' [France-memory] / P. Nora, et all (eds.), University St. Petersburg, St. Petersburg, pp. 17–50.
- Poletaeva N.V. (2006) «Samotsvety» [Gemstones], Chelyabinskaya oblast': Jencyklopediya [Chelyabinsk region: Encyclopaedia] / K.N. Bochkarev (ed.), Kamennyj Poyas, Chelyabinsk, Vol. 5, p. 739.
- Schenk G. J. (2014) Die Lesbarkeit von Zeichen der Macht und die Grenzen der Macht von Zeichen auf dem Konstanzer Konzil am Beispiel des Einzugs Papst Jochannes' XXIII. (1414) // G. Signori, B. Studt ((Hg.) Konstanzer Konzils – europäisches Ereignis. Begegnungen, Medien, Rituale. Jan Thorbecke Verlag, Ostfildern, S. 255 – 304.
- Strohschneider P. (1997) Situation des Textes. Okkasionale Betrachtungen zur „New Philology“ // Zeitschrift für deutsche Philologie, № 116, S. 62 – 86.
- Weickmann D. (2012) Tanz. Die Muttersprache des Menschen. Kindle Edition, München, 230 S.

КАК ЭТО БЫЛО ДО РУБИНШТЕЙНА, 13: НИЗОВЫЕ ПРАКТИКИ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ РОК-МУЗЫКАНТОВ В 1970-Е ГГ.

САМОЙЛОВА АНАСТАСИЯ
МИХАЙЛОВНА

Европейский университет в Санкт-
Петербурге

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-163-175

© Самойлова А. Н.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена предыстории Ленинградского рок-клуба. Особое внимание уделяется попыткам создать музыкальный клуб, исходящим от активистов из андеграундной среды – братьев Г. Б. и В. Б. Зайцевых. Автор приходит к выводу, что рок-музыканты не были организованы в клуб решением «сверху», а двигались в сторону легализации сами на протяжении 1970-х гг. Рок-музыку в СССР традиционно рассматривают как взятую «под колпак», однако подготовка к созданию Ленинградского рок-клуба – это сюжет, рассказывающий, как инициатива «снизу» была поддержана и инкорпорирована в советский ландшафт, не потеряв своей первоначальной идеи, которая отнюдь не была столь внесоветской, как принято считать в историографии.

Ключевые слова: самоорганизация, рок-музыка, Ленинградский рок-клуб, поздний социализм, музыкальный андеграунд, Ленинградский межсоюзный дом народного творчества.

BEFORE RUBINSTEIN STREET, 13: SELF-ORGANIZATION OF ROCK MUSICIANS “FROM BELOW” IN THE 1970S

Anastasia M. Samoylova
European University at St. Petersburg

Abstract.

The article is devoted to the prehistory of the Leningrad rock club. Particular attention is paid to the attempts to create a music club coming from the underground environment's activists – brothers G.B. and V.B. Zaitsevs. The author comes to the conclusion that rock musicians were not organized into a club by someone "from above" but were forming a legal club themselves during the 1970s. Rock music in the USSR was traditionally kept under surveillance but the preparation for the Leningrad rock club's creation is a story telling how the initiative "from below" was supported and incorporated into the Soviet landscape without losing its original idea which was not particularly "out-Soviet" as is usually believed in historiography.

Key words: self-organization, rock music, Leningrad rock club, late socialism, musical underground, LMDST.

7 марта 1981 г. на сцене Ленинградского межсоюзного Дома самодеятельного творчества (далее – ЛМДСТ) по адресу ул. Рубинштейна, 13 прошел концерт нескольких местных рок-групп. С этого момента принято отсчитывать историю Ленинградского клуба любителей

музыки, впоследствии Ленинградского рок-клуба (далее – ЛРК). Однако это событие значимо не только для поклонников отечественной музыки, но и для исследователей.

Ученые уже обращались к этому сюжету, размышляя об обществе и власти в период позднего социализма. Однако обычно об открытии рок-клуба рассуждают в категориях инициативы «сверху»: советская власть собрала в одном месте – в условной резервации, «под колпаком» – непричесанную и играющую рок-музыку молодежь, что представляется отголоском тоталитарной традиции изучения советского опыта. В данном случае власть всегда сильна и находится на шаг впереди, а общество – пассивно. В сущности, в подобных трактовках читатель лишен возможности узнать не только общественную динамику, но и то, как принималось решение о создании «резервации».

Чтобы эта идея была обоснована, я покажу, как смотрели на возникновение рок-клуба в самом центре Ленинграда исследователи-предшественники. И. Стейнхолт – автор первого специального исследования, посвященного феномену ЛРК [Steinholt, 2005], – высказал идею о том, что «потенциальный интерес (к созданию клуба. – А. С.) в городской администрации существовал с момента организации ЛМДСТ¹ по инициативе первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романа. <...> Поскольку международный скандал вокруг процесса над Бродским был свеж в памяти, он выбрал более прагматичный способ борьбы с неофициальной или самодеятельной культурой. Вместо того чтобы противостоять и преследовать официально не одобряемых писателей, поэтов, художников и музыкантов, он был готов предложить им “культурные резервации”» [Steinholt, 2005, p. 36].

Эта точка зрения не основывается на источниках, как и многие другие размышления о том, как советская власть управляла неофициальной культурой, а скорее, выражает представления современников об этом процессе. Подобным же образом рассуждает о рок-клубе и А. Юрчак. Он пишет о нем как об «ассоциации “любительских” рок-групп под официальной эгидой комсомола и негласным патронажем и надзором КГБ» [Юрчак, 2017, с. 377], хотя ВЛКСМ не имел никакого организующего воздействия на клуб, а о Комитете государственной безопасности пока нельзя сказать ничего конкретного ввиду закрытости их

¹ Дом творчества в Ленинграде был открыт еще в 1938 г., а называться ЛМДСТ стал в 1970-е гг. Возможно, исследователь имел в виду новое наименование организации – ЛМДСТ, которое стало актуально для периода с 1970 по 1983 г., когда должность первого секретаря Ленинградского ОК КПСС занимал Г.В. Романов, а не само создание ЛМДСТ.

ведомственного архива и «неразговорчивости» сотрудников². В свою очередь, сфера самодеятельности в СССР была в ведении профсоюзов, поэтому именно в стенах ЛМДСТ, одного из пяти межсоюзных культурных объединений³, был открыт Ленинградский клуб любителей музыки.

Несмотря на отсутствие источников, ученые допускают утверждения следующего характера: «Подобные социальные среды (например, рок-клуб. – А. С.) могли относительно свободно существовать и развиваться, в том числе и из-за того, что государство (в лице партийных и комсомольских органов или КГБ) относилось к ним как к своего рода линзам, сквозь которые, как казалось представителям государства, можно было наблюдать не просто за отдельными личностями, но и за проявлением новых интересов и настроений советской молодежи в целом. Это парадоксальная ситуация, когда желание понять и контролировать способствует бурному и незапланированному росту явления» [Юрчак, 2017, с. 379]. Однако представляется, что эта гипотеза еще требует обоснования.

Кроме того, в историографии звучала мысль о том, что рок-музыканты буквально вынуждены были объединиться: «Советские субкультуры отличались от английских сообществ тем, что должны были со временем подвергнуться некоторой степени институционализации, чтобы перестать привлекать к себе подозрительное внимание репрессивных органов государства (здесь и далее курсив мой – А. С.). Обычно это делалось через регистрацию местного “клуба по интересам”» [Хархордин, 2016, с. 416].

Во всех приведенных выше цитатах заметно, что исследователи, прежде всего, обращают внимание на власть, тогда как общество в лице, в частности, неформальной молодежи, схематично представляется как объект воздействия этой власти. Вся история об участии/неучастии властных структур подсвечивает и другую сторону легализации рок-музыки – самоорганизацию, о которой не размышляют в пространстве изучения позднесоветского опыта. Я предлагаю взглянуть не на то, как рок-музыка в Ленинграде была «взята под колпак» или была вынуждена институционализироваться, а на то, как её направляли в сторону легализации сами представители музыкального андеграунда.

² В качестве исключения см.: Бройдо А. «Святой» апостол Олег». Интервью с О.Д. Калугиным // Аргументы и факты. 17 апреля 2003. № 08(20). С. 18–19. URL: archive.aif.ru/archive/1678871 (дата обращения: 15.07.2023); «Рок-клуб – это нормальный проект органов госбезопасности, в котором были отделены зерна от плевел». Интервью с П.К. Кошелевым // Фонтанка. 7 марта 2021 г. URL: fontanka.ru/2021/03/07/69798926/ (дата обращения: 15.05.2022).

³ Межсоюзные Дворцы культуры им. Ленсовета, им. Горького, им. Кирова и Выборгский межсоюзный дворец культуры.

Уже в 1971 г. была предпринята попытка самоорганизации поклонников рок-музыки. Она была связана с битломаном Н. Васиным и т.н. Поп-федерацией, однако о том, как она была организована и как функционировала, сохранились лишь немногочисленные сведения. Известно, что у нее был устав, что члены Поп-федерации сдавали деньги «на общие нужды» и что затея была связана с неким Арсентьевым, аферистом с комсомольским значком на пиджаке, которого впоследствии судили⁴.

Намного больше известно о попытках братьев Г.Б. и В.Б. Зайцевых. Они любили западную музыку, знали многих ленинградских рок-музыкантов, даже делали для них гитары и пытались реализовать идею музыкального клуба в Ленинграде. Братья Зайцевы предприняли несколько попыток его создания. Показательны сами названия: например, «временно неофициальный комсомольско-молодежный клуб любителей музыки»⁵, впоследствии – Ленинградский клуб любителей музыки (Поп-клуб), существовавший с 1974 г. на квартирах.

Деятельность клуба выглядела следующим образом: «Мы приглашали к себе музыкантов, брали у них интервью, истории создания групп, просили приносить тексты, фотографии с концертов. Музыканты притаскивали своих фанов <...>. Подготавливали и выпускали небольшие информационные листки. Старались делать это после каждого концерта. Иногда с текстами, если они у нас были, или можно было перевести с записи. Сопровождали информацию краткими рецензиями на выступления»⁶. Уже в это время, как пишет Г.Б. Зайцев, проходили т.н. собрания совета клуба: «Мы что-нибудь обсуждали, обменивались переводной литературой, устной информацией, кто-то брался распечатать какие-нибудь статьи, достать тот или иной диск, запись. Пользовались и единственно свободно продававшимися зарубежными музыкальными журналами, такими как “Мелодия” (Польша), “Спиваем и танчиним” (Чехословакия) <...> После того как новая интересная информация набиралась, по субботам <...> с ней могли ознакомиться остальные»⁷. Впоследствии такие встречи именовались собраниями членов клуба. По описанию заметно, что все происходило достаточно неформально, но как ретроспективно, так и на уровне создаваемой в 1970-е гг. документации инициаторы транслируют идею организованности. Так, «посиделки» на квартире, для которых, как видно из неофициального характера этих встреч, не требовалось ничего формального, назывались собранием Совета клуба.

⁴ См.: Рекшан В.О. Самый кайф. СПб., 2008. С. 46–67.

⁵ Зайцев Г.Б. Тяжелые одуванчики или хроника прошедших событий. СПб., 2019. С. 172.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 193.

Однако идея братьев Зайцевых с самого начала была тесно связана с легализацией этой музыкальной затеи и, согласно их логике, с документированием. Так, первый проект устава клуба был составлен в канун 1974 г. «Взяли за строительную основу устав ВЛКСМ»⁸, – объяснял Г. Б. Зайцев. Несмотря на обличительную риторику по отношению к Советскому государству, присущую воспоминаниям, их автор не рефлексировал над тем, что для устава, который мог выглядеть, как сами братья захотели бы, ими был выбран текст официального советского документа.

Г. Б. Зайцев так объяснял генеалогию устава будущего музыкального клуба: «других уставов (кроме ВЛКСМ. – А. С.) мы и не знали никаких. Вот, поэтому мы взяли первый попавшийся, известный, чтобы понять, как уставы вообще создаются. <...> только это оттуда и было взято – структура построения устава, из чего состоит, какие вопросы в него входят. Вот это, а остальное все – из головы, конечно»⁹. В. Б. Зайцев рассказал о том, что, будучи комсомольцами, они хорошо знали устав ВЛКСМ: «Я из комсомола там уже вышел <...>. Как раз думаю, надо хоть что-то с комсомола поиметь – сделаем по уставу комсомола, напишем устав клуба, но выкинули все, что лишнее, остальное <...> бюрократическое такое, основу взяли, только вот вписали, что цели и задачи – музыка и все такое»¹⁰. Целью клуба провозглашалось «изучение мирового музыкального творчества и содействие непрофессиональным музыкальным коллективам Ленинграда»¹¹. Иными словами, комсомольская форма использовалась инициаторами клуба для того, чтобы поместить в нее несколько иное содержание. Это не было ритуалом, не имевшим смысла, поскольку посредством формы устава Зайцевым удалось «проташить» свою прагматику обустройства молодежного музыкального клуба.

Даже на прямой вопрос о том, требовалось ли в Советском государстве написать устав для создания нового объединения, Г. Б. Зайцев отвечал отрицательно и объяснял, что это была именно «наша с братом придумка. <...> А нам самим это было интересно. <...> по-человечески, чтобы все было по-настоящему, чтоб устав был свой, заявления чтобы все писали»¹³. Об этом же говорил и его брат В. Б. Зайцев: «Ну если [есть] клуб, должен быть устав! Там ведь члены, членские взносы могут быть в виде пластинок, в виде грамзаписей этих на бобинах. Каждый что-то должен приносить, и так приносили, но так <...> журнал вести,

⁸ Зайцев Г. Б. Свинцовые паруса. СПб., 2021. С. 172.

⁹ Интервью с Геннадием Борисовичем Зайцевым. 25.09.2021.

¹⁰ Интервью с Владимиром Борисовичем Зайцевым 17.03.2022.

¹¹ Проект. Устав Клуба Любителей Музыки. Декабрь 1974 г. // Зайцев Г.Б. Свинцовые паруса... С. 174.

¹² Интервью с Г. Б. Зайцевым.

кто кому какую пластинку дал и до какого срока должен отдать, проследить. То есть уже организация пошла процесса, не просто спонтанно. Если уж клуб, то и организация»¹³.

Ю. Фюрст, проблематизируя историю советских хиппи [Fürst, 2021], писала, что, впитав западную идеологию хиппи, молодые люди в СССР социализировались именно в советском обществе. То есть впоследствии они использовали советские формы для распространения своих идей: в частности, опыт пионерских лагерей порождал новые хиппи-лагеря на знакомых основаниях, а ношение знаков отличия как средства коммуникации сближало «пацифики» и советские значки.

Кроме устава братья Зайцевы придумали и такой элемент для вхождения в клуб, как заявления/ анкеты, а также печати и значки. Мне представляется, это свидетельствует о том, что при изучении позднесоветской молодежной культуры стоит размышлять не только о советскости хиппи. Напротив, советская социализация не должна выпадать из поля зрения исследователя, поскольку она являлась аксиоматической конструкцией, которая могла стать фундаментом для дальнейшей потенциальной «внеаходимости».

В случае с организацией рок-клуба советская форма была выбрана из-за того, что она была хорошо известна братьям Зайцевым. Они не выпадали из «зоны видимости» [Юрчак, 2017, с. 266] советской власти, как сообщества «внеаходимости» у А. Юрчака, а, напротив, вступали в эту зону. Невидимые и рассредоточенные до 1981 г., рок-музыканты Ленинграда объединились в рамках ЛРК и стали гораздо более заметными для контролирующих органов.

«И все же нашей целью было не сидеть в подполье, а пробить город, получить официальный статус. Получить свое помещение, зал для репетиций и концертов, получить аппаратуру, добиться разрешения играть свою музыку, <...> показов на ТВ, выступлений по радио»¹⁴, – так глобально размышлял Г. Б. Зайцев, объясняя необходимость легализации музыкального клуба.

Летом 1976 г. такая попытка была предпринята. Для этого выбрали Ленинградский государственный университет, однако, как пишет Г.Б. Зайцев, получили отказ в устной форме от местного комсомольского функционера¹⁵. Даже спустя сорок с лишним лет инициаторам

¹³ Интервью с В. Б. Зайцевым.

¹⁴ Зайцев Г. Б. Бумажные бомбардировщики. С. 193.

¹⁵ Там же. С. 21–24.

важно в воспоминаниях о том времени подчеркнуть, что проект нового клуба писали, «стараясь соответствовать комсомольским догматам»¹⁶.

Несмотря на неудачу, интересна аргументация создания музыкального клуба при Ленинградском университете. В. Б. Зайцев в обращении к администрации ЛГУ в 1976 г. указывал на недостатки в сфере молодежной музыки в СССР. Советские ансамбли, не имея возможности выступать на большой сцене, были вынуждены играть «по договорам с ВУЗами, а также давать концерты и “сейшены” в залах различных НИИ, некоторых кафе и Домах культуры, которые обычно находятся подальше от центра города»¹⁷. Поскольку администрация учреждений, в которых проходили концерты, не получала никаких выговоров, это означало, что «ничего не соответствующего нашей идеологии и морали у этих ансамблей нет!»¹⁸. Обращает на себя внимание апелляция к тому, что если представители власти не рассматривали творчество групп как недостаточно советское или даже антисоветское, то считалось, что рок-группы не несут никакой угрозы. Иначе говоря, в «письме во власть» было важно продемонстрировать не то, что именно делали музыканты, а то, насколько «безобидным» это представлялось местным начальникам.

Кроме того, В.Б. Зайцев подчеркивал, что любители рок-музыки – «союзная молодежь», учащиеся вузов и работники НИИ, что автоматически означало их сознательность. Однако бывали и трудности, в частности в восприятии музыкального материала, для чего было необходимо развивать вкус молодых людей. Предлагалось перестать выпускать исключительно «разгромные» статьи и проводить обличающие Запад лекции, к которым у молодежи выработался иммунитет. В качестве еще одной проблемы указывалась спекуляция пластинками, вызванная тем, что в свободном доступе интересующую молодёжь музыку было «не достать».

Для решения этих проблем братья Зайцевы и предлагали создать музыкальный клуб, поскольку существующие клубы развивались «стихийно, без четкой организации и единого руководства»¹⁹. Иными словами, они предлагали делегировать себе как создателям клуба полномочия для решения проблем в области ленинградской молодежной музыки, избавив власть от этой «головной боли». Власть в данном контексте была представлена администрацией Ленинградского университета,

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зайцев Г. Б. Бумажные бомбардировщики. С. 193.

поскольку именно она могла сталкиваться с «рок-самодеятельностью» в формате любительских студенческих ВИА.

Следующая попытка легализации была связана с Домом культуры «Невский» и относилась к 1977 г.²⁰ «Долго и упорно разрабатывали, но, наконец, сочинили устав рок-клуба, который был похож на устав НКВД (что произошло в результате излишнего стрема, по принципу “лучше перебздеть, чем недобздеть”) и насчитывал несколько страниц, написанных мельчайшим почерком»²¹. Но и в этот раз идея клуба не была реализована. Кроме того, братья не добились желаемого и в 1979 г. (ДК им. Ленина²²), и в мае 1979 г.²³, когда «стучались в двери» других ДК.

Только в ноябре 1979 г. успехом увенчалась попытка концертных «менеджеров» (устроителей подпольных «сейшенов»²⁴) создать площадку для легального исполнения музыки – Городской экспериментальный клуб любителей современной молодежной музыки на проспекте Энергетиков. Она не была связана с деятельностью братьев Зайцевых. Будущий президент ЛРК Н. Михайлов, участвовавший в этой затее, рассказывал о ней: «Был проведен большой фестиваль в зале на триста мест в подростковом клубе, чудовищный по своей организационной сущности, потому что аппаратуры у нас не было, а длился он восемь часов. Но были приглашены многие официальные представители властей, начиная от Комитета по культуре, профсоюзов, партийных организаций, представителей комсомольских организаций крупнейших предприятий города, в частности Кировского завода. Секретарь этой организации впоследствии написал очень характерный для того времени отзыв: “Очень мне понравилось это мероприятие, но я бы советовал вокалисту²⁵ группы “Россияне” подстричься!”»²⁶. Однако как организаторам удалось договориться с площадкой подросткового клуба, кто отправлял приглашения в государственные и общественные организации, велась ли какая-либо документация, какие еще мероприятия проходили, пока не до конца известно. Уже весной 1980 г. клуб был закрыт, что современники событий связывали с громким выступлением групп–участников клуба на фестивале «Весенние ритмы. Тбилиси–80» [Steinholt, 2005, p. 35–36].

²⁰ Там же. С. 263.

²¹ Там же. С. 264.

²² Зайцев Г. Б. Бумажные бомбардировщики. С. 172.

²³ Там же. С. 205.

²⁴ «Сэйш(е)н (нач. 70-х) – музыкальный концерт, сборище, вечеринка» (Рожанский Ф.И. Сленг хиппи. СПб., 1992. URL: lingvotech.com/rozhansky-92 (дата обращения: 22.05.2022).

²⁵ Имеется в виду Г. Ордановский.

²⁶ Резунков В. Рок, КГБ, Комсомол. Воспоминания президента Ленинградского рок-клуба Николая Михайлова // Радио Свобода. 15 апреля 2016 г. URL: svoboda.org/amp/27675500.html (дата обращения: 07.07.2023).

В том же 1979 г. было составлено новое «письмо во власть» – самому Г. В. Романову, первому секретарю Ленинградского областного комитета КПСС. В интерпретации автора письма Г. Б. Зайцева, которое он сам впоследствии назвал петицией, новая попытка коммуникации с властью была предпринята потому, что подпольные концерты все чаще разгонялись, а добиться легализации клуба на конкретных площадках разных ДК так и не удалось. Встреченная без энтузиазма со стороны многих музыкантов идея написать в Смольный была реализована не самым прозрачным способом. Мемуарист так объяснял механику отправки письма-петиции: «Обращение было передано лично в руки Романову через доверенное лицо, вхожее в Смольный и бывшее “скрытым диссидентом”. <...> Нужный человек, оставшийся для всех инкогнито, не сразу передал письмо, объясняя необходимостью дождаться нужного момента, подходящей ситуации и в Смольном, и в настроении самого Романова»²⁷.

Даже если размышлять о «петиции» как о фальсификации, факт рассказа об этом эпизоде представляется показательным. Г. Б. Зайцев в книгах, посвященных, в сущности, свободе в несвободной стране, не просто рассказал о попытках достучаться до власти, но и о том, что именно первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г.В. Романов представлялся ему человеком, готовым принять решение о создании клуба. В интервью он объяснял мотивацию и прагматику этого письма так: «Легализация рок-движения, легализация и создание рок-клуба. А дело в том, что “больше не к кому обращаться, они же рулили”»²⁸. Контакт с партийной властью в лице Г. В. Романова представлялся Г. Б. Зайцеву «лучом света в тёмном царстве» после неудачных попыток организации клуба при ЛГУ и различных ленинградских ДК.

В тексте письма-петиции, под которым, по словам Г. Б. Зайцева, подписалось 7 человек, обращают на себя внимание аргументативные стратегии автора. Уже в его зачине есть апелляция к авторитетному дискурсу. Последний представлен в письме мнением самого Г. В. Романова на майском пленуме Ленинградского обкома КПСС в 1979 г. Интересно, что синонимом «рок-групп» в тексте являлось наименование «рок-ансамбли», что на языковом уровне объединяет «послов» рок-музыки и представителей власти, которые использовали именно такую терминологию.

Итак, кроме попыток упорядочить деятельность Поп-клуба в виде устава и некоторых налагаемых на музыкантов «обязательств», братья

²⁷ Зайцев Г.Б. Безвозвратные бумеранги... С. 334.

²⁸ Интервью с Г.Б. Зайцевым.

Зайцевы действительно стучались во властные двери, чтобы воплотить свою затею. При взаимодействии с представителями государства (будь то администрация ЛГУ или Смольный, куда они писали позже) использовался не просто формат прошения, но и применялась риторическая стратегия, демонстрировавшая озабоченность и критическое отношение к состоянию дел в советской молодежной культуре. Обращая внимание на недостатки и просчеты, братья Зайцевы брали на себя ответственность за изменение ситуации – путем создания музыкального клуба в Ленинграде. Они не просто говорили с властью на ее языке, но еще и предлагали ей легализовать самоорганизацию музыкантов. Имея очевидную заинтересованность в этом для неофициального музыкального сообщества, Зайцевы также делали акцент на том, что власть «получала взамен» – более сознательную молодежь, которая проводила бы свой досуг правильно.

Таким образом, умея говорить на «советском языке» [Воронина Т., Соколова А. Д., НЛО, 2020] даже вне рамок партийного собрания, «послы» неофициальной музыкальной культуры Ленинграда братья Зайцевы пытались объяснить представителям государства, почему создание музыкального клуба актуально для города трех революций. Используя легальные каналы связи с властью, они старались убедить ее, что самоорганизация музыкантов выгодна самой местной власти.

Кроме деятельности по организации музыкального клуба из андеграундной среды важно затронуть и мотивацию представителей местной власти. С одной стороны, Т. П. Ванчакова, куратор ЛМДСТ от Ленинградского областного совета профессиональных союзов, которому и подчинялся Дом творчества, рассказала широко известную историю о принятии партией решения о создании клуба, транслируя дискурс всеведущей, монолитной власти, которая стремилась всеми управлять: «Поскольку в те годы было тоталитарное государство... естественно, за этим за всем наблюдали. Наблюдали-наблюдали, контролировали, потом, когда это уже развилось в движение такое большое, коллективов уже было много. Движение было протестное, идеологическое, вредное, в те годы это считалось, то тогда они решили, <...> если мы не можем этим управлять, то что мы должны сделать? Возглавить, правильно? Именно таким же образом поступили партийные органы Ленинграда, то есть обком партии. <...> Их (музыкантов. – А. С.) надо было организовать в какое-то одно объединение и желательно, чтоб это был крупный методический центр, каким был Дом народного творчества»²⁹, – объ-

²⁹ Интервью с Татьяной Павловной Ванчаковой. 20.04.2021.

ясняла логику партии Т. П. Ванчакова. Важно, что акцент сделан на контроле: ничто не могло укрыться от взора власти, а масштаб «движения» являлся критерием принятия срочных мер. Кроме прагматики контроля заметны и уступки, ведь власть приняла решение не в связи с внутренней логикой, а в связи с логикой внешней: клуб был создан как реакция на «движение», как назвал рок-музыку информант. Иными словами, отнюдь не партия в данном случае владела инициативой.

В трактовке куратора важен и акцент на молодежном протесте. Именно он, вероятно, был камнем преткновения в интерпретации ленинградской рок-музыки самим андеграундом и представителями советской власти. Как точно заметила Ю. Фюрст, «одна из основных свобод в государстве, которое всему приписывало значение, заключалась в том, чтобы не приписывать значение» [Fürst, 2021, p. 188]. Так, если музыканты играли музыку, которая пришла в СССР из стран отнюдь не социалистического блока, то для власти это символически обозначало связь с этими странами и, как результат, противопоставленность рок-любителей советскому миру, хотя сами музыканты в таких категориях не размышляли.

Директор ЛМДСТ А.А. Иванова, в свою очередь, говорила о собственной роли в возникновении ЛРК: «Это мое добровольное решение было. Рок-клуб создать – это создала я первая. Действительно, вы к первому человеку обратились, что я столько ходила, столько замечаний нам было, столько они выступали: что-то не там, ни так ни сяк – и все вызывали директора. И я решила: все, хватит мне этих вызовов, пусть они будут при Доме самодеятельности. И тогда мы создали вот сначала музыкальный клуб, нам разрешили на год. Когда мы показали, что нормально руководим, и все, и ребята перестали, ну, там, всякие проблемы, все, разрешили нам рок-клуб. <...> Так что мы сделали все, что могли, Дом творчества, остальные примазываются»³⁰. Интересно, что в этой цитате кроме разрешения есть и идея самоорганизации музыкантов до клуба, как и в рассказе Т. П. Ванчаковой. Сама А. А. Иванова говорила о том, что для организации рок-клуба она собрала музыкантов, хотя сама упоминала, что они самоорганизовались раньше со своим планом и идеей музыкального клуба.

О главенствующей роли в создании клуба Н. А. Афанасьевой, заведующей оркестровым отделом Дома творчества, к которому относился клуб первое время, рассказывал Г. Б. Зайцев: «Она сама собрала всех с предложением легализоваться на Рубинштейна. Именно она проявила

³⁰ Устное сообщение Анны Александровны Ивановой. 15.03.2022.

инициативу, а никакое ни КГБ. Уже потом я ее спрашивал, встречались в период перестройки, она сказала: “Окстись, Гена, какое КГБ? Моя личная инициатива, просто вы бегаєте, всех достали. Я уже подумала, а что такого-то? Поговорила с директором, с Ивановой. Она сказала, да, Надя, давай, звони, собирай, посмотрим”»³¹. Здесь также заметно, что инициатива Н. А. Афанасьевой – это ответ на уже существовавшее явление ленинградской рок-музыки.

То есть представители профсоюзов и Дома творчества интерпретировали новое объединение – ЛРК – как возможность контролировать «идеологически вредную» рок-музыку и не вызывать негативной реакции начальства за девиантное поведение определенной части ленинградской молодежи. Однако решение о создании рок-клуба, кем бы оно ни было принято (Ленинградским обкомом КПСС или конкретными людьми из ЛМДСТ), являлось именно ответом как на популярность рок-музыки в городе, так и на попытки самоорганизации рок-сообщества, предпринятые в 1970-е гг.

Иными словами, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы рок-музыка была «вплетена» в советскую структуру управления культурой. Так, активисты из музыкальной среды изобретали варианты встраивания в советский ландшафт еще в 1970-е гг., будучи заинтересованными в том, чтобы музыканты могли легально и регулярно выступать (на разрешенной площадке, без нужды останавливать концерты из-за милиции). В свою очередь, представители власти смотрели на новое любительское объединение как на возможность курировать «опасную» рок-музыку, чтобы не получать взысканий от вышестоящего руководства за «выходки» определенной части ленинградской молодежи. Всё вышеизложенное опровергает абсолютизацию роли только одной из сторон, что часто встречается в интерпретациях открытия ЛРК. Ведь именно «послы» неофициальной музыкальной культуры братья Зайцевы подготовили почву для открытия Ленинградского рок-клуба на ул. Рубинштейна, 13 в 1981 г. Поэтому не стоит упускать из виду инициативы «снизу» и выстраивать нарратив о контролировавшей всех и вся позднесоветской власти, которая не столько создавала повестку дня, сколько реагировала на происходившее в обществе.

³¹ Интервью с Г.Б. Зайцевым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воронина Т.Ю., Соколова А. Д. Мыслить как коммунисты: протоколы сельских партсо-
браций «эпохи развитого социализма» // Новое литературное обозрение. 2020. № 4(164).
С. 23–37.
- Рожанский Ф. Сленг хиппи. СПб.; Париж: Издательство Европейского Дома, 1992. URL:
lingvotech.com/rozhansky-92 (дата обращения: 22.05.2022).
- Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. 2-е изд. СПб.:
Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2016. 508 с.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО,
2017. 664 с.
- Fürst J. Flowers through Concrete: Explorations in the Soviet Hippieland and Beyond. Oxford &
New York: Oxford University Press, 2021. 478 p.
- Steinholt Y. B. Rock in the reservation: songs from the Leningrad Rock club, 1981-86. New York:
Mass media music scholars' press, 2005. 230 p.

REFERENCES

- Voronina T., Sokolova A. D. Thinking Like Communists: The Minutes of Rural Party
Organizations in the Era of Developed Socialism // NLO. 2020. № 4 (164). P. 23–37.
- Rozhanskij F. Hippie slang. SPb.; Parizh: Izdatel'stvo Evropejskogo Doma, 1992. URL:
lingvotech.com/rozhansky-92 (accessed 22.05.2022).
- Yurchak A. Everything Was Forever Until It Was No More. The Last Soviet Generation. M.: NLO,
2017. 664 p.
- Harxordin O. To denounce and hypocrite: the genealogy of the Russian personality. 2-ed. SPb.:
Izd-vo EU v Sankt-Peterburge, 2016. 508 p.
- Fürst J. Flowers through Concrete: Explorations in the Soviet Hippieland and Beyond. Oxford &
New York : Oxford University Press, 2021. 478 p.
- Steinholt Y. B. Rock in the reservation: songs from the Leningrad Rock club, 1981-86. New York:
Mass media music scholars' press, 2005. 230 p.

ПОЗДНЕСОВЕТСКИЕ КЛУБЫ: КВН КАК ПРОСТРАНСТВО НАХОДИМОСТИ

ФОКИН АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

Первый Московский государственный
медицинский университет имени
И.М. Сеченова Министерства
здравоохранения России

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-176-189

© Фокин А. А.

АННОТАЦИЯ

Через анализ истории «Клуба веселых и находчивых» в позднем СССР рассматривается ряд процессов, характерных для той эпохи. В позднем СССР происходит нормализация персонального досуга. При этом большинство видов позднесоветского досуга оказываются построенными на горизонтальных, а не на вертикальных связях. Одной из культовых форм такого досуга становится игра КВН, которая предлагает людям позицию как пассивного зрителя, так и активного участника. Чтобы проанализировать феномен первого КВН, надо понимать, что первоначально он существовал не в рамках позднесоветской смеховой культуры, а в рамках позднесоветского технооптимизма. Поэтому первые команды и первые чемпионы КВН были представителями технических вузов Советского Союза, которые могли быть не только «физиками», но и «лириками». Постепенно КВН развивался, и юмористическая составляющая начинала доминировать. Одновременно с этим КВН превратился во всесоюзное неформальное движение. Повторное открытие КВН вместе с политикой гласности привело к тому, что темы, ранее существовавшие в виде разговоров на кухне или в форме анекдотов, выходят на сцену и в эфир советского телевидения. Таким образом, КВН превращается в «публичное пространство находимости», которое задавало особую коммуникативную ситуацию и выступало точкой сборки коллективности КВН.

Ключевые слова: поздний СССР, КВН, субъективность, советская культура, советская модерность.

LATE SOVIET CLUBS: KVN AS A SPACE OF NAKHODIMOST

Aleksander A. Fokin

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Abstract.

Based on the analysis of the history of the "Club of Merry and Resourceful (KVN) in the late USSR a number of processes characteristic of that epoch are considered. In the late USSR there seems to be a tendency for normalization of personal leisure time. At the same time, the majority of late-Soviet leisure appears to be built on horizontal rather than vertical connections. One of the

iconic forms of such leisure is the KVN game, which offers people the position of both passive spectator and active participant. To understand the phenomenon of the first KVN game it is necessary to realize that it originally existed not within the framework of late Soviet laughter culture, but within the framework of late Soviet techno-optimism. Therefore, the first teams and the first KVN champions were representatives of technical universities of the Soviet Union, who could be not only "physicists" but also "lyricists". Gradually, KVN games developed, and the humorous component began to dominate. At the same time, KVN turned into an all-union informal movement. The reopening of KVN together with the policy of glasnost led to the fact that the topics which previously existed in the form of private talks in the kitchen or in the form of anecdotes appeared on stage and on the air of Soviet television. Thus, KVN turned into a "public space of findability", which set a special communicative situation and acted as an assembly point of KVN collectivity.

Key words: late USSR, KVN, subjectivity, Soviet culture, Soviet modernity.

«Партия, дай порулить!» – шутка команды КВН Новосибирского государственного университета, произнесенная в эфире 18 июля 1988 г., стала культовой и даже признается лучшей шуткой КВН в XX веке. Современному зрителю вряд ли будет понятно, почему эта короткая фраза вызвала бурную реакцию в зрительном зале и «ушла в народ». Несмотря на перестройку, в СССР продолжала действовать Конституция, принятая в 1977 г., в которой существовала 6-я статья, утверждавшая: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу». В более лаконичной форме эта мысль выражалась во фразе «Партия – наш рулевой!». Именно этот лозунг от лица молодежи и обыгрывали новосибирские кавээнщики, публично включая авторитетный дискурс в советскую смеховую культуру.

Несмотря на ряд интересных работ [Etty, 2019; Gérin, 2018; Waterlow, 2018; Waterlow, 2013; Velikanova, 2020; Архипова¹, 2004; Воробьева, 2008; Архипова, Мельниченко, 2011; Мельниченко, 2011; Скрадоль, 2011; Кирзюк, 2017], необходимо признать, что тема советской смеховой культуры еще недостаточно изучена и нуждается в комплексном исследовании. Большинство авторов трактуют смех в контексте сопротивления режиму и освобождают его от власти политических институтов. Такое понимание политического фольклора восходит к работе Михаила Бахтина о народной смеховой культуре Франции. Близка к этой и другая позиция, связанная с преодолением идеологического давления: «Политический анекдот (и, шире, культура стеба) стал естественным порождением и одновременно выходом из ситуации, в которой "сам язык воспринимался как коррумпированное средство

¹ Признана Министерством Юстиции РФ иностранным агентом

массовой дезинформации”, прорывом замкнутого языкового круга» [Кирзюк, 2017, с. 84].

Но такой подход не является единственным, и ряд авторов оспаривают исключительно оппозиционную природу смеха. Юрген Варнекен отмечает, что политический юмор не всегда означает сопротивление режиму, а может преследовать иные цели с точки зрения говорящего [Warneken, 1978]. Необходимость восприятия контекста юмористического высказывания отмечает Мэри Бет Стейн [Stein, 1989]: без понимания того, в какой ситуации был воспроизведен тот или иной текст, невозможно в полной мере понять его интенцию. Халид Киштайни [Kishtainy, 1985] ставит под сомнение идею сопротивления власти через смех, отмечая, что смех может быть выгоден власти, поскольку является своеобразным клапаном, через который выходит социальное недовольство. В результате человек, смеясь над властью, делает власть более приемлемой. Анализ использования смеха государством в сталинский период раскрывают в своей книге Наталья Джонссон-Скрадоль и Евгений Добренко [Добренко, Джонссон-Скрадоль, 2022], по их мнению, смех в руках сталинского режима превращается в инструмент подавления и контроля. Джон Этти [Etty, 2019]² на примере журнала «Крокодил» продолжает изучать использование юмора властными институтами. Важным аспектом его работы является анализ стремления редакции вовлечь читателя и сделать его активным, а не пассивным потребителем официального юмора.

В позднем СССР на службу авторитетному дискурсу пытались привлечь все, что могло оказать воздействие на человека. Юмор и смех тоже должны были помочь в решении поставленных партией задач. В одном из своих выступлений Никита Хрущев говорил о необходимости «поддерживать честных, передовых людей труда и обличать лодырей и тунеядцев, всех, кто мешает нашему продвижению вперед». Он утверждал: «Стихи, басни, рассказы должны служить людям в великом и благородном деле строительства коммунизма. <...> Сатира, товарищи, свое дело делает. И поэтому тех, кто трудится без напряжения, полезно бывает немножко высмеять, ужалить»³. Петр Вайль и Александр Генис отмечали, что 1960-е гг. породили огромный пласт советского юмора. В это время начинали свою карьеру культовые советские режиссёры Леонид Гайдай и Эльдар Рязанов, приобщившие советского зрителя к киноэксцентрике, выходил в эфир КВН [Вайль, Генис, 2001, с. 142].

² John Etty, *Graphic Satire in the Soviet Union: Krokodil's Political Cartoons*. Jackson: University Press of Mississippi, 2019.

³ Цитируется по: Крокодил. 1961. № 34. С. 2.

В 1962 г. на киноэкранах появился «Фитиль», призванный «обличать и клеймить» имеющиеся недостатки советской действительности, а главным сатирическим оружием, конечно, выступал журнал «Крокодил». Хотя в 1920-е в СССР выходил целый ряд сатирических журналов, в начале 1930-х гг. они закрываются и единственным всесоюзным сатирическим журналом остается «Крокодил». В позднем СССР максимальный тираж журнала достигал 6,5 миллионов экземпляров, и фактически все жители СССР были знакомы с ним. Представлялось, что значение сатиры по мере продвижения к коммунизму будет увеличиваться и «при коммунизме человека общественные суды будут приговаривать к фельетону, все равно как сейчас нарсуд осуждает на три года отсидки»⁴.

Одновременно с развитием разрешенного смеха происходят и изменения в неофициальном юморе. В значительной степени это было связано с трансформацией общества на рубеже 1950–1960-х гг. Массовое жилищное строительство формирует личное пространство у большей части населения, урбанизационные процессы делают городскую культуру, в том числе и фольклорную, широко распространенной. Анекдот в силу этих факторов получает мощный импульс и становится одной из немногих относительно легальных (поскольку именно в начале 1960-х заканчиваются судебные преследования за анекдоты) форм выражения несогласия с официальным дискурсом. Помимо «кухонь», действенным фактором развития советской смеховой культуры позднего СССР становится рост числа бытовых телевизоров. В 1960 г. советская промышленность производила 1 млн телевизоров в год, а в 1970 г. уже 6 млн, но это все равно не могло удовлетворить потребности населения. Несмотря на дефицит, телевизоры становятся атрибутом советского образа жизни, и теперь советские семьи могут в приватном пространстве потреблять медиапродукты. Говоря о формировании советского ТВ, стоит выделить работы следующих авторов, поскольку в них анализируются различные ТВ-программы, в том числе «КВН» и «Что? Где? Когда?»: Kristin Roth-Ey [Roth-Ey, 2011], Christine Elaine Evans [Evans, 2016], Alexander Prokhorov and Elena Prokhorova [Prokhorov, Prokhorova, 2017], Kirsten Bönker [Bönker, 2020] и сборник “Television Beyond and Across the Iron Curtain” [Television Beyond, 2016]. В них советское телевидение показывается как часть глобальной модерности, находящаяся в то же время под сильным влиянием идеологических рамок, сформированных в условиях холодной войны.

Итак, в позднем СССР происходит нормализация персонального досуга. Если в раннесоветский и сталинский периоды была установка на обоб-

⁴ Ленч Л. Перья к бою. Крокодил. 1961. № 25. С. 2.

ществление свободного времени, когда человек должен был проводить нерабочее время в коллективе, то в позднем СССР у него появляется право на личный отдых. Происходит фрагментация досуга: кто-то поет бардовские песни у костра, кто-то жарит шашлыки с друзьями, кто-то коллекционирует марки и т.д. При этом большая часть видов позднесоветского досуга строится на горизонтальных, а не на вертикальных связях. Одной из культовых форм такого досуга становится игра КВН, которая предлагает людям позицию как пассивного зрителя, так и активного участника.

Точкой отсчета истории КВН принято считать 1959 г., когда на советском центральном телевидении стала выходить программа «Вечер веселых вопросов» – викторина, где участники должны были отвечать на смешные вопросы. В 1961 г. на основе этой передачи был создан «Клуб веселых и находчивых», который первоначально тоже замыслился как конкурс эрудитов, в определенном смысле «Что? Где? Когда?» – это несостоявшийся вариант развития КВН. На начальном этапе существования КВН команды должны были отвечать на вопросы ведущего или демонстрировать свои творческие таланты. Одним из конкурсов той эпохи был БРИЗ (Бюро рационализации и изобретений): команды должны были представить новое изобретение или открытие. Чтобы исследовать феномен первого КВН, надо понимать, что первоначально он существовал не в рамках позднесоветской смеховой культуры, а в рамках позднесоветского технооптимизма.

Холодная война и появление новых видов вооружений, прежде всего ядерного и ракетного оружия, привели к формированию «большой науки», что потребовало значительного увеличения количества научно-технических работников, а в стремлении модернизировать советскую экономику ставка делалась на творческий потенциал кадров. Одновременно с этим советское руководство берет курс на улучшение качества жизни населения, вследствие чего начинают складываться новые практики стиля жизни и формируется советский вариант общества потребления. Поэтому возникновение КВН можно вписать в более широкий круг явлений. В 1958 г. решением Президиума ВЦСПС было создано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Хотя подобные организации существовали и до этого, но именно в позднем СССР их состав расширяется, а власть делает ставку на инициативу снизу [Сагдеева, Сагдеев, Рахматуллин, 2017]⁵. В то же время начинает выходить журнал «Изобретатель и рационализатор», который должен

⁵ Сагдеева Г.С., Сагдеев А.А., Рахматуллин Д.Р. История организации изобретательства и рационализаторства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-5. С. 86–70.

был способствовать росту творческой активности советских работников. Параллельно с этим в СССР начинает развиваться ТРИЗ (Теория решения изобретательских задач). Хотя работа над принципами ТРИЗ была начата Генрихом Альтшуллером еще в 1946 г., первая публикация вышла только в 1956 г., а в 1961 г. выходит первое учебное пособие, посвященное принципам изобретательства⁶. В 1950–1960-е гг. творчество и наука/техника должны были пересекаться и дополнять друг друга. Неслучайно, что после реабилитации кибернетики в СССР ЭВМ, помимо решения научных и экономических задач, стали использовать и для творчества, пытаясь научить компьютеры рисовать картины, писать стихи, музыку и т.д. [Пруденко, 2019]. Поэтому первые команды и первые чемпионы КВН были представителями технических вузов Советского Союза, которые могли быть не только «физиками», но и «лириками».

Постепенно КВН развивался, и юмористическая составляющая начинала доминировать. Одновременно с этим КВН превратился во всесоюзное неформальное движение: в каждом крупном городе и в каждом университете теперь существовали команды КВН, которые соревновались между собой. Важно подчеркнуть, что КВН был молодежным движением, в которое вовлечены были преимущественно студенты, например, команд КВН крупных предприятий или даже НИИ не существовало. Успех КВН среди советской молодежи кроется в нескольких важных аспектах: 1) клуб формируется на основе принципа самоорганизации, то есть возникает структура, которая не встроена в официальную систему, как комсомол; 2) КВН оказывается уникальным сплавом разных форм творческой активности. Он объединил театр, танцы, песни, юмор, телевидение и т.д., став универсальным медиа. Таким образом, как и в случае с «Что? Где? Когда?», КВН как телевизионный проект породил массовое горизонтальное движение. Поскольку из простой игры он превратился в своеобразный советский Гайд-парк, в рамках которого допускались острые высказывания, КВН был закрыт в 1972 г. Инициатором закрытия передачи выступает Сергей Лапин (председатель союзно-республиканского Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию), который считался сторонником более строгой цензуры в сфере культуры и сокращения развлекательной части на советском телевидении. По легенде предлогом стали бороды игроков команды из Одессы, в которых руководство советского телевидения увидело то ли пародию на Карла Маркса, то ли проявление сионизма. Возродился КВН уже в период перестройки – в 1986 г.

⁶ Альтшуллер Г. С. Как научиться изобретать. Тамбов: Тамбовское книжное издательство. 1961.

Приход к власти Михаила Горбачева запустил процесс трансформации советской системы, который получил название «перестройка». Сам М. Горбачев включал перестройку в свою политическую триаду «гласность – перестройка – ускорение». В контексте истории КВН наиболее важным элементом является гласность. На XXVII съезде КПСС Михаил Горбачев публично говорит о гласности: «Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении»⁷. С одной стороны, политика гласности снимала часть табу на обсуждение болезненных для советского общества вопросов и смягчала цензурные ограничения, с другой стороны, гласность предполагала активизацию низовых инициатив: теперь активность могла исходить не только сверху – со стороны властных институтов, но и снизу – от людей. Логично, что этим воспользовались авторы КВН, которые имели широкую базу студенческих клубов по всей стране. Если даже в первый период своего развития КВН уже заслужил славу передачи, в которой шутят на острые темы, то теперь гласность открывала возможность шутить еще больше. И если в 1960–1970-е острые шутки воспринимались как фронда, то во времена перестройки сама государственная политика призывала обращать внимание на недостатки в жизни советского общества.

В полуфинале 1988 года⁸, когда была произнесена шутка «Партия, дай порулить!», команда НГУ показывала номер, который был построен на противоречиях политики гласности и перестройки. Стоить отметить интересный факт, что игроки команды Новосибирского государственного университета и их соперники из Днепропетровского государственного университета выступали в одежде с надписями «гласность» и «перестройка». Такая одежда в то время была не только политически актуальной, но и модной.

Само возникновение фразы «Партия – наш рулевой» может восходить к известному плакату Бориса Ефимова «Капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе!» (1933 г), на котором изображен Иосиф Сталин, стоящий у руля с надписью «СССР». Такое изображение лидера страны может отсылать к оптимистичным ожиданиям относительно покорения Арктики советскими мореплавателями. Так, в 1933 г. в путь отправляется пароход «Челюскин», команда которого ставит своей целью доставить грузы по Северному морскому пути за одну навигацию. Но окончательную форму лозунг приобрел благодаря Сергею Михалкову – автору слов гимна СССР, который в 1952 г. публикует стихотворение «Партия – наш рулевой», где были такие строки: «Партия наши народы сплотила / В братский, единый союз трудовой. / Пар-

тия – наша надежда и сила, / Партия – наш рулевой!», а композитор Ваню Мурадели пишет на эти стихи песню. Примерно с конца 1950-х гг. песня входит в идеологически правильный репертуар как отдельных исполнителей, так и хоровых коллективов. Так, она исполнялась Краснознаменным ансамблем песни и пляски Советской Армии имени Александрова и Отдельным показательным оркестром Министерства обороны СССР на праздничных мероприятиях. После этого фраза появляется на плакатах, транспарантах, стенах домов и становится частью советского культурного ландшафта.

Важно отметить, несмотря на то, что стихотворение и песня были написаны на самом закате сталинской эпохи, популярность они приобрели уже в позднесоветское время. В значительной степени успех лозунга «Партия – наш рулевой!» может быть вписан в общую концепцию усиления роли партии в постсталинский период. В 1961 г. на XX съезде КПСС принимается III программа КПСС, важнейшим пунктом которой становится «развернутое строительство коммунизма». Предполагалось, что в течение 20 лет в СССР будут построены основы коммунистического общества. Никита Хрущев с партийной трибуны выразил эту мысль так: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁹. Еще со времен Карла Маркса и Фридриха Энгельса переход к коммунизму означал отмирание государства как инструмента эксплуатации. После прихода большевиков к власти и начавшейся Гражданской войны государство рассматривалось как неизбежное зло, призванное защищать завоевания социалистической революции. Но показательным может быть сравнение текстов Конституции СССР 1936 г. и 1977 г. В «сталинской» версии Конституции о партии говорится в 126-й статье: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Хотя ВКП(б) и провозглашается руководя-

⁹ Открытие XXII съезда КПСС // Правда. 19 октября 1961 г.

щим ядром всех общественных и государственных организаций, но перечисление партии в одном ряду с профсоюзами, кооперативами, спортивными клубами и т.д., да еще и почти в самом конце Конституции, не позволяет говорить о том, что основной закон страны подчеркивал важнейшую роль партии в жизни СССР. Но в «брежневской» версии ситуация меняется. Статья 6, которая уже приводилась выше, находится в самом начале Конституции, подчеркивая доминирование партийных структур в советской системе, и однозначно говорит о том, что именно партия, а не государство «рулит» процессами в стране.

В Программе партии закреплялся тезис о перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Государство меняло свою роль: вместо орудия классовой борьбы появлялся институт, выражающий интересы всего населения Советского Союза¹⁰. Государство до полной победы коммунизма продолжит выполнять широкий спектр функций в экономике, связанных с созданием материально-технической базы коммунизма, преобразованием общественных отношений в коммунистические и осуществлением других процессов, обеспечивающих переход к коммунизму [Всемирная история..., 1997, с. 467]. По мере продвижения к цели руководство страной будет постепенно переходить от государственных органов к органам общественного самоуправления. Исходя из этого, на рубеже 1950–1960-х гг. расширяется спектр участия в управлении различных общественных объединений: вводятся трудовые суды предприятий и товарищеские суды домоуправлений, женсоветы получают больше полномочий для решения «мелких проблем» [Жидкова, 2008].

Подобную судьбу предусматривала партия для самой себя в своей Программе: КПСС как политической организации существовать не будет, она постепенно преобразуется, сольется с другими общественными органами в единую систему общественного самоуправления. Партия как авангард всего народа и носитель огромного опыта и знания образует основное руководящее ядро коммунистического самоуправления. Партия в период «развернутого строительства коммунизма» брала на себя функции обеспечения высокого уровня политического и организационного руководства, подъема активности масс и вовлечения трудящихся в управление производством и обществом, усиления коммунистического воспитания и преодоления пережитков, а также, конечно, творческого развития и пропаганды идей научного коммунизма¹¹. КПСС, являясь параллельной государству структурой, постепенно

¹⁰ XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет: в 3 т. М., 1962. Т. 1. С. 206.

¹¹ Рожин В. П. Развитие XXII съездом КПСС марксистско-ленинской теории. Л., 1963. С. 23.

перенимала его основные функции. Таким образом, партия нуждалась не только в формальном закреплении своей возрастающей роли, но и в дискурсивном обосновании. Поэтому именно партия, а не правительство или Верховный совет позиционировалась в роли «рулевого».

Как отмечает в своей книге Алексей Юрчак, по отношению к постсталинскому СССР происходит перформативный сдвиг [Юрчак, 2014, с. 76]. Таким образом, элементы авторитетного дискурса, принижающие многие повседневные практики, ибо они окружали советского человека на работе, на отдыхе, на улице и даже дома, становились своеобразными кубиками, из которых можно было построить что-то новое.

В этом аспекте выступления команд КВН сближаются с соц-артом (соцреалистическим искусством), который, в отличие от поп-арта, использовал не рекламные, а идеологические образы. Например, Виктор Комар и Александр Меламид¹² подписали своими именами лозунг «Вперед к победе коммунизма!», тем самым превратив безымянное идеологическое клише в авторское художественное высказывание. Как отмечает искусствовед Кирилл Светляков, в 1970-е гг. агитация уже воспринималась в качестве второй природы или, можно сказать, естественной среды обитания, которую одни не замечали, а другие старались не замечать. Идеологические послания, инструкции или разного рода предупреждения, сделанные ярко и броско, попадались всюду. В результате текст вытеснял и подменял собой картинку реальности. «Металлические буквы, из которых состояли лозунги типа «Наша цель – коммунизм!», могли растягиваться на крышах сразу нескольких многоэтажных домов. Зрительно они имели больший вес и наделялись большей материальностью, чем окна и балконы многоэтажек. И если на Западе идеи концептуального искусства возникали на основе философии, то важнейшим источником московского концептуализма была сама советская реальность, переполненная текстами» [Светляков, 2018, с. 758]. Таким образом, в различных аспектах позднесоветской культуры постепенно наблюдалось переосмысление авторитетного дискурса. Вместо прямого отрицания, свойственного позднему политическому диссидентству, происходило обыгрывание и переформатирование идеологических конструкций.

Фактически каждое выступление команд с 1986 по 1991 год и даже позднее – это пародия не столько на советскую повседневность, сколько на советский авторитетный дискурс. Повторное открытие КВН

¹² «Комар и Меламид» – советская арт-группа, образованная художниками Виталием Комаром и Александром Меламидом в 1972 г. Считаются одними из основателей соц-арта как художественного направления.

вместе с политикой гласности привело к тому, что темы, ранее существовавшие в виде разговоров «на кухне» или в форме анекдотов, выходят на сцену и в эфир советского телевидения. Успех возрожденного КВН в значительной степени был связан с тем, что Клуб выступал своеобразным голосом поколения. В СССР были профессиональные юмористы – Евгений Петросян, Михаил Задорнов, Михаил Жванецкий, Семен Альтов, Аркадий Арканов, которые пользовались народной любовью и в период перестройки тоже шутили на общественно-политические темы. Но они были профессионалами, КВН же позиционировался как игра студентов-энтузиастов, имеющая минимальный порог вхождения в это движение, что почти размывало границу между теми, кто выступал на сцене, сидел в зрительном зале и смотрел эфир у себя дома.

Важно, что фактически каждое выступление команд КВН с 1986 по 1991 г. и даже позже строилось вокруг проблем в стране. При этом с экрана советских телевизоров участники открыто говорили о многих трудностях, с которыми сталкивалась как страна в целом, так и отдельные зрители. Алексей Юрчак в своей книге говорит о существовании в позднем СССР «пространств венаходимости», в которых незнакомые люди могли быть друг с другом как со своими. Но если автор обращает внимание на пространства внешние по отношению к советской системе, например кафе «Сайгон», то КВН оказывается продуктом советской системы и при этом публичным проектом. Таким образом, КВН превращается в «публичное пространство находимости», которое задавало особую коммуникативную ситуацию и выступало точкой сборки коллективности КВН. В СССР никогда не было прямого запрета на публичную сферу, наоборот, считалось, что новый советский человек должен быть не пассивным, а активным субъектом. Только эта активность не должна была идти вразрез с линией партии. Изначально КВН должен был репрезентировать и стимулировать творческую активность масс, подпитывать общий энтузиазм молодежи. Постепенно это «пространство находимости» сдвигается в сторону критики отдельных недостатков советской жизни, которая в определенных границах была легитимным способом улучшения советской системы. Но основной характеристикой «публичного пространства находимости» КВН становится возможность формирования новой современной субъективности среди молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине. Тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, РГГУ, 2011. 399 с.
- Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 125 с.

- Вайль П. Генис А. 60-е. Мир советского человека М.: НЛЮ, 2001. 368 с.
- Воробьева М.В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960-1980-х гг.): дис. ... канд. культурологии; Екатеринбург, 2008. 190 с.
- Всемирная история экономической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 6, кн. 1. 784 с.
- Добренко Е., Джонссон-Скрадоль Н. Госсмех: Сталинизм и комическое. М.: НЛЮ, 2022. 768 с.
- Жидкова Е. Практика разрешения семейных конфликтов: обращение граждан в общественные организации и партийный ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 266–289.
- Кирзюк А.А. Политический анекдот в контексте позднесоветской культуры // *Studia culturae*. 2017. № 1. С. 75–84.
- Мельниченко М.А. Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 409 с.
- Пруденко Я. Кибернетика в гуманитарных искусствах и науках СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019. 308 с.
- Сагдеева Г.С., Сагдеев А.А., Рахматуллин Д.Р. История организации изобретательства и рационализаторства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4–5. С. 86–70.
- Светляков К. А. Художественные практики Виталия Комара и Александра Меламида: от производства к медиа // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. Вып. 8. С. 758–778.
- Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 160–183.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 664 с.
- Bönker K. *Television and Political Communication in the Late Soviet Union*. Lexington Books, 2020. 294 p.
- Etty J. *Graphic Satire in the Soviet Union: Krokodil's Political Cartoons*. Jackson: University Press of Mississippi, 2019. 266 p.
- Evans Ch. E. *Between Truth and Time: A History of Soviet Central Television (Eurasia Past and Present)*. Yale University Press, 2016. 360 p.
- Gérin A. *Devastation and Laughter: Satire, Power, and Culture in the Early Soviet State (1920s–1930s)*. Toronto: University of Toronto Press, 2018. 288 p.
- Kishtainy Kh. *Arab Political Humour*. London: Quartet Books, 1985. 196 p.
- Prokhorov A., Prokhorova E. *Film and Television Genres of the Late Soviet Era*. New York: Bloomsbury Academic, 2017. 219 p.
- Roth-Ey K. *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War*. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 328 p.
- Stein M. B. *The Politics of humor: The Berlin wall in jokes and graffiti* // *Western Folklore*. 1989. Vol. 48, № 2. P. 85–108.
- Television Beyond and Across the Iron Curtain* / ed. by J. Obertreis, K. Bönker, S. Grampp. Cambridge Scholars Publishing, 2016. 320 p.
- Velikanova O. *Laughter Is a Serious Matter* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Vol. 21, № 4. P. 904–914.
- Warneken B. J. *Der sozialkritische Witz als Forschungsproblem* // *Zeitschrift für Volkskunde*. 1978. Bd. 74. S. 20–29.
- Waterlow J. *Intimating Trust: Popular Humour in Stalin's 1930s*. // *Cultural and Social History*. 2013. Vol. 10, № 2. P. 211–29.
- Waterlow J. *It's Only A Joke, Comrade! Humour, Trust and Everyday Life under Stalin (1928–1941)*. Scotts Valley, CA: Create Space, 2018. 308 p.

REFERENCES

- Arkhipova A., Melnichenko M. (2011) Anekdoty o Staline. Teksty, kommentarii, issledovanija. [Anecdotes about Stalin. Texts, comments, research]. Moscow, USSR: OGI, RGGU. 399 p. (The Ministry of Justice of the Russian Federation recognized A.S. Arkhipova as a foreign agent)
- Arkhipova A.S. (2004) Anekdot i ego prototip: genezis teksta i formirovanie zhanra [Anecdote and its prototype: text genesis and genre formation. Cand. phil. Sciences]. Moscow, USSR. 125 p. (The Ministry of Justice of the Russian Federation recognized A.S. Arkhipova as a foreign agent).
- Bönker K. (2020) Television and Political Communication in the Late Soviet Union. Lexington Books. 294 p.
- Dobrenko E., Jonsson-Skradol N. (2022) Gossmech: Stalinizm i komicheskoe [Gossmech: Stalinism and the Comic]. Moscow, USSR: NLO. 768 p.
- Etty J. (2019) Graphic Satire in the Soviet Union: Krokodil's Political Cartoons. Jackson: University Press of Mississippi. 266 p.
- Evans Ch. E. (2016) Between Truth and Time: A History of Soviet Central Television (Eurasia Past and Present). Yale University Press. 360 p.
- Gérin A. (2018) Devastation and Laughter: Satire, Power, and Culture in the Early Soviet State (1920s–1930s). Toronto: University of Toronto Press. 288 p.
- Kishtainy Kh. (1985) Arab Political Humour. London: Quartet Books. 196 p.
- Kirzyuk, A.A. (2017) Politicheskij anekdot v kontekste pozdnesovetskoj kul'tury [Political anecdote in the context of late Soviet culture], Studia culturae [Studia culturae]. № 1. pp. 75–84.
- Melnichenko M.A. (2011) Sovetskij politicheskij anekdot 1918–1953 godov kak istoricheskij istochnik [Soviet political anecdote of 1918–1953 years as a historical source. Dissertation. kand. ist. Nauk]. Moscow, USSR. 409 p.
- Prokhorov A., Prokhorova E. (2017) Film and Television Genres of the Late Soviet Era. New York: Bloomsbury Academic. 219 p.
- Prudenko Ya. (2019) Kibernetika v gumanitarnyh iskusstvah i naukah SSSR. Analiz bol'shikh baz dannyh i komp'yuternoe tvorchestvo [Cybernetics in Humanitarian Arts and Sciences of the USSR. Analysis of large databases and computer creativity]. Moscow: Garage Museum of Modern Art. 308 p.
- Roth-Ey K. (2011) Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War. Ithaca: Cornell University Press. 328 p.
- Sagdeeva G.S., Sagdeev A.A., Rakhmatullin D.R. (2017) History of the organization of invention and rationalization, Actual problems of humanities and natural sciences. № 4–5. pp. 86–70.
- Skradol N. (2011) «Zhit' stalo veselee»: stalinskaja chastushka i proizvodstvo «ideal'nogo sovetskogo subekta» [“It became more cheerful to live”: Stalin's ditty and the production of the “ideal Soviet subject”], NLO [NLO]. № 108. pp. 160–183.
- Stein M. B. (1989) The Politics of humor: The Berlin wall in jokes and graffiti, Western Folklore. Vol. 48. № 2. pp. 85–108.
- Svetlyakov K. A. (2018) Hudozhestvennye praktiki Vitalija Komara i Aleksandra Melamida: ot proizvodstva k media [Artistic practices of Vitaly Komar and Alexander Melamid: from production to media], Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. state [Actual problems of theory and history of art: collection of scientific articles]. Vyp. 8. SPb.: Izd-vo SPbSU. pp. 758–778.
- (2016) Television Beyond and Across the Iron Curtain edited by Julia Obertreis, Kirsten Bönker, Sven Grampp Cambridge Scholars Publishing. 320 p.
- Velikanova O. (2020) Laughter Is a Serious Matter, Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, vol. 21 no. 4, pp. 904–914.
- Vorobyeva M.V. (2008) Anekdot kak fenomen povsednevnoj kul'tury sovetskogo obshhestva (na materiale anekdotov 1960–1980-h gg.): dis. ... kand. kul'turologii [Anekdot as a phenomenon of everyday culture of the Soviet society (on the material of anecdotes of 1960–1980s). Cand. of cultural studies]. Ekaterinburg. 190 p.

- Warneken B. J. (1978) Der sozialkritische Witz als Forschungsproblem, Zeitschrift für Volkskunde. Bd. 74. S. 20–29.
- Weil P. Genis A. (2001) 60-e. Mir sovetskogo cheloveka [60-e. The World of Soviet Man Moscow]. USSR: NLO. 368 p.
- (1997) Vsemirnaja istorija jekonomicheskoy mysli [World history of economic thought]. T. 6, book 1. Moscow, USSR: Mysl. 784 p.
- Waterlow J. (2013) Intimating Trust: Popular Humour in Stalin's 1930s., Cultural and Social History, vol. 10, no. 2. pp. 211–29.
- Waterlow J. (2018) It's Only A Joke, Comrade! Humour, Trust and Everyday Life under Stalin (1928–1941). Scotts Valley, CA: Create Space. 308 p.
- Yurchak A. (2014) Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it ended. The Last Soviet Generation]. Moscow, USSR: NLO, 2014. 664 p.
- Zhidkova E. (2008) Praktika razreshenija semejnyh konfliktov: obrashhenie grazhdan v obshhestvennye organizacii i partijnyj jachejki [Practice of family conflict resolution: citizens' appeal to public organizations and party cells], Sovetskaja social'naja politika: sceny i dejstvujushhie lica, 1940–1985 [Soviet social policy: scenes and actors, 1940–1985]. Moscow, USSR. pp. 266–289.

АРТ-ФУНКЦИОНЕР В ОТСТАВКЕ: ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ СОВЕТСКОЙ АРТ- БЮРОКРАТИИ К ПЕРЕЛОМНЫМ ЭПОХАМ

ЯНКОВСКАЯ ГАЛИНА
АЛЕКСАНДРОВНА

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

Благодарности: исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ и
Пермского края в рамках научного
проекта № 20-49-590004.

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-190-200

© Янковская Г. А.

АННОТАЦИЯ

Многие представители мира советского изобразительного искусства одновременно выступали в роли функционеров, занимали влиятельные должности, определяли художественную политику, цензурировали работы коллег. Статусные искусствоведы – руководители академических институтов, редакторы официальных периодических изданий Союза советских художников составляли часть арт-истеблишмента. Они были облечены властью, находились на высоких позициях в социальной иерархии. Перестройка для многих из них стала временем выхода на пенсию или отставки с занимаемой должности.

В периоды реформ и смены авторитетного дискурса трудности адаптации к пенсии усугубляются тем, что привыкать нужно в том числе и к новой политической конъюнктуре, к изменившимся институциональным правилам игры, мириться с тем, что рвутся сети коммуникаций, уничтожаются прежние иерархии. Это двойная отставка – по возрасту и по контексту. На примере сохранившейся переписки критика, историка искусства, академика Академии художеств СССР А.К. Лебедева с советскими официальными инстанциями и редакцией журнала «Искусство» анализируются его реакции на происходящие перемены в социальной жизни и в трактовках истории советского искусства. Письма в редакцию и властные инстанции демонстрируют стремление их автора отстаивать пошатнувшуюся репутацию, сопротивляться делегитимации своего профессионального статуса и репутации в публичном пространстве.

Ключевые слова: арт-бюрократия, А.К. Лебедев, журнал «Искусство», перестройка, советское искусство.

RETIRED FUNCTIONARY: THE PRACTICES / EXPERIENCE OF SOVIET
ART-BUREAUCRACY ADAPTATION TO TURNING POINTS
IN CULTURAL EPOCHS

Galina A. Yankovskaya
Perm State University

Abstract.

Various actors, namely artists, critics and audience are presented on the soviet art-scene. A lot of them act as art-functionaries, who occupy high positions, determine art policies and censor their colleague's texts. People, who are clothed with authority and take powerful formal and informal positions in the social hierarchy, experience difficulties when are being retired. During the period of reforms and authority discourse change the adaptation problems seem to worsen due to the necessity of getting used to a new political conjuncture, broken institutional rules, severed communication connections and destroyed former hierarchies. It seems to be a double retirement both for age and for context. Based on the analysis of extant correspondence between a prominent art historian A.K.Lebedev and various soviet institutions as well as the editorial board of the magazine "Iskusstvo" ("Art") the reactions of the former to the current social changes and to interpretations of history of the soviet art are studied. The above letters demonstrate Lebedev's aspiration to advocate his damaged reputation in public and to resist the process of his professional status delegitimization.

Key words: art-bureaucracy, A. K. Lebedev, "Iskusstvo" ("Art") magazine, Perestroika, soviet art.

Acknowledgments:

the reported study was funded by the RFBR and the Perm Territory within the framework of the scientific project No 20-49-590004.

На арт-сцене советского изобразительного искусства (как и других институциональных систем в мире культуры) представлены художники, критики, публика, цензоры, руководство и персонал художественных предприятий. Многие из действующих лиц параллельно выступали в роли функционеров от искусства, занимали влиятельные должности, определяли художественную политику, визировали произведения коллег.

Длительное нахождение на высоких статусных должностях в условиях советской институциональной системы создавало ситуацию, когда в Союзе художников, в творческих объединениях или Художественном фонде властные позиции воспринимались художественным нобилитетом чуть ли не как пожизненное место пребывания. Выход на пенсию или отставка в таких случаях были фактором погружения в стресс, депрессию. Чувство одиночества, ненужности, покинутости, утраты привычного круга общения, стиля и ритма жизни – вот стандартный круг проблем, с которыми сталкивается человек, потерявший прежний статус востребованного и влиятельного субъекта. Эти переживания универсальны и типичны.

Но еще сложнее отставка воспринимается тогда, когда выход на пенсию, утрата властной позиции являются добровольными по форме, но принудительными по содержанию. Трудности адаптации к вынужденному отстранению от дел усугубляются тем, что нужно привыкать и к новой политической конъюнктуре, смысловым и ценностным новациям, которые рушат сложившиеся институциональные модели,

рвут сети коммуникаций, уничтожают прежние иерархии. Это двойная отставка – по возрасту и по адекватности времени. В позднем СССР по творческим союзам дважды прокатывались разрушительные для властвующей арт-бюрократии волны перемен. Первую подняли обновленческие по отношению к позднему сталинизму процессы в мире советской художественной культуры. В полной мере они проявились в ходе легитимации Союза художников СССР на его первом учредительном съезде в 1957 г. в Москве, завершившем длительный инерционный процесс формирования советской массовой организации профессиональных художников (он тянулся с 1932 по 1957 г.). В бурных дискуссиях подготовительного периода – в ходе выборов представителей и делегатов съезда – фактически в отставку были отправлены самые статусные, обласканные властью художники и управленцы от искусства эпохи сталинизма. Но многие из них (включая главного героя этого повествования) сохранили за собой (пусть и не в прежнем объеме) потенциал и рычаги влияния на арт-сцену советского искусства. Вторая волна приходится на период 1985–1990 гг., когда мир искусства вовлекается в трансформации социально-политического характера, меняет институциональные правила игры, принципы функционирования творческих организаций, их устав, персональный состав руководящих структур, политэкономия творческой деятельности [Янковская, 2019]. С 1985 г. перемены в художественной жизни Советского Союза нарастают как снежный ком, что отражается в культурной политике в целом, а также в мозаике событий и в ситуационном характере реагирования партийно-политических и управленческих структур на стремительно меняющуюся ситуацию. В этом отношении событиями одного потока, хотя и разного масштаба предстает и создание Советского фонда культуры и организация им первого в СССР официального аукциона по свободной продаже произведений советских художников 27 и 28 июня 1987 г. в Москве¹; формирование нового творческого союза в мире изобразительного искусства – Союза дизайнеров СССР на учредительном съезде, состоявшемся 3 апреля 1987 года в Колонном зале Дома Союзов в Москве² или Постановление Совета Министров РСФСР (1986) «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся»³.

¹ Аукцион рассматривался его организаторами как хорошая возможность «пропаганды советского изобразительного искусства и форма поддержки молодых художников // Назаревская Н. Какой портрет! Какой пейзаж! Московские новости. 1987. 5 июля.

² Рунге В. Союзу дизайнеров 20 лет. URL: <https://design-review.net/index.php?show=article&id=201&year=2007&number=1> (дата обращения 15.09.2023).

³ Совет Министров РСФСР Постановление от 29 декабря 1986 г. № 533 «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся». URL: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/1217 (дата обращения 09.09.2023)

Значительную по влиянию на процессы перемен роль играют представители художественной критики. Наряду с уже заявившими о себе в годы «оттепели» историками искусства, на лидерские позиции начинает претендовать новое поколение советских искусствоведов, оттесняя с редакторских постов таких влиятельных журналов, как «Искусство», старую «гвардию» советского искусствознания. Редакторы крупных журналов, как убедительно показывает в своих исследованиях М.Р. Зезина, «были тем резервом, из которого обычно выдвигали делегатов, олицетворяющих представительство интеллигенции на партийных съездах и в высших партийных и государственных органах. Эти люди пользовались исключительными привилегиями – высокими гонорарами, государственными дачами, поездками за границу» и другими возможностями, открывавшимися для высокопоставленной арт-бюрократии из различных организаций и структур [Зезина, 2009, с. 335]. Параллелизм функций, в целом характерный для творческих союзов в СССР, проявлялся и в совмещении представителями художественного истеблишмента (будь то руководство Академии художеств СССР, научно-исследовательских институтов, творческих союзов или специализированных журналов в сфере культуры) множества официальных должностей, руководящих постов в общественных организациях и представительских структурах.

Специализированные журналы по искусству становятся каналом обновления риторики, объяснительных моделей, концептуальных оснований истории художественной жизни в СССР. В годы перестройки организации / союзы представителей творческих профессий активно откликаются на изменения социально-политической ситуации и меняются сами. Важным событием в процессах кристаллизации позиций сторонников и противников перемен в Союзе художников СССР стала всесоюзная конференция искусствоведов, состоявшаяся в ноябре 1987 г. в Москве. За три дня были заслушаны 50 развернутых выступлений с преобладающим остро критическим пафосом и «отвагой независимого самовыражения» [Советское изобразительное искусство, 1989]. Искусствоведы, арт-критики формировали новую повестку, новую персониферу на страницах художественных изданий, смещая на периферию общественного внимания прежние авторитеты.

В этом контексте характерным и красноречивым представляется кейс, связанный с отставкой (выходом на пенсию) влиятельного советского историка искусств Андрея Константиновича Лебедева⁴. Точнее, речь

⁴Личный фонд А.К. Лебедева хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ). В дальнейшем будет использоваться архивный материал из этого фонда (2711. Оп. 4. Д. 264).

пойдет о его письмах, написанных в этот период решительных перемен в мире советского изо, в редакцию журнала Союза художников СССР «Искусство» и другие инстанции.

Андрей Константинович Лебедев (1908–1993) – видная и значимая фигура в истории официального советского искусства человек уважаемый и заслуженный: доктор искусствоведения (1966), член-корреспондент Академии Художеств СССР с самого ее основания (1947), ставший академиком в 1967 г., а затем и академиком Российской Академии Художеств (1991). Выпускник МГУ, аспирантуры МИФЛИ, он в профессиональной карьере был связан с Государственной Третьяковской галереей, занимал важные редакторские посты в художественных издательствах Советского Союза, («Изогиз»), а после образования Комитета по делам искусств работал в системе ГлавИЗО заместителем начальника этой важнейшей управленческой структуры в институциональной системе социалистического реализма. Его трудовая биография включает массу других ответственных должностей – от заведующего редакцией искусства Большой советской энциклопедии до начальника Управления изобразительных искусств и охраны памятников в Министерстве культуры СССР, члена коллегии Министерства культуры СССР.

И все же с 1948 г. его основное место работы – это научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Академии художеств, где он 25 лет был директором (1963–1988), а затем находился в почетном отставном статусе советника (1988–1993). А.К. Лебедев опубликовал десятки книг по истории русского искусства, но его приоритетный интерес связан с творчеством передвижников. Он считался одним из самых компетентных исследователей наследия Василия Васильевича Верещагина.

А.К. Лебедев заслужил репутацию последовательного и программного теоретика социалистического реализма, профессионального художественного критика и управленца миром советского искусства, не принимающего визуальный язык и принципы неклассической эстетики⁵

Уже в середине 1930-х гг. его современник и коллега (адепт «борьбы с формализмом» в 1930-е гг. и объект жесткой критики за оправдание «формализма» со стороны властвующей художественной элиты в период «борьбы с космополитизмом» О. Бескин) включил А.К. Лебедева в группу воинствующих критиков, отличающихся такими характеристиками:

⁵ Название «оттепельной» по времени публикации монографии А.К. Лебедева ясно обозначает его позиции: Лебедев А.К. Искусство в оковах. (Критика новейших течений в современном буржуазном изобразительном искусстве). М. 1962.

«Групповая ненависть вульгарных защитников бескрылого натурализма по отношению к «Искусству», журналу, имеющему, конечно, немалое количество недостатков и ошибок, но, в основном всегда борющемся за многообразие проявлений идейного искусства, за расширение общей культуры нашего изобразительного искусства так велика, что она толкает этих опошлителей на дела литературно-криминального порядка»⁶.

По долгу службы А.К. Лебедев на протяжении многих лет вел активную деловую переписку. Я остановлюсь на том периоде его жизни, когда он становится менее влиятельной фигурой, «выходит в тираж». Период, о котором пойдет речь, – пик перестройки, события 1986–1988 гг., когда произошли принципиальные изменения в публичной сфере, в персональном составе редакций и редакционной политике газет и журналов.

Наиболее острая полемика велась им в переписке с редактором «Искусства», самого статусного журнала в советской художественной сфере. Он получал от главреда список и тексты публикующихся в каждом номере статей, высказывал свое мнение, писал рецензии, пытался добиться смены редакторского курса. Но от его позиции уже мало что зависело. Факты согласования содержания журнала главным редактором с почетным советником напоминают жесты демонстративного уважения.

Адресат его писем – Владислав Мстиславович Зименко (1919–1994), историк искусства, главный редактор журнала, занимавший этот пост с 1958 по 1990 год, совмещавший редакторскую работу с обязанностями секретаря правления Союза художников СССР (1968–1990).

Очень многие темы, сюжеты, зазвучавшие в годы перестройки на страницах журнала «Искусство» для своего времени были дебютными, публикации тех лет возвращали в публичную ротацию ранее цензурированные художественные направления, забытые творческие объединения, имена. Журнал «Искусство» продвигал последовательно и системно новую генерацию искусствоведов.

В 1988 г. целый номер полностью был отдан на откуп молодым критикам. Именно они – Е. Деготь, А. Ковалев, Н. Дмитриева, В. Левашов и многие другие – вскоре станут определять ориентиры, приоритеты и дискурсивные порядки нового российского искусства⁷.

В подобном контексте письма А.К. Лебедева были в основном остро полемичны. В них типичным риторическим приемом является апелля-

⁶ Хроники «Искусства» // Сайт журнала «Искусство». URL: <https://iskusstvo-info.ru/hroniki-iskusstva/> (дата обращения 10.10.2023).

⁷ Молодые о молодых. URL: <https://artguide.com/posts/2310> (дата обращения 17.08.2023).

ция к авторитетному дискурсу текущего политического момента. Автор использует клише эпохи перестройки в качестве обязательных ритуальных виньеток, когда оспаривает новые тексты новой советской истории искусств, напоминая адресату своих писем цитаты из официальных источников: «...стратегический курс нашей партии, направленный на ускорение социально-экономического развития страны, налагает на советское искусствоведение задачу решительного повышения воспитательного, мобилизующего воздействия искусства на массы, содействия созданию высокохудожественных произведений, активно помогающих решению важнейших планов, стоящих перед родиной»⁸.

Столь же типичны его обращения к власти и авторитету КПСС: «Считаю, что ряд статей не отвечает требованиям времени, решению задач, поставленных перед искусством XXVII съездом КПСС»⁹.

Программные тексты компартии предсказуемо используются им для рестрикций в полемике с новым редакционным курсом, направленным на расширение круга имен художников, публикуемых в официальном советском журнале по искусству номер один. А.К. Лебедев не замечает, как меняется политический контекст, и по-прежнему берет на вооружение цитаты из партийных постановлений, напоминая: «В постановлении ЦК КПСС о журнале “Коммунист” содержится указание уделять больше внимания выступлениям против “мировоззренческой всеядности и неразборчивости”»¹⁰.

Он демонстрирует неприятие эстетики модернизма и понимание эмиграции как стигмы на биографии художника: «Если в Программе КПСС говорится, что воспитание народа партия будет осуществлять на лучших прогрессивных традициях отечественного и мирового искусства, то журнал “Искусство” только что рекомендовал статью о ...Борисе Григорьеве, художнике, затронутом модернизмом, умершем в эмиграции»¹¹. И в целом А.К. Лебедев демонстрирует принципиальное, последовательное неприятие модернизма и художников, которые хотя бы на йоту отступали от реалистических (в его понимании) традиций.

Неприязненно и предвзято воспринимается А.К. Лебедевым новый профессиональный язык искусствоведов, дерзнувших высказываться о ранее маргинализируемых официальным советским искусствознанием художниках. Прочитывая статью Дмитрия Сарабьянова о Р. Фальке

⁸ РГАЛИ. Ф. 2711. Оп. 4. Д. 264. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 7

¹⁰ Там же. Л. 12

¹¹ Там же. Л. 7.

(«А чего стоит такая оценка натюрморта Фалька “Красная мебель”: “Предметы, изображенные Фальком, не просто уподобляются живым существам иной породы. Кресла и диван не имитируют людей. Они наделены именно душой вещей, в них заключена сосредоточенность и некая тайна, до конца недоступная человеческому знанию”»), А.К. Лебедев резюмирует: «Как все это и многое другое в статье далеко от наших истинных задач в эпоху стратегии ускорения»¹².

В. Манин, Д. Сарабьянов, М. Чегодаева – те историки искусства, которые очерчивают в своих статьях, рекомендованных главным редактором «Искусства» к печати, отличную от взглядов Лебедева линию, подвергаются жесткой критике, поскольку предлагаемый ими новый язык воспринимается следующим образом: «как эти мудрствования далеки от верной, партийной оценки явлений в нашем искусстве»¹³.

А.К. Лебедев ведет себя очень настойчиво, требовательно, его рекомендации носят директивный характер. Так, в письме от 22 мая 1987 г. он добивался отказа редакции в публикации статьи Д. Сарабьянова о Татлине на том основании, что «Татлин имеет известные заслуги в дизайнерском искусстве, но поднимать его роль как живописца... нельзя»¹⁴.

В тех случаях, когда к его мнению не прислушивались, он шел дальше и направлял письма в отдел культуры ЦК КПСС Е.В. Зайцеву, секретарю ЦК КПСС В.А. Медведеву. Доступные сегодня архивные документы свидетельствуют, что влияние партийного руководства на деятельность творческих организаций и Министерство культуры падало, взаимодействие между ними не отличалось особой исполнительской дисциплиной. Так накануне 1988 г. в Отдел культуры ЦК КПСС поступали жалобы, что за Министерством числилось 120 невыполненных поручений [Осипова, 2019, с. 119]. Но А.К. Лебедев не мог знать этих обстоятельств и по-прежнему считал эту инстанцию силой, способной противостоять авангарду, западным течениям, добиваясь корректуры статьи о художнике эмиграции Марке Шагале: «Публикуется апологетическая статья о М.Шагале. Журнал ориентируется явно на традиции авангарда XX века... Журнал все более и более ориентирует художественную общественность на модернистские традиции, вопреки установкам Программы КПСС о том, что искусство социалистического реализма должно опираться на лучшие, прогрессистские традиции мирового искусства»¹⁵. Конечной

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Там же.. Л. 19.

целью таких запросов должны были стать соответствующие кадровые решения («Нельзя ли наконец обновить Редколлегию журнала, сделать его боевым органом Министерства культуры и Академии художеств СССР?»).

Сильные эмоции у А.К. Лебедева вызвала статья М. Чегодаевой «Художественная культура послевоенного десятилетия» [Чегодаева, 1988], в которой она цитировала крайне резкие, догматические высказывания Андрея Константиновича Лебедева, допущенные им в дебатах того времени. Статья М. Чегодаевой была одной из первых публикаций, которая после долгого перерыва возвращала в рамки профессионального разговора о советской истории искусств период позднего сталинизма. Оправдываясь и защищаясь, он писал: «Недопустимо столь субъективно характеризовать и негативно оценивать всю деятельность АХРР, Академии художеств СССР». Комментируя свои резкие слова в адрес А. Эфроса, он обороняется, нападая: «Конечно, так писать не следовало. Но М. Чегодаева умалчивает о “вопиющих, кощунственных взглядах А. Эфроса”»¹⁶.

Каким образом можно интерпретировать материалы этой переписки с редакцией? Представляется, что оказавшийся в ситуации фактической отставки, лишенный рычагов принятия решений влиятельный советский арт-управленец ведет борьбу за пока еще доминирующий дискурс истории советского искусства. В устоявшемся привычном контексте биография и профессиональная траектория А.К. Лебедева легитимна. Ведя полемику по поводу нового редакторского курса журнала «Искусство», он ведет борьбу за свою репутацию, пытается вновь и вновь обосновать свои слова и действия в годы сталинизма. Этот стиль переписки и аргументации представляет собой попытку сопротивления своей маргинализации, вытеснению на периферию публичной сферы. Здесь нет рефлексии, но есть расчет на административный ресурс, ориентация на нормативные тексты и события.

Фоном этой переписки служит волна публикаций не только в журнале «Искусство», но и во многих «перестроечных» изданиях, подвергавших существенному пересмотру базовые положения истории советского искусства [Адашкина, 1989; Герман, 1989; Дмитриева, 1987; Костин, 1986; Костин, 1989; Манин, 1989]. Конфликт рассчитанных на максимальную публичность высказываний историков искусства, впервые получивших столь высокую трибуну для столь активной

¹⁶ Там же. Л. 26.

критики, с одной стороны, и теневых, непубличных, рассчитанных на патронаж со стороны вышестоящих инстанций действий теряющего властные ресурсы представителя советской арт-бюрократии, с другой, образует нерв своего времени. Это противостояние тактик характерно для советских массовых общественных организаций мира искусств в эпоху перестройки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адашкина Л. 30-е гг.: контрасты и парадоксы советской художественной культуры // Советское искусствознание 25. М., 1989. с.5–38.
- Герман М. Политический салон тридцатых. Корни и побегии // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 468–488.
- Дмитриева Н.А. Сорок лет назад // Творчество. 1987. № 11. С. 22–23.
- Зезина М.Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции/ Режимные люди в СССР / [отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов]. М. 2009. С. 326–346.
- Кантор А. Как (не) создавался Союз Советских художников // Декоративное искусство СССР. 1988. № 9. С. 18–20.
- Манин В. История из истории // Творчество. 1989. № 7. С. 12–14.
- Костин В.И. Кто там шагает правой? Воспоминания. Ч. 2. В годы тридцатые // Панорама искусств. 9. М., 1986. С. 116–148.
- Костин В.И. Кто там шагает правой? Воспоминания. Ч. 3. 1940–1950-е // Панорама искусств. 12. М., 1989. С. 199–225.
- Поликарпов В. Живопись послевоенного десятилетия // Искусство. 1987. № 11. С. 43–51.
- Осина О.В. Протоколы общих партийных собраний парторганизации Отдела культуры ЦК КПСС как исторический источник / Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : Сборник избранных статей участников Девятой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Слю-2019» [отв. редактор А.К. Сорокин]. М. : Политическая энциклопедия, 2019.с. 114–120.
- Советское изобразительное искусство и искусствознание в условиях перестройки Материалы Всесоюз. теорет. конф. искусствоведов, Москва, 17-19 нояб. 1987 г. / М. Советский художник. 1989. 30 с.
- Чегодаева М.А. Художественная культура послевоенного десятилетия // Искусство. 1988. № 6. С. 30–36.
- Янковская Г.А. Полуразпад. Союз художников СССР накануне самоликвидации // Неприкосновенный запас. 2019. № 3. С. 111–128.

REFERENCES

- Adaskina L. 30-e gg.: kontrasty i paradoksy` sovetskoj xudozhestvennoj kul`tury`. [30s: contrasts and paradoxes of Soviet artistic culture] // Sovetskoe iskusstvovoznanie 25. M., 1989. pp.5–38.
- Chegodaeva M.A. Xudozhestvennaya kul`tura poslevoennogo desyatiletija [Artistic culture of the post-war decade] // Iskusstvo. 1988. № 6. pp.. 30–36.
- German M. Politicheskij salon tridcaty`x. Korni i pobegi [Political salon of the thirties. Roots and shoots] // Surovaya drama naroda: ucheny`e i publicisty` o prirode stalinizma. [The harsh drama of the people: scientists and publicists on the nature of Stalinism] M., 1989. pp.. 468 – 488.
- Dmitrieva N.A. Sorok let nazad [Forty years ago] // Tvorchestvo. 1987. №. 11. pp.. 22–23.

Kantor A. Kak (ne) sozdavalsya Soyuz Sovetskix xudozhnikov [How the Union of Soviet Artists was (not) created] // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. 1988. № 9. pp. 18 – 20.

Kostin V.I. Kto tam shagaet pravoj? Vospominaniya. [Who's walking right there? Memories] Ch. 2. V gody` tridczaty`e [In the thirties] // Panorama iskusstv. 9. M., 1986. pp.. 116–148.

Kostin V.I. Kto tam shagaet pravoj? Vospominaniya. [Who's walking right there? Memories] Ch. 3. 1940 – 1950-e // Panorama iskusstv. 12. M., 1989. pp.. 199– 225.

Osina O.V. Protokoly` obshhix partijny`x sobranij partorganizacii Otdela kul`tury` CzK KPSS kak istoricheskij istochnik [Levy`e ideologii, dvizheniya i organizacii v istorii. Istoricheskie dokumenty` i aktual`ny`e problemy` arxeografii, istochnikovedeniya, rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni : Sbornik izbranny`x statej uchastnikov Devyatoj Mezhdunarodnoj konferencii molody`x ucheny`x i specialistov «Clio-2019» [otv. redaktor A.K. Sorokin]. M. : Politicheskaya e`nciklopediya, 2019. pp.114– 120.

Polikarpov V. Zhivopis` poslevoennogo desyatiletija [Painting of the post-war decade] // Iskusstvo. 1987. № 11. pp.43–51.

Manin V. Istoriya iz istorii [Story from history] // Tvorchestvo. 1989. № 7. pp. 12–14.

Zeina M.R. Rezhim privilegij dlya nauchnoj i xudozhestvennoj intelligencii [Regime of privileges for scientific and artistic intelligentsia] / Rezhimny`e lyudi v SSSR [Regime people in the USSR] / [otv. red. T. S. Kondrat`eva, A. K. Sokolov]. M. 2009. . pp. 326–346.

Yankovskaya G.A. Poluraspad. Soyuz xudozhnikov SSSR nakanune samolikvidacii [Half-life Union of Artists of the USSR on the eve of self-liquidation]// Neprikosnovenny`j zapas. 2019. № 3. pp. 111–128.

**В ПОИСКАХ
НОВЫХ БЕРЕГОВ:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ИНИЦИАТИВЫ
В ЭПОХУ
ПЕРЕСТРОЙКИ**

«ОСВОБОЖДЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ»: КРУЖКИ, КЛУБЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПЕРМИ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1988 ГГ.)

КАБАЦКОВ АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-202-218

© Кабацков А. Н.

АННОТАЦИЯ

Цель настоящего исследования – выявление форм и характера низовой политической активности в условиях реформ советского общества в 1985–1988 гг. На основании группы источников, включающих в себя студенческий дневник, предпринята попытка реконструировать восприятие идей перестройки в студенческом сообществе. В центре внимания – побуждения, ценностные ориентиры и мотивация молодых историков. Показано, что студенты искренне откликнулись на политические инициативы руководства страны, прежде всего М.С. Горбачева. Первый опыт коллективной политической дискуссии они приобрели во время учебы на историческом факультете Пермского государственного университета. Площадкой для открытого разговора стали заседания факультетского кружка «Актуальные проблемы современности». Воодушевленные новыми идеями, которые они воспринимали как поддержку собственных жизненных устремлений, студенты попробовали воплотить идеалы в жизнь в стенах официального советского института. Конфликт с административным и партийным руководством вуза подтолкнул инициативных студентов к поиску независимых форм организационной деятельности. Ими стали неформальные политические клубы и объединения времен перестройки.

Ключевые слова: демократия, студенческие движения, политический клуб, политический протест, низовая инициатива, городская экология.

"LIBERATED SOCIALISM": CIRCLES, CLUBS AND PUBLIC INITIATIVES IN PERM IN THE ERA OF PERESTROIKA (1985-1988)

Andrey N. Kabatskov
Perm State University

Abstract.

The purpose of this study is to identify the forms and nature of grassroots political activity in the era of reforms in Soviet society in 1985-88. Based on a group of sources, including a student diary, an attempt was made to reconstruct the perception of the ideas of perestroika in the student community. The focus is on the motives, value orientations and motivation of young historians.

It is shown that the students sincerely responded to the political initiatives of the country's leadership, primarily M.S. Gorbachev. They gained their first experience of collective political discussion while studying at the Faculty of History of Perm State University. The meeting of the faculty circle "Actual Problems of the Present" became a platform for an open conversation. Inspired by new ideas, which they perceived as support for their own life aspirations, the students tried to bring their ideals to life within the walls of an official Soviet institute.

The conflict with the administrative and party leadership of the university prompted enterprising students to search for independent forms of organizational activity. They were informal political clubs and associations of the perestroika era.

Key words: democracy, student movements, political club, political protest, grassroots initiative, urban ecology.

Предметом исследования в настоящей статье является формирование политического объединения студентов-историков Пермского государственного университета в 1987–1988 гг. Исследовательской задачей служит анализ новой для советского общества низовой политической активности на фоне перемен, происходящих в эти годы в жизни страны. В конечном счете речь идет о восприятии идей перестройки в студенческой среде. В частности, на основании источников (о них пойдет речь ниже) попытаемся реконструировать мотивы политической активности, ее формы и оценить последствия.

Основным источником выступает дневник Павла Н.¹, одного из участников изучаемых событий, в котором он записывал собственные впечатления, делился оценками и аргументами, высказывался на злободневные темы, вел дискуссии с единомышленниками и оппонентами. Интерес к автору дневника обусловлен тем, что он принимал активное участие в деятельности студенческого сообщества, из которого вышли на местную политическую сцену активисты, организаторы клубов и митингов времен «уличной демократии» конца 1980-х гг. Многие из них учились в Пермском государственном университете. Получая образование на историческом факультете, автор дневника разговаривал, критиковал, спорил, пытался убеждать тех самых людей, которые стали потом ядром местных политических сообществ. В стенах университета они были его социальными единомышленниками и в то же время идейными оппонентами.

Следует сказать несколько слов о характере ключевого источника. Личные дневники относятся к группе эго-документов. Н. Суржикова и М. Литовская отмечали: «Они [эго-документы. – прим. А.К.] позволяют

¹ Имена и фамилии некоторых участников политических событий 1985–1991 гг. изменены. Не все из них стали в дальнейшем публичными политиками или общественными деятелями. Поэтому аутентичными останутся имена и фамилии авторов газетных публикаций и тех, кто сознательно выбрал в дальнейшем путь общественно-политической деятельности, стал публичным актором местной политической сцены.

объяснить природу как дифференцированного, так и инвариантного видения истории различными индивидами и группами и вместе с тем фиксируют структурирующую функцию самоописательных практик, их способность генерировать, консервировать и модифицировать те или иные социальные альянсы» [Суржикова, Литовская, 2021, с. 5]. Благодаря привлечению эго-текстов для изучения событий прошлого в истории появляется субъект, рассуждающий согласно паттернам социального мышления аутентичного ему социального времени.

В работе с дневниками необходимо различать личное, субъективное повествование автора «о себе», информирующее читателя о событиях локальной, частной жизни, и субъектное «Я», которое автор встраивает в повествование про себя, тем самым превращая персонажа дневниковых рассказов в героя исторической эпохи. Жанровый текст, рассказ о «маленьком человеке», который живет в локальном историческом и социальном анклав, очерчивает событийные сюжеты повествования. Субъектное «Я» автора, его идентичность проявляются в оценках, суждениях, комментариях, которыми он дополняет рассказ о себе и других. Особенно важны описания социальных взаимодействий, в которые герой вовлечен в тексте. В таких зарисовках наиболее четко артикулируются мотивы сделанного выбора или действия, поступка. Не углубляясь в рефлексию, автор дневника встраивает повествование, подчиняя рассказ коллективным социальным установкам и нормам. Сопряжение субъектного «Я» с коллективным «Мы» открывает перед историком сложный мир повседневности групп и сообществ ушедшей эпохи.

Следующим источником являются материалы городских газет «Вечерняя Пермь» за 1987–1991 гг., «Звезда» за 1987–1991 гг., а также университетской газеты «Пермский университет» за 1986–1988 гг. Особое внимание уделяется университетскому изданию, так как на его страницах можно обнаружить официальные материалы, исходящие от ответственных работников университета: членов партийного комитета, администраторов высшего звена.

Третьим источником выступают информационные материалы, докладные записки, резолюции и справки об общественных объединениях и их деятельности, находящиеся на хранении в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ). Они были подготовлены в 1987–1990 гг. для секретарей Пермского обкома и горкома КПСС². Особо следует выделить регулярные справки Управ-

² Обком – областной комитет КПСС. Горком – городской комитет КПСС.

ления КГБ по Пермской области³, в которых дается подробный обзор деятельности местных самостоятельных организаций и сообществ, называются фамилии участников, дается их краткая характеристика, рассказывается о профилактических методах работы с активистами из неформальных объединений.

Историографическая ситуация может быть охарактеризована следующим образом.

Во-первых, работ не очень много, преимущественно это диссертационные исследования кандидатского уровня [Глезин, 2008; Мусатов, 2007; Расторгуев, 2010; Сербская, 2008; Смолев, 2015]. Для многих из них характерна методологическая неопределенность в подходах к изучаемым процессам и событиям. Зачастую исследователи ограничивались лишь декларацией намерений: «Методологическая задача диссертационного исследования заключалась в поисках оптимального сочетания эмпирического, конкретного изложения исторического материала и его теоретической, проблемно-содержательной реконструкции, выявления сущности и внутренней логики развития социально-политической системы СССР в указанный хронологический период» [Сербская, 2008, с. 10; Мусатов, 2007, с. 8].

Уклонение молодых исследователей от решения методологических вопросов сужало эвристический потенциал их работ и сдерживало развитие коллективной научной дискуссии. Субъекты политической сцены, влиявшие на процесс реформ в 1987–1991 гг., растворялись в концептуальных обобщениях. В лексиконе историков стали проскальзывать оценки и суждения более свойственные политическим речам: «За небольшой промежуток времени произошла трансформация тоталитарной модели в демократическую модель развития, зародились условия для формирования и развития гражданского общества, реальностью стали многопартийность, признание прав и свобод человека» [Смолев, 2015, с. 3]. История клубов и низовых политических групп стала превращаться в политический памфлет о борьбе неформальных организаций с КПСС.

Неформальные группы, сообщества и власть стали двумя политическими силами, расположившимися по разные стороны баррикад. Кру-

³ КГБ – сокращенно Комитет государственной безопасности. Справка «О самостоятельных коллективах и неформальных объединениях, в которых отмечаются негативные проявления» 01.1988 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 113. Д. 37. С. 8–12; Справка «Об изменениях в обстановке среди участников самостоятельных группирований социально-политической направленности». 07.1988 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 113. Д. 37. С. 33–34. Справка «Информация о работе городских неформальных объединений». 07.02.1989 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 113. Д. 37. С. 53–61.

жок, общественный клуб перестроечного времени превратился в «кузницу вождей» стихийной демократии. А. Шубин пафосно отмечал во введении к своему подробному исследованию, посвященному московским неформальным группам и сообществам: «Эта книга – о решающем этапе становления советского гражданского общества, когда оно в наибольшей степени стало образом будущего, когда оно “потянуло” советское общество к этому будущему» [Шубин, 2006, с. 10]. Неформал стал историческим актором, приобрел несвойственную ему роль: он превратился в оппозиционного лидера, противостоящего политической системе, властным институтам, партийной монополии КПСС. Политизация истории перестройки, смешение ее с дискуссией о современной политической ситуации сузили круг исследовательских изысканий.

Особое место в историографии занимает исследование Кароль Сигман. Автор аргументировано доказывает, что клубный характер общественно-политической активности в 1987–1991 гг. заметно повлиял на деятельность и особенности принятия решений различных властных группировок. Низовые общественные объединения она рассматривала в качестве конкурента элитарным сообществам и группам, стремившимся управлять процессом реформ и социально-политических преобразований. В ее понимании, адекватно оценить политическую активность новых акторов можно, если только рассматривать их деятельность в те годы как непреднамеренную, спонтанную и ситуативную реакцию на изменчивый социальный, политический и медийный фон: «...неформальные клубы служили свидетельством трансформаций политической системы, ее расшатывания, а потом и распада. Но вместе с тем они были действующими лицами этой трансформации, внося активный вклад в формирование нового состязательного политического пространства, которое сложилось к 1987 году» [Сигман, 2014, с. 22].

Для уклонения от ловушки исторического предвидения в оценке роли неформальных объединений и сообществ в формировании будущего К. Сигман стремилась подчеркнуть их новый, нетипичный для политической сцены, статус: «Неформальные же клубы не являются ни эманациями политической элиты, ни массовым движением, однако это не помешало им сыграть важнейшую роль в политических трансформациях. На самом деле они представляют собой оригинальную форму оппозиции, которая ведет себя иначе, чем классическая оппозиция» [Сигман, 2014, с. 22]. В то же время исследование Кароль Сигман сосредоточено на столичных клубах и общественных группах. Региональные аспекты этого процесса представлены заметно слабее.

Автор солидарен с теми коллегами, кто стремится рассматривать общественно-политические процессы перестроечного времени как самостоятельный феномен. Следует отделять реалии эпохи М. С. Горбачева от политического ландшафта российской политической сцены после 1993 г. Дистанция между этими периодами измеряется не по астрономическому календарю, а по социальной шкале. «...Социальное время отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки», – утверждали отцы-основатели исследований по социальной динамике [Сорокин, Мертон, 2004, с. 114]. Перестройка как исторический период стала точкой бифуркации социализма. Ее исследование требует особого подхода. Изучая такие исторические ситуации, Ален Блюм отмечал: «... надо постараться максимально достоверно передать атмосферу этих моментов, то есть все то, что делает их узнаваемыми для людей, их переживших: места, имена. Названия акций, разного рода публикации, конфликты и т.д. Атмосфера – это все, что позволяет индивидам идентифицироваться с тем или иным переходом или местом» [Блюм, 2014, с. 426]. Для понимания атмосферы, «духа эпохи», того, что определяло мысли, чувства людей, наполняло смыслом их поступки, следует обратиться к историческим источникам.

В фокусе нашего исследования студенты-историки Пермского государственного университета (ПГУ). Исторический факультет стал центром событий, социальной и политической драмы, которая заметно ускорила идейную консолидацию неформальных сообществ и групп. Конфликт с вузовской администрацией подтолкнул их к использованию методов революционной борьбы с режимом: распространению листовок, прокламаций, организации митингов и поиску союзников и поддержки для объединения в политическую партию.

Павел Н., дневник которого позволяет нам взглянуть на эпоху глазами участников событий того времени, был одним из лучших студентов факультета. Он был выходцем из номенклатурной семьи. Его отец занимал ответственный пост в структурах КГБ. Во времена М. С. Горбачева студент истфака Н. стремился получить высшее образование и проявить себя в университете инициативным и активным общественником. Его целью была партийная карьера.

На факультете Н. быстро проявил себя как комсомолец-активист, стал непосредственным участником и инициатором различных перемен в жизни факультета. Он был начитан, образован, следил за выступлениями генерального секретаря КПСС, пытался распознать в газетных тек-

стах ключевые реплики, определяющие политику реформ, ее приоритеты и цели. Он был искренним сторонником обновления социализма и стремился к тому, чтобы его личная и коллективная факультетская жизнь соответствовала духу «нового курса» М. С. Горбачева.

Особенность личного дневника Павла Н. состоит в том, что он практически лишен привычного для дневниковых текстов рассказа о частном опыте, приватной сфере жизни. Автор дневника пробовал создать хронику рождения «нового социализма». Помимо личных записей, в общую тетрадку подклеивались газетные вырезки, конверты с дружеской перепиской, прикреплялись машинописные листы с текстом его выступлений, иногда можно даже обнаружить билеты на транспорт и другие материальные свидетельства, которые автор дневника считал важными для создания исторического компендиума эпохи. Автор стремился вписать себя в историю, заявлял право на собственное место в коллективе советских людей, которые воодушевлены перспективами, открывшимися перед социализмом благодаря перестройке.

Дневник Н. позволяет историку обнаружить социальные группы и сообщества, с которыми автор стремится выстроить коммуникацию посредством текста. Помимо конкретных адресатов – знакомых или однокурсников, к которым Павел Н. обращался в заметках, он ощущал себя идейным соратником всех тех, кто распознал величие исторического момента так же, как он сам. В своем дневнике Павел Н. видел себя лидером такой группы единомышленников. В широком смысле он ощущал себя бойцом передового отряда советских людей, возглавляемого М. С. Горбачевым.

Долгое время он не сомневался в социализме как собственном или коллективном жизненном проекте. Его критические суждения, которые составляли ядро разговоров о прошлом и настоящем, были ориентированы на практическую цель – очищение социализма от бюрократии, устранение тех напластований прошлого, которые тормозят его развитие. Перспективы будущего социализма он не отделял от собственной успешной карьеры.

Готовясь к партсобранию истфака в марте 1987 г., он записал в рукописном проекте своей речи: «Время требует от нас решительных действий. Главная причина сложившейся ситуации в стране, как говорил М. С. Горбачев на пленуме, в том, что не была в свое время оценена необходимость перемен»⁴. Для него, как и многих других

⁴ Доклад на партсобрании истфака март 1987 г. // Дневник Павла Н. Тетрадь за 11.04.1987 – 27.06.1987. Личный архив автора.

его единомышленников, стоявших на пороге взрослой жизни, слова, произнесенные с партийной трибуны, стали жизненным ориентиром, определили личные мотивы и побуждения деятельности, направленной на преобразование конкретной среды, в данном случае пространства исторического факультета ПГУ.

Историки, и Павел Н. в их числе, особенно чувствительно отнеслись к переоценке прошлого, новым интерпретациям и фактам о событиях, сопровождавших выбор пути в переломные моменты истории КПСС в 1920–1930-е гг. Опыт дискуссии студенты приобрели в стенах родного исторического факультета. Площадкой для диалога стал кружок «Актуальные проблемы современности»⁵, созданный в 1985 г. Руководителем кружка был Герасим Сергеевич Григорьев, доцент кафедры марксистско-ленинской философии. Одаренный лектор, он пользовался большой симпатией студентов-историков.

К 1987 г. кружок приобрел статус университетского дискуссионного клуба. В его работе в разное время участвовали И. Аверкиев, М. Касимов, В. Щербина, К. Титов, П. Козьма, В. Ковбасюк и др. На заседаниях кружка присутствовали и некоторые преподаватели университета: профессор кафедры истории КПСС М. Г. Суслов, доцент кафедры истории советского общества В. Н. Устюгов⁶ и др. Обычно заседания клуба проходили в свободной аудитории исторического корпуса ПГУ. Присутствовало 20–30 человек. На заседаниях кружка обычные учебные темы и вопросы превращались в дискуссионный повод. Спорили о том, кто прав, кто виноват, ожесточенно критиковали исторических персонажей за просчеты и ошибки, подвергали сомнению их идейность и партийность. Фактически в стенах исторического факультета – во внеучебное время, но в учебной аудитории, под крылом кафедр и с разрешения деканата – подвергались ревизии история КПСС, нормативный набор идей, составлявших идеологический костяк советского общества.

Выходя с заседаний, студенты сохраняли критический настрой. В публикациях партийной прессы, ориентированной на программные идеи «нового курса» – гласность и ускорение, они находили поддержку собственных оценок и высказываний. В таких диалогах о прошлом зарождался новый политический субъект – человек, стремящийся

⁵ Другие названия этого же кружка: «Актуальные проблемы социализма», «Актуальные проблемы реального социализма».

⁶ Василий Николаевич Устюгов до 1971 года – преподаватель кафедры истории КПСС. 13 апреля 1971 г.

В. Н. Устюгов был исключен из членов КПСС за «непартийное поведение, выразившееся в потере бдительности и непресечении вредных антигосударственных, антисоветских действий бывшего студента... и его группы».

В. Н. Устюгов был восстановлен в рядах КПСС только в 1990 г. См.: ПермГАСПИ. Ф. 106. Оп. 69, Д. 325. Л. 1–3.

выстраивать собственные версии легитимной истории, подводя их в качестве ценностного и содержательного фундамента для оценки настоящего и, прежде всего, конструирования образа будущего. Дискутируя о прошлом, сообщество пермских студентов-историков создавало коллективную версию воображаемого будущего, помещая в него в качестве эталона обновленный социализм. Стремление к соответствию этого образа личному мироощущению, поступкам, высказанное публично или дополненное аргументацией на страницах дневника, как в случае с нашим героем, становилось фундаментом для осознания собственной идентичности, индивидуального пути, деятельности, направленной на достижение групповой ценности.

Ощущая себя носителем передовых идей, Павел Н. не стеснялся оценивать политическую грамотность преподавателей: «Преподаватель истории СССР М. в духе сталинского времени (все хорошо, все здорово, слава КПСС!) теперь перестроилась весьма своеобразно. На днях она прочла лекцию по экономическому развитию СССР в 70–80-е гг. Самое великолепное – она объявила, что ускорение и реформы 80-х годов начались в эпоху застоя – в 1979 г.»⁷. Впрочем, вся группа вела себя на занятиях схожим образом: «А М. на семинаре по СССР довели до того, что она схватилась за сердце и убежала (ей доказали, что в СССР с 1920 г. создавались концлагеря, и провели аналогию сталинского социализма с фашизмом)»⁸.

Учебные занятия, лекции и семинары зачастую превращались в продолжение заседаний клуба. Вопросы, обсуждавшиеся вне учебного процесса, касались тех же самых сюжетов и героев, о которых рассказывалось на учебных занятиях. Так, 19 февраля 1988 г. студенты на заседании кружка обсудили тему «Строительство социализма в деревне и правый уклон в ВКП (б)», в рамках которой были рассмотрены следующие вопросы: I. Правый уклон и борьба с ним. Внутриполитический аспект: 1) Хлебный кризис 1927–28 гг.; 2) О НЭПе; 3) Индустриализация: темпы и средства; 4) Расстановка классовых сил; 5) Внутрипартийная ситуация. Внешнеполитический аспект: 1) О характере стабилизации капитализма; 2) Об отношении к социал-демократическим партиям; 3) О центре революционного движения в мире. II. Альтернативные варианты построения социализма в деревне: 1) Историческая ситуация в России после Октябрьской революции; 2) Историческая

⁷ Заметки о преподавателях истфака. Апрель 1987 г. // Дневник Павла Н. Тетрадь за 11.04.1987 – 27.06.1987. Личный архив автора.

⁸ Рукописная запись в дневнике. 11 апреля 1987 г. // Дневник Павла Н. Тетрадь за 11.04.1987 – 27.06.1987. Личный архив автора.

ситуация в мире после Октябрьской революции; 3) Степень возможности альтернативы»⁹. Для нашего героя и его коллег по факультету разговор о НЭПе, о правом уклоне и противостоянии Н. И. Бухарина и И. В. Сталина – часть более обширной дискуссии об истории раскулачивания и альтернативе сталинской версии социализма, которая велась в коридорах истфака, в общежитии, в переписке с друзьями-историками, ушедшими служить в армию.

На высказывания студентов откликались преподаватели. Заметка Павла Н. в факультетской газете «Голос историка» о Сталине и Бухарине стала поводом для спора доцента и профессора: «Профессор Сулов долго делал отметки на полях, абсолютное большинство которых касалось формы, но не содержания. Доцент Устюгов почти во всем был согласен со мной. Сулов пытался меня убедить, что я недооцениваю тогдашнего кулака, Устюгов стал с ним спорить, а я понял, что я здесь лишний, попрощался с ними и ушел»¹⁰.

Не только исторические темы становились предметом ожесточенной полемики, повседневная жизнь не была забыта. Так, в дискуссии на тему «Почему я не выписываю “Молодую гвардию”?» прозвучала критика городской и областной печати за то, что в ней игнорируются те острые проблемы демократизации, которые волнуют общество и студенчество в частности. Такие разговоры заставляли студентов размышлять о происходящем. Со страниц самых разных газет, журналов в это время также звучали реплики о социалистическом прошлом, о месте и роли партии в истории страны. Проявляя себя в обсуждении проблемных вопросов, студенты обретали опыт группового мышления, примеряли на себя роль исторического актора, способного влиять на понимание прошлого и тем самым определять собственное и коллективное будущее советского общества.

Несколько позже, давая интервью местной молодежной газете, один из участников этих событий, Петр Козьма, вспоминал: «Информация о самом факте его существования (кружка «Актуальные проблемы современности». – Прим. А.К.) всячески сдерживалась, объявления о заседаниях срывались, а клуб неоднократно обвиняли в антисоветизме (для 1987 г. это еще звучало довольно сурово)»¹¹. В начале 1988 г. в

⁹ Клуб «Актуальные проблемы социализма». Вклеенный лист с машинописным текстом // Дневник Павла Н. Тетрадь за 01.1988 – 05.1988. Личный архив автора.

¹⁰ Рукописные заметки в дневнике о последствиях статьи «Сталин и Бухарин. Кто прав?» опубликованной в факультетской газете «Голос историка»: «Сталин и Бухарин. Кто прав?» // Дневник Павла Н. Тетрадь за 01.1988 – 05.1988. Личный архив автора.

¹¹ Козьма П. Кто перестроился первым? // Молодая Гвардия. 25.12.1988.

докладной записке о неформальных объединениях г. Перми, подготовленной постфактум Управлением КГБ по Пермской области по запросу обкома КПСС, было указано, что благодаря работе университетского кружка произошла идейная консолидация и мобилизация политических активистов: «...он [И. Аверкиев – один из лидеров неформальных объединений в г. Перми в 1988–1990 гг. – Прим. А.К.] и ряд студентов, находящихся под его влиянием, пытались придать работе кружка критиканскую, ревизионистскую направленность. В частности, высказывались сомнения в способности партийных и советских органов направить работу на выполнение решений XXVII съезда КПСС, протаскивали идеи о необходимости создания в СССР двухпартийной системы, об утрате рабочим классом руководящего положения и т.д.»¹². В оценках статуса и роли кружка со стороны надзорного органа видна запоздалая реакция на процессы самоопределения и самоидентификации ядра новой политической группы, которая вышла из-под контроля.

Заметим, что предшествующие попытки университетских историков создать дискуссионные клубы не получили заметного развития. Лаборант кафедры истории КПСС ПГУ Александр Георгиевич Тимшин (1954 г.р., беспартийный) организовал в ноябре 1985 г. клуб «Человек и мир», первоначальное название «Воскресение». В заседаниях участвовало 5–7 человек, преимущественно историки. С февраля 1987 г. они попытались издавать машинописный журнал «Человек и мир» в 3–4 экземплярах. Идея привлечения в клуб новых членов и, как следствие, формирование на его основе организации, которая смогла бы влиять на государственные органы, вызывали опасения у властей. Предупредительно-профилактическая беседа весной 1987 г. в Управлении КГБ заставила Тимшина признать «факт попытки создания группировки, имеющей неблагоприятные политические цели», осудить свои действия и дать обещание ничего подобного впредь не допускать¹³.

В случае с активистами кружка «Актуальные проблемы современности» беседы, если они и проводились, не помогли. Среди инициаторов большинства активностей на историческом факультете можно было обнаружить секретаря местной комсомольской организации – Петра Козьму. Акции встречали поддержку и со стороны профсоюзного бюро факультета, которое возглавлял Константин Титов. Союз комсомольской и профсоюзной организации определял социальную направленность и характер политических оценок в газете «Голос историка». Ссылки на

¹² О самостоятельных коллективах и неформальных объединениях, в которых отмечаются негативные проявления. 01.1988 // ПермГАСПИ Ф. 1. Оп. 113. Д. 37. С. 8.

¹³ Там же. С. 9.

политические выступления М.С. Горбачева, цитаты из его речей воспроизводились как ориентир для социализма будущего, освобожденного от ошибок прошлого и дополненного энергией современной молодежи, идейными лидерами которой ощущали себя молодые историки.

Инициативные студенты считали, что своими действиями и поступками, речами и текстами они поддерживали официальные политические инициативы, о которых уже с международной трибуны говорил лидер советского государства М.С. Горбачев. Участвуя в дискуссиях, готовя полемические и обличительные заметки и статьи в факультетскую газету и в университетскую малотиражку, они не ставили под сомнение социалистические принципы социальной и политической организации советского общества. Они боролись с отдельными искажениями социализма и конкретными недостатками, которые сами и обнаружили в границах студенческого жизненного мира университета.

Противоречия в понимании «будущего социализма» у студентов и представителей университетской администрации обнажились случайно. Конфликт разразился спонтанно – в процессе подготовки первомайской демонстрации 1987 г. Активисты-историки решили выйти на официальное мероприятие с собственными лозунгами. Инициатива студентов вызвала бурную реакцию администрации вуза: от факультета до ректората. В отличие от заседаний дискуссионного клуба, материалов стенгазеты и статей в университетской прессе лозунги в колонне, которая пройдет по улицам города, приобретали характер публичной политической акции, политической манифестации городского масштаба. Университетское и партийное руководство увидело в этом существенные риски.

Инициатива выдвижения лозунгов исходила от группы студентов-единомышленников, во главе которых были И. Аверкиев и М. Касимов. Они предложили собственное видение перспектив социализма в виде кратких призывов: «Вся власть советам!», «Долой привилегии партийно-административной бюрократии!», «Рабочие, объединяйтесь в борьбе с бюрократией!», «Братский привет студенчества рабочему классу!».

Не сумев отговорить студентов от идеи выдвижения собственных лозунгов, декан исторического факультета Н.И. Касаткин попробовал взять процесс под контроль. Прошло их обсуждение на факультетском бюро ВЛКСМ, на собрании комсомольской организации, даже на партийном бюро факультета, и оно было очень бурным. Лозунги несколько раз редактировались, часть из них вычеркивалась, предлагались новые. Инициаторы подготовили письмо М.С. Горбачеву с жалобой на уни-

верситетское начальство. Павел Н. советовался с отцом, высокопоставленным сотрудником КГБ, приводя его реакцию в качестве аргумента в спорах о допустимости лозунгов.

Для университетской администрации опасным выглядело не столько содержание, сколько сам факт несанкционированной активности: «Ректор вызвал Малиса и Ушкевич¹⁴, орал полчаса на них, сообщив им помимо всего, что партбюро и декан лишатся партийных билетов <...> а факбюро будет разогнано, если хоть один будет лозунг»¹⁵, – так пересказывал студенческие разговоры на страницах дневника Павел Н.

Идеологически приемлемые лозунги все же были выбраны, и это позволило доценту Г.С. Мурсалимову на страницах газеты «Пермский университет» успокаивать начальство: «Студенты проявили инициативу, выдвинув в ходе подготовки к Первомаю ряд лозунгов, содержание большинства которых соответствовало духу времени, когда в стране идет перестройка, преодоление застойных явлений в экономической, политической и социальных сферах... Если и имелись отдельные неудачные формулировки, то они вызваны отсутствием большого жизненного опыта у студентов, юношеским максимализмом, нежеланием прислушаться к мнению старших»¹⁶.

Первомайские лозунги продемонстрировали администрации университета, что деятельность историков выходит из-под контроля. Несколько активистов решили уволить. Главных, по мнению вузовского руководства, инициаторов под теми или иными предложениями отчислили. Так, И. Аверкиеву поставили неудовлетворительную оценку на экзамене по военной подготовке, что означало официальное отчисление.

Первомайская демонстрация и реакция на нее администрации вуза выявили расхождения представлений о политической действительности студентов и администрации вуза, отвечающей за подготовку профессиональных кадров для будущего развития общества. Разрыв оказался очень заметным. В представлениях местных чиновников политическая риторика не была тождественна активизму как действию. Поднимая над первомайской колонной собственные лозунги, студенты-историки выступили против иерархичной организации партийного

¹⁴ Имеется в виду ректор Пермского государственного университета профессор В.П. Живописцев (1915–2006); О.П. Малис – преподаватель кафедры всеобщей истории ПГУ; Н.Ф. Ушкевич – доцент кафедры всеобщей истории.

¹⁵ Рукописное описание истории выдвижения, обсуждения и принятия лозунгов, предложенных инициативными студентами-историками для 1 мая 1987 года. Апрель 1987 // Дневник Павла Н. Тетрадь за 11.04.1987 – 27.06.1987. Личный архив автора.

¹⁶ Пермский университет. 12.05.1987.

государства, они публично продемонстрировали несогласие с образом социализма, который был воплощением будущего для местного руководства. Идеинная свобода, которую ощутили в университетской среде М. Касимов и И. Аверкиев, не уместилась в прокрустово ложе советского вуза, отвечающего за социализацию и профессиональную подготовку будущих кадров для строительства социализма. Образ социализма, созданный студентами-историками в дискуссиях о политическом прошлом, не совпал с представлениями о будущем советского государства их старших товарищей, наделенных должностями и властью.

И. Аверкиев, С. Мазеин, М. Касимов, Д. Байдак с товарищами в июне 1987 г. создали первую в г. Перми неформальную общественно-политическую организацию периода перестройки, назвав ее «Общественно-экологический комитет» (ОЭК)¹⁷. Они собрали подписи под письмами в Москву по поводу опасной экологической ситуации в поселке Первомайский¹⁸ около нефтеперерабатывающего завода, указывая на масштабы угрозы всему городу. Благодаря активности ОЭК экологическая тема не сходила со страниц местных газет на протяжении нескольких лет, ее неоднократно обсуждали в горкоме¹⁹. Попытки городских властей перехватить инициативу у ОЭК, чтобы мягко контролировать публичное обсуждение экологической темы, которая после событий на Чернобыльской АЭС в 1986 г. приобрела особую остроту для промышленного центра Западного Урала, видимого успеха не имели. Резонансными сюжетами заинтересовались в ЦК КПСС, в результате осенью 1987 г. в Пермской области на протяжении двух недель бригада из Прокуратуры СССР проверяла работу местных властей²⁰. И в дальнейшем пермские партийные руководители вынуждены были регулярно выпускать предписания, отчитываться о решении экологических проблем.

¹⁷ О самостоятельных коллективах и неформальных объединениях, в которых отмечаются негативные проявления // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 113. Д. 37. С. 8–12.

¹⁸ Поселок входил в промышленную зону «Пермнефтеоргсинтеза» (ПНОС) и по закону подлежал переселению. Однако своевременно жителям квартир не предоставили. Требование переселения составляет основной мотив выступлений. Позже ПНОС начал строительство домов совместно с горисполкомом. План переселения был рассчитан до 1990 года, но полностью выполнен не был.

¹⁹ Активность ОЭК буквально заставляла власть внимательно относиться к вопросам городской экологии на протяжении 1987–1990 гг. Многочисленные материалы, освещающие деятельность местных партийных и хозяйственных органов в сфере городской экологии, сохранились в фондах ПермГАСПИ. См.: Материалы о выполнении постановлений бюро горкома КПСС «О работе хозяйственного руководства и партийного комитета производственного объединения “Пермнефтеоргсинтез” по улучшению экологической обстановки и принимаемых мерах по критике, высказанной в газете “Вечерняя Пермь” 15 мая 1987 г.» и «О мерах по дальнейшему улучшению экологической обстановки в городе Перми» (Ф. 1. Оп. 110. Д. 34); Справки по подготовке вопроса на бюро горкома партии «О мерах по дальнейшему улучшению экологической обстановки в городе Перми» (Ф. 1. Оп. 110. Д. 55); Материалы о выполнении постановления бюро горкома КПСС «О корреспонденции газеты “Вечерняя Пермь” от 25 июля 1988 года “Окружающая среда: итоги полугодия”» (Ф. 1. Оп. 112. Д. 96); Справки членов бригады по подготовке вопроса на бюро горкома КПСС «О ходе выполнения природоохранных мероприятий и задачах по улучшению экологической обстановки в городе» (Ф. 1. Оп. 112. Д. 115).

²⁰ Сулейманов Г. Законам об охране природы – работать // Звезда. 10.11.1987.

Оказавшись за пределами университетского сообщества сверстников, пермские активисты стали искать идейных союзников. Попробовали назвать себя «Клуб социальных инициатив», пытались подать заявку на официальную регистрацию – не приняли. Беседы с ними, как признавали в Управлении КГБ Пермской области, не дали никакого эффекта. В апреле 1987 г. на партсобрании доктор наук, профессор А. Н. Фадеев предлагал «одернуть» активистов: «Лозунги у нас выдвигает ЦК КПСС, <...> всякое выдвижение их снизу – это подрыв руководящей и направляющей роли партии в нашем обществе. Я считаю, что пора провести хирургическое вмешательство. В 1957 г.²¹ мы сделали так – и сразу стало больше порядка»²². Но теперь это стало затруднительно: риторика о гласности, ускорении и перестройке к 1988 г. была дополнена масштабной публичной критикой методов сталинских репрессий. Всесильный, как считалось некогда, КГБ вынужден был оправдываться перед обкомом и горкомом, что, хотя активисты ОЭЖ и пробуют установить связи с Московским народным фронтом, «антисоветских или политически вредных проявлений со стороны инициаторов (Народного фронта. – Прим. А.К.) не отмечается»²³.

Таким образом, мы видим локальные инициативы, возникшие в стенах официального советского института. Импульсом к формированию группы студентов-единомышленников можно считать политические инициативы высшего партийного руководства, прежде всего М. С. Горбачева, провозгласившего лозунг «Больше демократии – больше социализма!» и призвавшего к открытой дискуссии о новом облике социалистического государства. Студенты Пермского университета серьезно восприняли эти призывы и пытались реализовать их в доступных им пространствах – в студенческих аудиториях и на улице, во время первоймайской демонстрации. Идейно они были солидарны с официальной доктриной, перенося ее на уровень городской общности и университетской жизни. На практике же их деятельность выходила за рамки, предписанные традицией и утвержденные регламентами. Вся их идейная и политическая активность имела смысл и значение только в короткий период крушения социалистических институтов. Эфемерные образования периода перестройки не стали основой ни для формирования партийных организаций, ни для конструирования бизнес-групп.

²¹ Подробнее о событиях 1957 г. см.: [Лейбович, 2009, с. 339–377];

²² Козьма П. Кто перестроился первым? // Молодая гвардия. 25.12.1988.

²³ Об изменениях в обстановке среди участников самостоятельных группирований социально-политической направленности». 07.1988 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 113. Д. 37. С. 33.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Блюм А. Послесловие // Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: оппозиция без диссидентства. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 425–430.
- Глезин Э.Е. Общественно-политические неформальные организации в РСФСР в 1987–1990 гг.: становление и развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 27 с.
- Лейбович О. В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х годах XX века. Пермь: Продюсерский центр «Июль-медиа». 2009. 440 с.
- Мусатов И.М. Советское общество в условиях перестройки в СССР на рубеже 1980-х – 1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 18 с.
- Расторгуев А.П. Власть и средства массовой информации в свердловской области в период 1985–1991 гг. (проблемы взаимоотношений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 27 с.
- Сербская О.В. Общественно-политическое движение в СССР в условиях перестройки (1985–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 19 с.
- Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства / Кароль Сигман; предисл. М. Добри; послесл. А. Блюм; пер. с франц. А. Зайцевой. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 472 с.
- Смолев А.А. Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985–1993 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 25 с.
- Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.
- Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989 гг.) М.: «Европа», 2006. 277 с.
- Эго-документы: Россия в первой половины XX века в межисточниковых диалогах [Ego-documents: Russia in the first half of the 20th century in inter-source dialogues] / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой: Институт истории и археологии УрО РАН. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

REFERENCES

- Bljum A. Posleslovie // Sigman K. Politicheskie kluby i Perestrojka v Rossii: opozicija bez dissidentstva. [Afterword // Sigman K. Political clubs and Perestrojka in Russia: opposition without dissidence], M.: Novoe lit. obozrenie, 2014. S. 425–430.
- Glezin Je.E. Obshhestvenno-politicheskie neformal'nye organizacii v RSFSR v 1987–1990 gg.: stanovlenie i razvitie [Socio-political informal organizations in the RSFSR in 1987–1990: formation and development]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 27 s.
- Lejbovich O. V gorode M. Oчерki politicheskoi povsednevnosti sovetskoj provincii v 40–50-h godah XX veka. [In the city of M. Essays on the political everyday life of the Soviet province in the 40–50s of the XX century], Perm': Prodjuzerskij centr «Ijul'-media». 2009. 440 s.
- Musatov I.M. Sovetskoe obshhestvo v uslovijah perestrojki v SSSR na rubezhe 1980-h – 1990-h gg. [Soviet society in the conditions of perestrojka in the USSR at the turn of the 1980s – 1990s]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2007. 18 s.
- Rastorguev A.P. Vlast' i sredstva massovoj informacii v sverdlovskoj oblasti v period 1985–1991 gg. (problemy vzaimootnoshenij) [Power and the media in the Sverdlovsk region in the period 1985–1991. (relationship problems)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2010. 27 s.
- Serbskaja O.V. Obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie v SSSR v uslovijah perestrojki (1985–1991 gg.) [Socio-political movement in the USSR under perestrojka (1985–1991)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 19 s.
- Sigman K. Politicheskie kluby i Perestrojka v Rossii: Opozicija bez dissidentstva [Political clubs and Perestrojka in Russia: Opposition without dissidence] / Karol' Sigman; predisl. M. Dobri; poslesl. A. Bljum; per. s franc. A. Zajcevoj. M.: Novoe lit. obozrenie, 2014. 472 s.

Smolev A.A. Obshestvenno-politicheskaja zhizn' v Tambovskoj oblasti (1985–1993 gg.) [Social and political life in the Tambov region (1985–1993)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2015. 25 s.

Sorokin P.A., Merton R.K. Social'noe vremja: opyt metodologicheskogo i funkcional'nogo analiza [Social time: experience of methodological and functional analysis] // Sociologicheskie issledovanija. 2004. № 6. S. 112–119.

Shubin A. Predannaja demokratija. SSSR i neformaly (1986–1989 gg.) [Dedicated democracy. USSR and informals (1986–1989)], M.: «Evropa», 2006. 277 s.

Jego-dokumenty: Rossija v pervoj poloviny XX veka v mezhistochnikovyh dialogah / pod red.

M.A. Litovskoj i N.V. Surzhikovej: Institut istorii i arheologii UrO RAN. M.: Ekaterinburg:

Kabinetnyj uchenyj, 2021. 408 s.

О ЧЕМ ПИСАЛИ СОВРЕМЕННОКИ В РЕДАКЦИЮ: ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ГАЗЕТ)

ЕХЛАКОВА АЛИНА
РИНАТОВНА

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-49-590004 «Добровольные общества и низовые историко-культурные инициативы: трансформации позднесоветских социальных институтов и форм активности во второй половине 1980-х – 1990-е годы (региональный аспект)»

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-219-229

© Ехлакова А. Р.

АННОТАЦИЯ

Письма в СМИ во многом отражали интерес граждан к актуальным проблемам социально-политической жизни. Ярким примером является тема инициатив, отвечающих на вызовы современности, и реакции на проект перестройки. На основе архивных материалов редакций двух крупных периодических изданий Перми – «Вечерняя Пермь» и «Молодая гвардия» – были проанализированы письма граждан, посвященные происходящим изменениям. Изначально в середине 1980-х гг. большинство адресантов пытались осмыслить ситуацию и дать ей оценку, а также предлагали свои проекты перестройки государства и изменения законодательства, множество писем содержали отсылки не просто к программе, но использовали и само слово «перестройка». Авторы давали оценку трансформациям многих сторон жизни – от политических процессов до коммунального быта. В своих письмах в редакции пермских СМИ адресанты презентовали себя, описывали проблемы и инициативы, использовали приемы аргументации, формулировали просьбы, а отсылки к перестройке служили не только контекстом, но и инструментом продвижения инициатив и средством достижения личных целей.

Ключевые слова: письма в редакцию, Пермь, перестройка, историко-культурные инициативы, «Вечерняя Пермь», «Молодая гвардия».

WHAT CONTEMPORARIES WROTE TO THE EDITORIAL BOARD: FACTOR OF PUBLIC INITIATIVE DURING THE YEARS OF PERESTROIKA (BASED ON PERM NEWSPAPERS)

Alina R. Ekhlakova
Perm State University

Abstract.

The letters in the media largely reflected the interest of citizens in the current social and political life. A striking example is the topic of initiatives responding to the challenges of modernity and the reaction to the "perestroika" project. Basing on the analysis of archival materials of

the editorial offices of two major Perm periodicals – “Vechernyaya Perm” (“Evening Perm”) and “Molodaya Gvardia” (“Youth Guard”) - the letters of citizens devoted to the ongoing changes were studied. Initially, in the mid-1980s most of the addressees tried to consider the current situation and evaluate it, and as well they suggested their projects for “restructuring” the state and changing legislation. In fact, a lot of letters contained references not just to the program, but also to the word ‘perestroika’ itself. The authors assessed the process of restructuring in various aspects of life: from political processes to communal life. In their letters to the editorial offices of the Perm media, the addressees presented themselves, described problems and initiatives, used argumentation techniques, formulated their requests, while perestroika served not only as a context, but also as a tool for promoting initiatives.

Key words: letters to the editor, Perm, perestroika, historical and cultural initiatives, “Evening Perm”, “Young Guard”.

Acknowledgments:

the reported study was funded by the Russian Fund for Basic Research and Perm Territory, project number 20- 49-590004 «Mass Voluntary Societies and Grassroots Historical and Cultural Initiatives: Transformations of Late Soviet Social Institutions and Forms of Activity in the Second Half of the 1980s – 1990s (Regional Aspect)».

Введение

Средства массовой информации играют важную роль в освещении событий, происходящих в мире, и предоставляют площадку для обсуждения различных тем. Периодические издания являются также средством формирования мнений, распространения идей и взглядов и даже влияния на институции и решения политических деятелей.

О том, что и отправители писем воспринимали газетные издания как удобный канал связи, свидетельствуют материалы статей. Так, В. Силин, руководитель пресс-центра Пермского городского союза защиты прав потребителей, в статье «В борьбе за перестройку» писал¹: «Перестройка – дело каждого человека. Вступайте в Союз, товарищи! О всех нарушениях ваших прав пишите в газеты “Вечерняя Пермь” и “Молодая гвардия” с пометкой на конвертах “Для Союза защиты прав потребителей”»².

Важность и глубину изучаемой темы подчеркивает и интерес исследователей к письмам в СМИ как к высказываниям о разных сферах жизни (подробнее см. [Ехлакова А.Р., Янковская Г.А., 2023]).

В данной статье анализируются письма в редакции пермских газет, в текстах которых авторы выражали свое отношение к перестройке как к фактору современных реалий. Ставятся вопросы о том, какие инициа-

¹ Далее во фрагментах писем авторская орфография и пунктуация сохранены.

² В борьбе за перестройку // Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф. 7604. Оп. 9. Д. 124. Л. 47.

тивы, связанные с проектом перестройки, предлагали граждане, какие сюжеты были актуальны в изучаемый период.

Материалы исследования

В рамках данной статьи были изучены архивы редакций двух крупных периодических изданий Перми – «Вечерняя Пермь» и «Молодая гвардия».

«Вечерняя Пермь» – общественно-политическая газета, выходявшая с 1968 г., в изучаемый период была печатным органом Пермского городского комитета КПСС и Пермского городского Совета народных депутатов, в 1991 г. редакция газеты стала товариществом с ограниченной ответственностью «Рекламно-информационное агентство “Вечерняя Пермь”». В редакцию газеты поступали письма жителей Пермской области, в основном – из Перми.

«Молодая гвардия» – общественно-политическая газета, издававшаяся с 1932 г. под другими именами. Учредителем газеты была Пермская областная комсомольская организация ВЛКСМ.

Источниками материалов исследования послужили письма читателей в редакцию. Не все письма, хранящиеся в архиве редакций, были опубликованы, а в конце 1980-х гг. на опубликованных ставился штамп. Иногда редакция, пересылая официальные ответы инстанций авторам писем, становилась рычагом воздействия на властные структуры.

Как отмечают исследователи, «эпистолярные документы в данном случае ценны тем, что отражают не позднее осмысление событий, а момент острого переживания какой-либо сложной ситуации. Письма “во власть” в отличие от дневников свидетельствовали о признании неспособности разрешить самостоятельно возникшие проблемы и необходимости обратиться к лицам, обладавшим нужными управленческими ресурсами» [Студеникина, 2020. с. 175–185]. Важно помнить и то, что существовали негласные правила написания писем: «Коммуникация в петиционной традиции осуществляется в ритуализированных формах, которые предполагают использование “просителями” ритуального дискурса (лесть, ложная (прагматическая) саморепрезентация, применение символики верноподданничества при формулировании своих требований). Ритуальный язык часто камуфлирует подлинную стратегию автора письма, заключающуюся в стремлении добиться властного действия, которое позволит разрешить конкретную проблему, актуальную для пишущего» [Лившин, 2020, с. 139–150]. Поэтому часто письмо в редакцию являлось отражением мнения автора, но целью адресанта не всегда было точное описание событий.

Авторами писем могли быть граждане разного возраста: школьники писали вопросы об архитектуре города и памятниках, а люди пенсионного возраста писали в редакцию «Молодой гвардии», при этом упоминая, что не являются целевой аудиторией газеты. Конечно, можно выделить определенные типы инициатив, характерные для разных возрастных групп. Одним из подобных примеров были письма, посвященные перестройке как проекту.

Форматы писем

Письма в СМИ адресанты отправляли в разных формах: написанные от руки, напечатанные на пишущей машинке; на листах А4, тетрадных или почтовых. В некоторых письмах имеется особая структура: вступление (приветствие, обращение, информация о себе, иногда с выравниванием по правому краю), основная часть с описанием идей или проблем, заключение. Но впоследствии эти блоки перестали выделяться, остались только самые простые правила оформления: обращение к редакции или фраза приветствия в одной строке, а продолжение письма с новой, структурно выделенные заключение и авторская подпись.

Письма могли представлять собой разные типы: стихотворения, рассказы, афоризмы и др. Стихотворения представляют собой тексты художественной направленности, отличающиеся большой эмоциональностью. Простые тексты, обращения могли быть информативными, содержащими жалобы, мотивирующими или просто развлекательными. Афоризмы позволяли выразить сложные идеи и чувства в простой и зачастую юмористической форме.

Перестройка как фактор проявления общественной инициативы

В письмах во власть можно увидеть инициативы, отвечающие на актуальные вызовы социально-политической жизни, в том числе проект перестройки. Каково же было восприятие перестройки с объявлением начала курса? В первую очередь было непонимание, поэтому в 1986–1987 гг. в редакции газет отправлялись просьбы разъяснить происходящие изменения: «Что означает перестройка? Какая будет жизнь?»³; «В связи с перестройкой будут новые полномочия у прокуратуры, прошу разъяснить какие»⁴.

³ Что означает перестройка? // ПермГАСПИ. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 32. Л. 22–24.

⁴ В связи с перестройкой... // Там же. Д. 33. Л. 2.

При этом авторы могли использовать риторические приемы для привлечения внимания к своему письму: «Может мне и не стоит жить небо коптить самого себя мучить. Можете опубликовать в газете что такое перестройка»⁵.

Даже в начальный период перестройки граждане в письмах уже пытались осмыслить происходящее, дать ему оценку, выразить свое мнение: «Перестройка, новое мышление позволяют нам по новому взглянуть на многие, казалось бы привычные постулаты и догмы. Не замазывая принципиальных идеологических разногласий, не сглаживая противоречий, мы тем не менее стремимся к равноправному диалогу и сотрудничеству в решении проблем, стоящий перед всем человечеством»⁶.

Кроме того, авторы писем предлагали свои идеи и инициативы в рамках масштабного социально-политического изменения страны.

В газете «Молодежная гвардия» в первую очередь поддерживались молодежные инициативы и открытие новых журналов: «важнейшей темой в молодежной газете предложено считать перестройку в комсомоле, жизнь и деятельность первичных комсомольских организаций, поддержку значимо-молодежных инициатив»⁷, «готовится к выпуску журнал “Молодежная инициатива” <...> В таком виде эта идея дождала до перестройки, когда наконец-то во многом были сняты запреты на инициативу и энтузиазм молодых»⁸.

Еще одно письмо призывало к выражению активной гражданской позиции:

«Ты – не винтик, ты – личность!

О демократизации общества, борьбе с бюрократизмом, о возвращении реальной власти Советам народных депутатов и усилении гласности мы, молодые, слышим и читаем постоянно. Трудности, возникшие в процессе перестройки, в основном обозначены»⁹. Автор писал о том, что нужно высказывать и отстаивать свою позицию, свое видение развития перестройки, в том числе расширять гласность и свободу для СМИ, сокращать партийный аппарат и многое другое.

Адресанты отправляли в газеты и предложения по внесению поправок в существующие законы и законодательные акты: в 1985 г. старший

⁵ Что означает перестройка? // Там же. Д. 32. Л. 22–24.

⁶ Круглый стол с острыми углами // ПермГАСПИ. Ф. 7677. Оп 17. Д. 13. Л. 12.

⁷ Об основных итогах работы газеты «Молодая гвардия» // Там же. Д. 15. Л. 16.

⁸ в Свердловске готовится к выпуску журнал «Молодежная инициатива» // Там же. Л. 37.

⁹ Ты – не винтик, ты – личность! // ПермГАСПИ. Там же. Д. 11. Л. 19–22.

инженер Олег Лебедев внес несколько предложений о внесении изменений в раздел XIV «Совершенствование управления народным хозяйством» «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года». Его предложения касались расширения личных хозяйств и коллективных садов, а также устранения бюрократии и формализма в работе народных хозяйств¹⁰.

Другой автор, отметив важность проектов законов «Об изменениях Конституции (основного закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР», высказал мнение о том, что и органы местного самоуправления нуждаются в серьезном реформировании: «О том, как они формируются, ни слова. ... Не ясно, например, кого Советы народных депутатов избирают, а кого назначают. То Положение, где сказано, что руководители, должностные лица не могут более двух сроков подряд занимать свои должности, очевидно, верное. Но требуется определить: срок их избрания или назначения совпадает со сроком полномочий Советов народных депутатов или нет. Наверное, имеет смысл оговорить и то, что на шахматном языке назовется “рокировкой”, – поработал руководитель на одном месте, потом передвинули на другое»¹¹.

Но самый большой корпус текстов составляют послания, в которых идеи, риторика и контекст перестройки выступали своеобразной аргументацией для выполнения личных просьб авторов. Зачастую адресанты использовали слово «перестройка» и производные от него для критики любых сфер жизни. В подобных письмах можно выделить несколько общих тем.

Например, встречались политические высказывания: «Прошу, пожалуйста, если вы на самом деле перестроились, опубликовать мою заметку в “Молодой гвардии” и срочно», – обращается автор, обвиняющий в обмане одного из кандидатов в Верховный совет, чтобы тот не попал в состав¹². Еще одна публикация была посвящена скандально известному Т.Х. Гдляну (его деятельности в составе следственной группы Генеральной прокуратуры СССР), Б.Н. Ельцину, В.А. Коротичу, С.Ю. Куняеву: «Не стоит умиляться этому факту как свидетельству семимильных шагов перестройки»¹³. Автор другого письма заявлял: «Партия – рука многомиллионная, сжатая в один громающий кулак. <...> Так вот этот кулак стал тухлый, равнодушный. Надо его перестроить по-

¹⁰ Здравствуйте... // ПермГАСПИ. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 22. Л. 10–11.

¹¹ Кому вручать мандат? // Там же. Ф. 7677. Оп. 17. Д. 12. Л. 4.

¹² Прошу, пожалуйста... // Там же. Оп. 16. Д. 46. Л. 8.

¹³ От редакции // Там же. Оп. 17. Д. 16. Л. 75–77.

новому, приписать ему гимнастику, чтобы он снова стал громящим кулаком, сверху донизу»¹⁴.

В редакцию газет поступали письма социально-экономической тематики. В статье «В борьбе за перестройку», посвященной защите прав потребителя и покупателя как одному из направлений перестройки, декларировалось: «Рожденный перестройкой и призванный быть ее катализатором, городской Союз защиты прав потребителей намерен настойчиво бороться с негативными явлениями в нашей жизни»¹⁵.

Большой пласт текстов посвящен повседневным проблемам и бытовым жалобам граждан. После объявления нового курса во множестве писем не просто появились отсылки к программе перестройки: «Первое, что мне непонятно, почему перестройка, о которой так много говорят во всех сферах деятельности, совершенно не коснулась сферы бытового обслуживания?»¹⁶, но и стало часто упоминаться само слово «перестройка» и его производные: «все перестроились, но очереди остались»¹⁷.

Например, один из адресантов писал о назначении новой заведующей детским садом: «Сейчас очень много говорят о перестройке, о выборах руководителя, что коллективу виднее, кого выдвигать на должность руководителя, кто сможет повести за собой людей, внести что-то новое в жизнь сада, а с нашим мнением считаться не хотят»¹⁸. Другой адресант начал свое письмо так: «Настало время, когда знакомые всем понятия, слова – такие, как “правда”, “гласность”, “порядок”, “инициатива”, “ответственность” – должны обрести свой истинный смысл. Наша партия делает сейчас все для того, чтобы коммунист был коммунистом, обещание – делом, совесть – совестью, работа – работой. Перестройка хотя медленно и туго идет. Никто не скажет, что он против перестройки. Но кой-кто в действительности занимается имитацией перестройки, имитацией инициативы»¹⁹. Проблема же, которой было посвящено это письмо, – вырубка тополей на улице, где проживает автор.

В другом письме конфликт на рабочем месте преподносился как притеснение специалиста из-за его взглядов: «Я все чаще задаю вопрос: “Что такое перестройка – миф или реальность?” ...В Губахинском

¹⁴ Отвечаю на ваш вопрос в обратной связи как проходят партийные собрания... // ПермГАСПИ. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 27. Л. 7.

¹⁵ В борьбе за перестройку // Там же. Д. 124. Л. 47

¹⁶ Уважаемая редакция... // Там же. Д. 37. Л. 11.

¹⁷ Перестроились? Да... // Там же. Ф. 7677. Оп. 16. Д. 38. Л. 30.

¹⁸ О назначении... // Там же. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 40. Л. 19–20.

¹⁹ Настало время, когда... // ПермГАСПИ. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 107. Л. 8–9.

доме-интернате для ветеранов, где я работаю врачом, заставляют меня признать, что перестройка – миф или очередной лозунг»²⁰.

Редакции изданий также приняли условия «игры». Так, заголовок «Мастер на производстве, какой он сегодня», данный автором письма, был зачеркнут, а в печать материалы вышли с названием «Перестройка поможет мастеру»: «За последнее время заметно увеличилось внимание к командирам среднего звена производства – мастерам. И это правильно. Однако трудно сразу перестроиться в работе мастера»²¹.

Использование перестройки как аргумента можно видеть в письмах и на другие темы. В письме, посвященном свободе религии, автор писал: «Перестройка не может вершиться через запреты и наказания»²². В другом послании, посвященном экологической проблеме (незаконной утилизации металлолома), адресант также ссылался на перестройку: «...Вот так у нас идет перестройка, прячем металл в землю. ...Подпись свою не ставлю, потому что, одну уже выгнали с работы за правду, не разобравшись»²³.

Таким образом, в некоторых письмах адресанты использовали риторику перестройки как инструмент манипуляции для решения личных вопросов. При этом в некоторых материалах прослеживается непонимание сути масштабных политических и экономических изменений этого периода, внимание авторов направлено преимущественно на мелкие бытовые проблемы. Похожее отмечает и редактор в своем ежегодном отчете о письмах адресантов за 1987 г.: «Поэтому и характер почты пока не меняется, преобладают в ней жалобы, просьбы, обнаружился и заметно недовольный тон по поводу того, что перестройка в сферах городской жизни идет не столь заметно, как бы нам хотелось. Более того, проскальзывает порой откровенно мещанское злорадство. Безусловно, что сказываются здесь и попытки отдельных ведомств и должностных лиц отделаться от критических публикаций и замечаний читателей, их предположений общими фразами, а то и заведомыми отписками. <...> По общей читательской оценке беспорядков тут очень много. Не хватает подчас хозяйской распорядительности и догляда исполкомов районных Советов, но налицо и дефицит личного участия пермяков в движении за красоту, чистоту и порядок в городе. Много еще иждивенческих настроений и даже “критиканства” со стороны»²⁴.

²⁰ Я все чаще задаюсь... // Там же. Ф. 7677. Оп. 17. Д. 16. Л. 71–74.

²¹ Перестройка поможет мастеру // Там же. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 37. Л. 49–50.

²² Закон и святость // Там же. Ф. 7677. Оп. 16. Д. 47. Л. 53–59.

²³ Предприятие... // Там же. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 37. Л. 78

²⁴ Отчеты о поступлении и использовании писем // ПермГАСПИ. Ф. 7604. Оп. 7. Д. 2. Л. 2.

Редактор отмечал, что в письмах речь шла в основном о проблемах торговли, благоустройства, коммунального быта.

Конечно, были и положительные реакции на перестроечные процессы, которые также отражали разные аспекты – от быта до настроений граждан. Один из авторов писал о ремонте в школе: «Часто по радио и телевидению можно услышать “До нас перестройка не дошла. Мы не знаем до сих пор, что такое гласность”... Слушая такие высказывания, можно подумать, что перестройка в нашей стране идет медленно, часто только для проформы. А сложившийся стереотип довольно сложно будет сломать в дальнейшем. Поэтому попытаемся доказать, что перестройка, пусть и медленно, но входит в нашу жизнь....»²⁵.

Другой адресант писал о прошедшей в Пермском государственном университете в 1988 г. встрече преподавателей и студентов с православным богословом Л.Н. Абашевым: «Ищем точки соприкосновения, ищем то, что нас объединяет. Борьба за мир, экология, культурное наследие, благотворительность – вот далеко не полный перечень направлений»²⁶.

Один из авторов сочинил стихотворение, посвященное перестройке:

«Боец идущий
А вождь ведущий –
Владимир Ленин в даль глядел:
Пресечь погромы,
в бой миллионы!
Беяк за море улетел.

На ферме дойка,
А перестройка
Есть революция у нас
Вторая, может.
Я вижу тоже,
Что в ней цветущая весна»²⁷.

Однако наибольшее количество писем с положительной оценкой встречалось в 1988 г., впоследствии отношение части граждан изменилось, что нашло отражение и в письмах в редакции.

²⁵ Ремонт в школе // Там же. Ф. 7677. Оп 17. Д. 12. Л. 30.

²⁶ Круглый стол с острыми углами // ПермГАСПИ. Ф. 7677. Оп 17. Д. 13. Л. 12.

²⁷ Перестройка // Там же. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 119. Л. 10.

Например, в одном из писем задавались вопросы риторического характера: «Мы хотим узнать насчет перестройки. Когда она кончится и мы будем нормально жить, какую цель преследуют наше правительство и Горбачев. Россию довели до ручки до нищеты, а цены все растут. Почему мы не пошли курсом Ленина как Китай – они изучают труды Ленина и живут у них все есть и очередей нет сейчас»²⁸. В другом письме автор рассуждал: «Перестройка внесла большие перемены в нашу жизнь, но она ничуть не улучшилась, а становится все хуже и трудней. Политическая и экономическая реформы дают противоположные результаты. С одной стороны – развитие демократии, а с другой – дальнейшее опустение прилавков, магазинов, обострение напряженности...»²⁹. Все более популярной становилась новая форма публикаций – афоризмы. Были среди них и посвященные перестройке: «И ад уже не страшен тому, кто сумел пережить перестройку...»³⁰.

Выводы

Перестройка как проект и новые правила жизни не могли не вызвать реакции граждан. Привлечение внимания к письму могло осуществляться через стилистику речи, обороты, обращения, яркие фразы и акцент на социальный статус адресанта. Таким образом, нами было проанализировано отношение граждан к реалиям перестроечного времени, показаны инициативы авторов писем в рамках данного периода, рассмотрено использование отсылок к перестройке как фактора привлечения внимания к письму.

Отправляя письма в редакции СМИ, авторы преследовали различные цели, такие как популяризация проекта, привлечение внимания к какому-либо вопросу или историческому явлению.

Особое отношение к перестройке в 1989 г. в рамках дискуссии о переименовании одного из проспектов Перми продемонстрировал один из адресантов: он высказал идею назвать его «проспектом Перестройки», но признал, что еще рано и в целом название неблагозвучное³¹.

Посредством написания текстов граждане пытались осмыслить происходящее и дать ему оценку. Так, разворачивались дискуссии о людях, подвергавшихся репрессиям и притеснению со стороны власти, в частности о Солженицыне, обсуждался нашумевший декрет о власти

²⁸ Мы хотим узнать... // Там же. Д. 233. Л. 42.

²⁹ За единство отчизны // ПермГАСПИ. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 212. Л. 128–129.

³⁰ И ад уже не страшен... // Там же. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 260. Л. 79.

³¹ О переименовании // Там же. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 182. Л. 49–49об.

Сахарова. Кроме того, граждане в своих посланиях в редакции газет, которые носили характер «писем во власть», выражали свое отношение к политическим деятелям и их проектам.

Изучение архивных фондов редакций пермских газет позволило не только дополнить массив тематических корпусов обращений и писем граждан в органы власти и СМИ Пермской области, содержащих информацию об общественных движениях. Была выявлена динамика, определены новые темы и проблемы. Вместе с изменением тем можно отметить и динамику форм инициатив и риторики обращений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ехлакова А.Р., Янковская Г.А. Письма в редакцию как локальный историко-культурный активизм в годы перестройки (по материалам пермской прессы) // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2(61). С. 172–185.

Лившин А.Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 139–150.

Студеникина Е.С. «Прошу моей просьбе не отказать»: отражение проблем рабфаковцев 1920-х годов в их обращениях к власти // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 175–185.

REFERENCES

Ekhlakova A. R., Yankovskaya G. A. (2023) Letters to the editorial board to the soviet regional press in 1985–1991 as a form of historical and cultural activism (on the materials of the perm region). Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya). № 2(61). Pp. 172–185.

Livshin A. Ya. (2020) The efficiency of requisition and taxation policies in 1917–1927 in letters “to the authorities”. Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya). № 3 (50). Pp. 139–150.

Studenikina E. S. (2020) “Would you be so kind not to withhold my application”. the 1920-s rabfak students’ problems reflected in their appeals to the authorities. Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya). № 3 (50). P. 175–185.

ОРГАНИЗАЦИИ КНИГОЛЮБОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН В 1980–1990-Е ГГ.

МАТВЕЕВ ЕВГЕНИЙ
ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

Благодарности: исследование
выполнено при финансовой поддержке
РФФИ и Пермского края в рамках
научного проекта № 20-49-590004
«Добровольные общества и низовые
историко-культурные инициативы:
трансформации позднесоветских
социальных институтов и форм
активности во второй половине 1980-х –
1990-е годы (региональный аспект)».

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-230-242

© Матвеев Е. В.

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы основные изменения в работе Всесоюзного общества любителей книги в период перестройки, определены пути развития организаций книголюбков на постсоветском этапе и факторы, которые способствовали выживанию региональных российских обществ и аналогичных структур в бывших советских республиках в 1990-е гг. Общество любителей книги в конце 1980-х гг. частично изменило подходы к работе, прежде всего, на низовом и региональном уровнях. Организации ВОК пользовались возможностями, которые были предложены перестроечными реформами, и включались в кооперативное движение, стремились на новых началах участвовать в насыщении книжного рынка, занимались благотворительностью. Однако в 1990-е гг. большинство организаций прекратило существование, поскольку остатки Всесоюзной организации потеряли привилегированное положение в системе распределения, а книга перестала быть дефицитным товаром.

Ключевые слова: книголюбцы, дефицит, массовые советские организации, перестройка, реформы, рыночные отношения.

BOOK LOVERS ORGANIZATIONS UNDER CONDITIONS OF CHANGE IN THE 1980S AND 1990S.

Evgeniy V. Matveev
Perm State University

Abstract. The article focuses on the main changes in the work of the All-Union Society of Book Lovers during the period of Perestroika, identifies the ways of development of book lovers organizations at the post-Soviet stage and factors that contributed to the survival of both regional Russian and structures in the former Soviet republics in the 1990s. At the end of the 1980s, the society partially changed its approaches to work, primarily at the grassroots and regional levels. Branches of the All-Union Society of Book Lovers took advantage of the opportunities provided by the Perestroika reforms and, as a result, joined the cooperative movement, sought participation in the saturation of the book market under new conditions, and engaged in charity work. However, in the 1990s, most organizations ceased to exist, since the remnants of the All-Union Organization lost their privileged position in the distribution system, and the book ceased to be a scarce commodity.

Key words: book lovers, scarcity, mass Soviet organizations, perestroika, reforms, market relations.

Acknowledgments:

the reported study was funded by RFBR and Perm Territory, project number 20-49-590004 «Mass Voluntary Societies and Grassroots Historical and Cultural Initiatives: Transformations of Late Soviet Social Institutions and Forms of Activity in the Second Half of the 1980s – 1990s (Regional Aspect)».

К началу перестройки в СССР функционировали десятки общественных организаций всесоюзного масштаба. К ним относился связанный с политической социализацией Коммунистический союз молодежи, поощряющее технические инициативы граждан Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов. Одновременно с ними работали профессиональные, просветительские организации, членов которых объединяли те или иные интересы, например, Всесоюзное педагогическое общество, Всесоюзное общество «Знание», Всесоюзное общество филателистов и т.д. Всесоюзное общество любителей книги (далее – ВОК, Общество) нельзя было назвать исключительно досуговой или пропагандистской структурой, деятельность которого включала несколько направлений.

Организация была учреждена в 1974 г. в условиях популярности чтения и книжного дефицита. Стремительный рост количества участников ВОК – к середине 1980-х в нем состояло более 15 млн человек [Гарин, 1989, с. 188.] – объяснялся, с одной стороны, административным подходом и плановыми показателями. С другой, Общество стало одним из участников процесса распределения литературы и выполняло функции стола заказов для некоторых из своих членов. Одновременно, нарекая как отдельных читателей, так и владельцев библиотек книголюбями, Общество продвигало модель рационального чтения, которая подразумевала потребление не только развлекательных книг и журналов, но и профессиональной и политической литературы.

Изменения периода перестройки и начала постсоветского этапа стали контекстом и причиной эволюции организации книголюбов. Каким образом строилась работа ВОК во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.? Как влияли перемены на деятельность Общества? Каким изменениям она подвергалась? Ответы на эти вопросы позволяют увидеть то, как выстраивались отношения общества и государства в границах ВОК в контексте изменений, инициированных сверху, насколько прочными оказались социальные конструкции, институты, сформированные в предыдущие периоды и особенно на позднесоветском этапе.

Во второй половине 1980-х гг. численность книголюбов продолжала увеличиваться – к началу 1990-х в Обществе состояло почти 20 млн человек [Гарин, 1989, с. 188]. Рекордные по меркам массовых советских

организаций показатели достигались в основном за счет вовлечения учащейся молодежи: среди членов организации 53 % были учащимися общеобразовательных школ и профтехучилищ, 9,5 % – студентами высших учебных заведений и техникумов, 37 % – рабочими, колхозниками и служащими [Гарин, 1989, с. 188].

Работа ВОК не претерпевала изменений в начальный период перестройки. Организация по-прежнему получала поддержку учредителей, государства, системы библиотек и книготоргов, продолжала пропагандировать рациональную модель чтения, проводить культурные мероприятия, контролировать систему клубов книголюбов, а также негласно выполнять функцию распределения книжного дефицита. Важным для организации стал 1988 г. На этом этапе Общество книголюбов поддержало новый политический курс, который был обозначен в ходе XIX партийной конференции. Треть из 2250 мест в новом представительном органе – Съезде народных депутатов – должны были занять представители общественных организаций – Коммунистической партии, профсоюзов, Комсомола, объединений ветеранов войны и труда, научных работников, творческих союзов и т.д.¹ Массовые добровольные советские общества получили 10% от квоты – 75 мест. Общество книголюбов получило право делегировать только одного депутата, подобно таким организациям, как Всесоюзное общество борьбы за трезвость, Всесоюзное музыкальное общество и Всесоюзное общество филателистов, в которых количество членов было существенно меньше. Депутатом от ВОК стал первый заместитель председателя Центрального правления организации книголюбов С.Г. Шувалов.

Важной вехой для Общества также стал переход на хозяйственный расчет с 1 января 1988 г. Новый механизм выступил катализатором экономической активности номенклатуры любителей книги на уровне региональных ячеек. Пример добровольной организации любителей книги Пермской области в этом отношении является показательным. Главным источником доходов прежде выступали членские взносы. В 1985–1988 гг. пермское общество выполняло план по доходам: заранее закладывались показатели по взносам от книголюбов, а также по прибыли от платных пропагандистских мероприятий. Переход с начала 1988 г. всех отделений ВОК на хозрасчет вместе с другими предприятиями и организациями по всей стране² в случае Общества книголюбов

¹ О выборах народных депутатов СССР: Закон СССР от 01.12.1988. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14#027881667553520717> (дата обращения: 15.08.2023).

² О переводе объединений, предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозяйственный расчет и самофинансирование: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 665 от 11.06.1987. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=896#007842646435791178> (дата обращения: 15.08.2023).

Пермской области позволил увеличить входящий денежный поток более чем в полтора раза: с 89,2 тыс. рублей до 165,8 тыс. рублей³.

Увеличить доход в новых условиях удалось благодаря нескольким факторам. К ним, в частности, относилась деятельность кооператива «Мастер и Маргарита», который был организован региональным отделением ВОК при областной библиотеке имени А.М. Горького. Его коллектив занимался переплетом книг и журналов, организацией свободного книгообмена. Кроме того, на базе кооператива действовала платная библиотека. Также в Пермской области салоны по переплету и ремонту книг были созданы первичными организациями Кудымкара, Чусового и Березников, а книгообмен с взиманием комиссии практиковали шесть пунктов по всей области.

Еще одним выгодным для книголюбов форматом стали пункты первого чтения: такие существовали не только в Прикамье, но и в Днепропетровске⁴. Также доход пермской региональной организации принес выпуск 50-тысячным тиражом книги «Мастер и Маргарита», которая была напечатана на договорных началах на базе Пермского книжного издательства. Распространялось издание среди активистов общества⁵.

Увеличение денежного потока вместе с выполнением планов по доходам от взносов и платных мероприятий позволило Пермской областной добровольной организации любителей книги, помимо исправного выполнения финансовых обязательств по отношению к Российскому обществу любителей книги, инициировать несколько ресурсоемких проектов. Заработанные с помощью хозрасчета средства откладывались правлением общества в фонд производственного и социального развития, часть которого в размере 30 тыс. руб. была направлена на приобретение оборудования, в том числе видеоаппаратуры, для литературных гостиных и кафе⁶. Первое такое кафе было открыто в 1989 г. в селе Фоки Чайковского района Пермской области, а в 1991 г. – в г. Кудымкаре. В 1989 г. по инициативе областной организации любителей книги был снят фильм про клуб «Светоч», открыт редакционно-издательский кооператив «Альфа» и оплачены 50 тыс. экземпляров публицистической книги «Автограф». Всего на эти цели было израсходовано 53,6 тыс. руб.⁷.

³ ПермГАСПИ. Ф. 105 Оп. 342 Д. 389. Л. 11.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1804. Оп. 1. Д. 678 Л. 32.

⁵ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 342 Д. 389. Л. 5.

⁶ Там же.

⁷ ПермГАСПИ. Ф. 305. Оп. 349. Д. 338. Л. 5.

Внедрение хозрасчета стало стимулом к возрастанию финансовой и организационной самостоятельности отделений общества на уровне регионов и союзных республик. Однако ситуация не везде была одинаковой. В особом положении находились организации книголюбов, обладавшие уже существующими производственными мощностями ВОК, которые позволяли использовать их в новых экономических условиях.

Взросшая активность средней и низовой номенклатуры мало влияла на основные принципы работы организации. Исключением и важным новшеством в этом отношении стала реализация всесоюзной благотворительной акции «Милосердие». В июне 1988 г. Центральное правление Общества отправило организациям книголюбов советских республик предложения по проведению акции. Обращение к участникам акции было одновременно опубликовано в «Книжном обозрении». Им предлагалось заняться сбором и распространением книг среди социально незащищенных категорий населения. Авторы призывали: «Сделаем же так, чтобы прикованные к постели инвалиды детства, войны и труда, воины-интернационалисты были в числе первых читателей всех книжных новинок»⁸.

Идея проведения всесоюзной акции возникла под влиянием как минимум двух факторов. Во-первых, к этому времени помощь пенсионерам, людям с ограниченными возможностями, детским домам, советам ветеранов и т.д. являлась частью деятельности многих структур ВОК. Во-вторых, политика гласности привела к тому, что многие болевые точки социальной жизни, происшествия, последствия катастроф стали предметом открытого обсуждения. Одним из механизмов устранения проблем для государства стало более широкое привлечение населения к их решению. Благотворительность и волонтерство в этом контексте получали статус важных форм социальной активности.

Акция «Милосердие» стала одним из главных направлений работы Общества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Все прежние и новые благотворительные начинания внутри ВОК проводились теперь под эгидой данной акции. Центральное правление в этом случае не выступало с разверсткой плановых показателей по нижестоящим организациям – реализация инициативы зависела от активности республиканских и региональных добровольных обществ. Поэтому «Милосердие» складывалось из множества локальных действий.

⁸ Книжное обозрение. 1988. № 24. С. 14.

Поворот в сторону благотворительных инициатив стал примером трансформации дискурса обобществления, который был актуален в пространстве ВОК в период «длинных семидесятых». В отличие от проекта открытия домашних библиотек данное начинание являлось делом местных читательских сообществ, а не отдельных книголюбов. Идея пожертвования была более реализуемой, чем призывы к обобществлению книжных собраний. В результате рядовые члены общества активно вовлекались в эту акцию: благодаря их поддержке в подшефные организации поступали популярные издания. К примеру, летом 1988 г. Кемеровский дом инвалидов получил комплект из 456 книг, которые были собраны книголюбями объединения «Облкемеровоуголь», анилиноокрасочного завода и областного статистического управления. Среди переданных изданий были произведения А. Платонова, М. Булгакова, других известных писателей, детективы, фантастика. Один из новых читателей инвалид I группы Н. Ляпутин заметил: «Все книги очень хорошие, в магазине их не купить <...> Мы все ценим помощь книголюбов, потому что понимаем, как иногда нелегко расстаться с хорошей книгой»⁹. В конце 1990 г. аппарат объединения «Москнига» приобрел на однодневный заработок в размере 640 руб. 26 наименований детских книг (334 экземпляра) и передал их в ортопедо-хирургическую больницу № 19 города Москвы¹⁰.

Помимо помощи в комплектовании библиотек для нуждающихся и пострадавших, книголюбы осуществляли кампании по сбору денежных средств. Так, пермская областная организация за 1989 г. смогла «с помощью лотерей, литературных вечеров и книжных аукционов привлечь 7,5 тысяч рублей, которые были распределены в Детский фонд им. В.И. Ленина (две тысячи рублей), на расчетные счета детских домов, домов-интернатов и домов престарелых, на открытие социальных столовых в одном из районов г. Перми (полторы тысяч рублей), а также на строительство памятника воинам-интернационалистам (четыре тысяч рублей)»¹¹.

Денежные и книжные пожертвования осуществлялись и на всесоюзном уровне, в частности для помощи пострадавшим в масштабных катастрофах. Так, Центральное правление ВОК перечислило миллион рублей на устранение последствий Спитакского землетрясения в декабре 1988 г. Добровольная организация книголюбов Украины перечислила на эти же цели 54 000 руб.¹² Кроме того, общества любителей

⁹ Книжное обозрение. 1988. № 46. С. 14.

¹⁰ Книжное обозрение. 1990. № 51. С. 14.

¹¹ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 349. Д. 338. Л. 7.

¹² Книжное обозрение. 1989. № 41. С. 14.

книги помогали жителям территорий, пострадавших в ходе Чернобыльской катастрофы: к примеру, Российская добровольная организация отправила 10 000 руб. для создания детских библиотек в Брянской области, а жители Курска Т.И. и Е.Я. Демичевы передали пострадавшим библиотеку, состоящую из трех сотен изданий¹³.

Рост активности республиканских и региональных организаций книголюбов усиливал их автономию от Центрального правления. Эти процессы обостряли противоречия между уставными, навязанными сверху функциями и ориентированными на спрос населения услугами. В этот период оказались востребованными выпуск популярной литературы, малых печатных форм, обеспечение приоритетного доступа к новинкам книжного рынка, открытие видеосалонов под видом литературных гостиных и т.д. Подобные формы активности почти не отражались на низовых организациях: они по-прежнему были обязаны платить взносы, но не имели ни финансовых прав, ни каких-либо официально закрепленных преференций.

Дискуссия на страницах «Книжного обозрения» накануне IV съезда ВОК (1989) обозначила болевые точки и раскрыла основные аспекты критики со стороны рядовых членов Общества и низовой номенклатуры, выявила их запросы к организации. Адресанты писем обращали внимание на несправедливость распределяя финансирования внутри общества, расхождение между идеологической и распределительной ролью организации и на другие противоречия в её деятельности.

Большинство публикуемых реплик относились к возможностям получения дефицитной литературы через ВОК. Некоторые участники дискуссии полагали, что такую функцию Общества необходимо публично признать и зафиксировать в уставе. Показательной в этом отношении являлась реплика В. Кукушкиной: «Единственное, что может быть стимулом, – это книга. Член общества книголюбов должен иметь преимущественные права на приобретение книги, а в самом обществе преимущественным правом должны пользоваться активисты...»¹⁴.

Другие книголюбы выступали против закрепления за Обществом функции книжного распределения. Они настаивали на том, что ВОК должно оставаться пропагандистской и просветительской организацией. Так, Н. Сычева из Камчатской области сетовала: «...большинство членов этого общества ждут от него только одного – возможности приобрести книги! И сколько бы я не объясняла, что задача и стремление – пропа-

¹³ Там же. № 47. С. 14.

¹⁴ Книжное обозрение. 1989. № 8. С. 14.

гандировать книгу, или, по-другому говоря, “заражать” своей любовью к книге других людей, мои страстные речи воспринимались или воспринимаются скептически...»¹⁵. Компромиссом на этом фоне было признание за всесоюзной организацией издательских прав, что позволило бы Обществу создать собственное издательство и выпускать книги исключительно для книголюбов.

По итогам съезда ВОК такие права получило. В 1990 г. Общество стало учредителем издательства «Книголюб»¹⁶. Обновилось также и название: теперь оно называлось «Всесоюзное общество “Книга”». Руководство организации продекларировало курс на реорганизацию ВОК в русле разрабатываемого в тот период закона об общественных объединениях. Кроме того, библиофилы обрели право на создание собственной организации внутри Общества: они сделали это на рубеже 1989–1990 гг.

Тем не менее в ходе съезда не была обозначена четкая позиция по участию ВОК в процессах распределения литературы, порядок финансирования низовых организаций тоже не изменился. В этом контексте многие делегаты разочаровывались в организации, указывая на прежние методы работы и язык общения Центрального аппарата. Судьбу структуры книголюбов в тот момент ярко определил один из делегатов съезда, журналист из Кемерово А.В. Сорокин: «Что будет с нашим обществом, если завтра исчезнет книжный дефицит? <...> Я думаю, что оно этого момента не переживет и умрет на следующий день в том виде, в каком существует сейчас. <...> Зачем же мы лукавим, записывая в проект постановления: “В центре внимания общества находилась литература, способствовавшая более глубокому пониманию перестроечных процессов...”. Кого мы водим за нос? В центре внимания стоят “Королева Марго”, “Анжелика”, Булгаков, Цветаева. <...> Эдак завтра можно организовывать Всесоюзное общество любителей копченой колбасы. <...> Так к ним полстраны запишется. Какие там 19 миллионов. Будет полтора ста миллионов!»¹⁷.

Формально независимое общество любителей книги находилось в зоне влияния власти. В качестве преференций за участие в трансляции официальной идеологии общество получало необходимые ресурсы и относительную культурную автономию. Изменения режима в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стали поводом для появления новых модификаций отношений власти и социума в границах ВОК. Конфликт между пропагандистскими, просветительскими и распределительными функциями благодаря «Книжному обозрению» накануне IV съезда

¹⁵ Там же.

¹⁶ Книжное обозрение. 1991. № 3. С. 14.

¹⁷ Там же. 1989. № 45. С. 6.

вышел в публичное поле и продемонстрировал неопределенность приоритетов организации. С ухудшением социально-экономической обстановки, внедрением принципов свободного ценообразования в книжный рынок, несмотря на успешные локальные попытки использования организациями возможностей коммерциализации деятельности, основы благополучия ВОК пошатнулись.

Вместе с распадом СССР поддержка от государства исчезла, вместе с ней пропали ресурсные преференции, идеологический контроль, рыночные ограничения и т.д. Произошло то, что Б.В. Дубин обозначил как «разгосударствление культуры» [Дубин, 2007, с. 222]. Всесоюзное общество книголюбов прекратило свое существование в прежнем формате вслед за СССР – в январе 1992 г. На основе ВОК был организован Международный Союз книголюбов, который представлял собой конгломерат региональных российских и бывших союзных республиканских объединений любителей книги. Он был зарегистрирован летом 1992 г. Министерством юстиции РФ. К основным целям организации учредители теперь относили «содействие с помощью книги утверждению общечеловеческих ценностей, идеалов свободы, равенства, справедливости, единого духовного пространства»; «проведение общезначимых для Сообщества научных, культурных, информационных и других мероприятий, направленных на подъем национальных культур, усиление связи между книголюбями»¹⁸ и т.д.

В течение 1990-х гг. большинство российских областных/краевых/республиканских организаций, которые по инерции продолжили деятельность после сворачивания ВОК, прекратили свое существование. На сегодняшний день работает не более десятка организаций в регионах России, а также в бывших странах СССР. Количество их участников сократилось с нескольких тысяч до десятков и сотен. Респонденты¹⁹ – руководители сохранившихся книголюбских объединений – выделили ряд причин сложившейся ситуации.

Во-первых, организации любителей книги на заре 1990-х гг. встали перед выбором, который был предметом обсуждения участников накануне и во время IV съезда ВОК: чему отдавать приоритет в работе – пропаганде и просвещению или сбыту печатной продукции? Многие главы бывшего ВОК на местах в этих условиях попытались включиться в развивающийся конкурентный книжный рынок на позициях издателей, перекупщиков и официальных дистрибьюторов книжных издательств.

¹⁸ Положение о Международном сообществе книголюбов. М., 1992. С. 4.

¹⁹ Всего в рамках исследования удалось связаться с тремя представителями добровольных организаций книголюбов.

Во-вторых, местные общества столкнулись с необходимостью выживания в условиях отсутствия государственной поддержки. Собственность ВОК, а также имущество в его владении становились предметом споров с муниципальной и региональной властью: при перерегистрации в первой половине 1990-х гг. часть организаций потеряла право на пользование помещениями. Они буквально оставались на улице, поскольку право льготной аренды было предоставлено еще формально советским структурам книголюбов. С тем же обстоятельством столкнулись представители всероссийской организации в середине 1990-х гг. Одна из респонденток отметила масштаб потери: «Общество Российской Федерации почил в бозе <...> Потеряв свое помещение на Таганке, они перешли на Текстильщики, там в эти три комнатки»²⁰. Вынужденное перемещение в спальный район стало одним из факторов прекращения деятельности.

В-третьих, поддержание функционирования общества часто становилось личным делом руководителя региональной ячейки. Отход от дел в силу усталости, возраста или болезни приводил к тому, что активность организации снижалась и сводилась на нет.

Четвертой причиной являлся советский, часто партийный, бэкграунд руководства обществ. Непонимание рыночных принципов новой книжной культуры представителями бывшей советской номенклатуры не позволяло им действовать в изменившихся условиях.

В качестве пятого фактора представляется возможным выделить неизбежное изменение читательской среды, отношения к книге. Социологи в 1990-е гг. фиксировали падение уровня доверия к печати, снижение интереса к чтению на фоне роста доступности альтернативных досуговых форматов, прежде всего экранных. Происходила «демобилизация литературы» [Дубин, 2007, с. 226]. Книга теряла значение вещного символа престижа и достатка наряду с другими материальными «маяками» советской эпохи: стенкой, коврами, хрусталем [Люди и вещи в советской и постсоветской культуре, 2007, с. 48].

На этом фоне стремительно сокращался актив Общества. Снижение численности «культурной прослойки», падение активности интеллигенции было равносильно распаду костяка организации, который был ответствен за культурную повестку низовых организаций. Иначе говоря, перестали быть деятельными те, кто вел основную просветительскую работу.

²⁰ Интервью с Н.К. // Личный архив автора [инф. 15]. Информант родилась в 1956 г. в г. Иваново. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 24.08.2018. Продолжительность интервью 71 минута.

В этом отношении примером неудавшегося старта в постсоветский период стала история Пермской областной организации добровольного общества любителей книги. Архивные данные позволяют увидеть численную деградацию местной книголюбской структуры: если в конце 1980-х в областном обществе состояло 46 районных и городских, а также одна окружная организация, то в 1994 г. можно было зафиксировать работу только 11 объединений²¹.

Глава Пермской областной организации, Г. Бородулина, которая была лидером местного сообщества с 1986 г., отмечала, что в новых условиях организация столкнулась с трудным выбором: «Сознавая, что коммерциализация деятельности, погоня за прибылью путем наращивания цен – равнозначны потере авторитета общества, а значит, и гибели книголюбского движения. В то же время необходимо было найти источник финансирования своей деятельности в условиях беспрецедентного роста практически всех расходов...»²². В итоге на конференции 19 января 1994 г. было принято решение совместить несколько направлений работы: «Сохранить статус Общества как организации, преследующей культурно-просветительские цели. Обеспечить приоритетное, при более низких, чем в торговой сети, ценах, распространение литературы среди членов Общества через первичные организации. Найти источники финансирования деятельности Общества и улучшения материального стимулирования как сотрудников, так и активистов. Сохранить кадровый состав».

К этому времени книжный рынок Перми и области уже успел сформироваться и легализоваться, а «книжный голод» постепенно шел на спад. Кроме того, устав общества не соответствовал современным реалиям, был построен на основе позднесоветских подходов, хотя и содержал в себе возможность ведения предпринимательской деятельности, был лишен идеологических моментов. Согласно этому документу, сохранялись территориально-производственный принцип формирования первичных организаций, жесткая внутренняя структура, возможность принятия коллективных членов, практика вручения членских билетов, значков, взносов и т.д.

Каких-либо документальных подтверждений активной деятельности Пермской добровольной организации в последующем найти не удалось, кроме самого факта проведения конференции в 1999 г., в рамках которой обсуждался формальный вопрос о необходимости аннулирова-

²¹ ПермГАСПИ. Ф. 1924. Оп. 1. Д. 1144. Л. 10.

²² ПермГАСПИ. Ф. 1924. Оп. 1. Д. 1144. Л. 2.

ния устава областного общества. С 2002 по 2007 г. Министерство юстиции Пермской области (затем – края) фиксировало отсутствие какой-либо отчетности со стороны пермских книголюбов. Это стало предлогом для обращения в судебные органы. Решением суда Ленинского района города Перми организация прекратила свое существование²³.

Секрет выживаемости существующих региональных российских организаций книголюбов в 1990-е гг. заключался в компромиссном сочетании коммерческой деятельности, понимания новых реалий читательской культуры, просветительской работы и сотрудничества с местными властями. Первое выражалось в «умеренном» партнерстве с центральными и местными издательствами. Так, одной из организаций удалось раньше других дистрибьюторов привезти в регион книги по программированию, что позволило ей зарабатывать деньги для проведения своих мероприятий²⁴. Способность выстраивать конструктивный диалог с региональной и муниципальной властью помогала без препятствий зарегистрировать устав регионального общества и продлить льготную аренду помещения, участвовать в программах развития местных территорий, которые были инициированы властью.

Работа Всесоюзной организации книголюбов с началом перестроечных реформ претерпевала ограниченные изменения. Гарантии государства в обмен на лояльность книголюбов к идеологии обеспечивали прочное положение ВОК в дефицитарной читательской культуре середины – второй половины 1980-х гг. Наибольшую гибкость в условиях возрастания частной инициативы проявили представители бюрократического аппарата Общества на уровне советских республик и регионов. Участие в хозрасчетной деятельности, создание кооперативов могли приносить средства, эквивалентные суммам членских взносов и прибыли от плановых мероприятий. Отсутствие свободного книжного рынка вместе с отложенным спросом делали положение ВОК в новых условиях еще более выгодным.

В качестве единой организации Всесоюзное общество книголюбов прекратило свое существование в начале 1992 г. Республиканские и региональные отделения были предоставлены сами себе. Падение режима, исчезновение протекции со стороны властных институтов вместе с наступлением рынка явились главными вызовами для обществ книголюбов. Большинство организаций не выжили в новых условиях и исчезли в течение 1990-х – 2000-х гг. Редкая успешная адаптация

²³ ПермГАСПИ. Ф. 924. Оп. 1. Д. 1144. Л. 57.

²⁴ Интервью с Н.К. // Личный архив автора [инф. 15]. Информант родилась в 1956 г. в г. Иваново. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 24.08.2018. Продолжительность 71 минута.

проходила во многом на фоне сознательного отказа от принципов и форматов, характерных для советских добровольных организаций: массовости, тотальной представленности на местах, большого штата, системы добровольных взносов и т.д. Это позволило существующим ныне региональным организациям эволюционировать из буферного пространства между государством и обществом в один из элементов современного некоммерческого сектора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. М.: Книга, 1989. 192 с.
- Гурова О. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. ст. Новосибирск, 2005. С. 6–48.
- Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 405 с.

REFERENCES

- Garin G. F. VOK: istorija, opyt raboty, problemy. [The All-union society of book lovers: history, experience, problems]. Moscow: Kniga, 1989. 192 p.
- Gurova O. Ot bytovogo asketizma k kul'tu veshchey: ideologiya potrebleniya v sovetskom obshchestve [From Everyday Asceticism to the Cult of Things: the Ideology of Consumption in Soviet Society] // Lyudi i veshchi v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture: sbornik statej. Novosibirsk, 2005. Pp. 6–48.
- Dubin B. V. Zhit' v Rossii na rubezhe stoletij. Sociologicheskie ocherki i razrabotki [To live in Russia at the turn of the century. Sociological essays and developments]. Moskva: Progress-Tradiciya, 2007. 405 s.

БЕКЛЕНИЩЕВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург
Beklenishcheva Mariia Vladimirovna, Research Assistant International Center for Demographic Research of the Ural Federal University, Ekaterinburg
E-mail: bekmv88@yandex.ru

БОГОЛЮБОВ ЕГОР АНДРЕЕВИЧ

Старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Bogolyubov Egor Andreevich, senior lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, HSE University, Saint Petersburg
E-mail: bogolubovegor@mail.ru

БОЛТУНОВА ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА

Д.и.н., директор Института региональных исторических исследований НИУ ВШЭ, Москва
Boltunova Ekaterina Mikhailovna, PhD in History, Director of the Institute of Russia's Regional History, National Research University Higher School of Economics, Moscow
E-mail: ekboltunova@hse.ru

БОРИСЕВИЧ ДАНИИЛ АНДРЕЕВИЧ

Старший научный сотрудник Государственного архива новейшей истории Новгородской области, ассистент кафедры истории России и археологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, аспирант кафедры педагогики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород
Borisevich Daniil Andreevich, Senior Researcher of the State Archive of Modern History of the Novgorod Region, Assistant of the Department of Russian History and Archaeology of Yaroslav the Wise Novgorod State University, first-year postgraduate student of the Department of Pedagogy of Yaroslav the Wise Novgorod State University. Veliky Novgorod
E-mail: Danya_novsu@mail.ru

ВЕСЕЛКОВА НАТАЛЬЯ ВАДИМОВНА

К.с.н., доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
Veselkova Natalya Vadimovna, PhD, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg
E-mail: vesselkova@mail.ru

ЕГОРОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА

К.и.н., научный сотрудник Института региональных исторических исследований НИУ ВШЭ, Москва
Egorova Galina Sergeevna, PhD in History, Research Fellow, Institute of Russia's Regional History, National Research University Higher School of Economics, Moscow
E-mail: gsegorova@hse.ru

ЕХЛАКОВА АЛИНА РИНАТОВНА

старший преподаватель кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь
Ekhlakova Alina Rinatovna, Senior Lecturer, Department of Interdisciplinary Historical Research, Perm State University, Perm
E-mail: Alina.perm@mail.ru

ЛИ БЁНЁБ

Магистр, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России XX-XXI веков. Москва
Lee Byeongyeob, MA in History, Department of Russian History in XX-XXI centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Moscow
E-mail: bylee717@yandex.ru

КАБАЦКОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

К.и.н., доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
Kabatskov Andrei Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State University, Perm
E-mail: afsnik@gmail.com

МАТВЕЕВ ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
Matveev Evgeniy Victorovich, Senior lecturer of the Department of Interdisciplinary Historical research of the Faculty of History and Politology, Perm State University, Perm.
E-mail: matveev757@mail.ru

МАЗИЛОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА

Аспирантка Северного (Арктического) федерального университета, Архангельский краеведческий музей, заведующий отделом, Архангельск
Mazilova Ekaterina Andreevna, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, postgraduate student, Arkhangelsk Lore Museum, head of department, Arkhangelsk
E-mail: nauch@kraeved29.ru, e.mazilova@yandex.ru

НАРСКИЙ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
Narsky Igor Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Interdisciplinary Historical Research, Perm State University, Perm
E-mail: inarsky@mail.ru

НЕПЛЮЕВ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ

преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь; научный сотрудник, Пермский краеведческий музей, Пермь
Nepluev Petr Andreevich, Lecturer, Perm State University, Perm, RF / research fellow, Perm Museum of Local Lore, Perm
E-mail: peter.neplyueff@yandex.ru

САМОЙЛОВА АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА

независимый исследователь, магистр истории (выпускница Европейского университета в Санкт-Петербурге)
Samoylova Anastasia Mikhailovna, independent researcher, Master of History (graduate of the European University in St. Petersburg)
E-mail: anastasya_2128517@mail.ru

ФОКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

канд.ист.наук., доцент кафедры гуманитарных наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения России, Москва
Fokin Aleksander Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Moscow
E-mail: fokin_a_a@staff.sechenov.ru

ЧАЩУХИН АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ

канд.ист.наук., доцент, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
Chashchukhin Alexander Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Interdisciplinary Historical Research, Perm State University, Perm
E-mail: achashuhin@gmail.com

ЯНКОВСКАЯ ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

докт.ист.наук, доцент, зав. кафедрой междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Yankovskaya Galina Aleksandrovna, Doctor in History, Associate Professor, Head. Department of Interdisciplinary Historical Research, Perm State University
E-mail: yank64@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	Академия наук
АССР	Автономная Советская Социалистическая Республика
БГАНДТ	Белорусский государственный архив научно-технической информации
БДООПИиК	Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры
БССР	Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВИА	Вокально-инструментальный ансамбль
ВКП (б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВОК	Всесоюзное общество книголюбов
ВООП	Всероссийское общество охраны природы
ВООПИиК	ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВООПИК	ВООПИК – см. ВООПИиК
ВС	Верховный Совет
ВС СССР	Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик
ВЦСПС	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЮЗИ	Всесоюзный юридический заочный институт
ГААО	Государственный архив Архангельской области
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАНИНО	Государственный архив новейшей истории Новгородской области
ГДР	Германская Демократическая Республика
ГЛАВЛИТ	Главное управление по делам литературы и издательств
ГПТУ	городское профессионально-техническое училище
ГТО	«Готов к труду и обороне», Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс

ДК	Дом культуры или Дворец культуры
ДК ЧТЗ	Дом культуры Челябинского тракторного завода
ДНД	Добровольная народная дружина по охране общественного порядка
ДОП	дружина по охране природы
ДОСААФ	Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
КГБ	Комитет государственной безопасности
КП	Комсомольская правда
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза.
КС	красные следопыты
КПЧ	Коммунистическая партия Чехословакии
ЛМДСТ	Ленинградский межсоюзный дом самодеятельного творчества
ЛРК	Ленинградский рок-клуб
МГООП	Московский городской совет ВООП
МГУ	Московский государственный университет
МВД	Министерство внутренних дел
МИД	Министерство иностранных дел
МСОП	Молодёжный совет охраны природы
ОК	Областной комитет
НИИ	научно-исследовательский институт
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ООП	общество охраны природы
ООПТ	Особо охраняемые природные территории
ОСЧД	Общества советско-чехословацкой дружбы
ПермГАСПИ	Пермский государственный архив социально-политической истории
Поп-клуб	Ленинградский клуб любителей музыки
ПГУ	Пермский государственный университет
ПТУ	профессионально-техническое училище
ПЭЮГЗ	Пермский экспериментальный ювелирно-гранильный завод
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории

РИО	Редакционно-издательский отдел
САФУ	Северный (Арктический) федеральный университет
СЗ	собрание законов
СНД	Съезд народных депутатов
СНК	Совет Народных Комиссаров
СП	Собрание постановлений
СО	Студенческий строительный отряд
ССОД	Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами
СУ РСФСР	Собрание установлений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
УДТК	Уральский добровольческий танковый корпус.
УССР	Украинская Советская Социалистическая Республика
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области.
ЦГАМ	Центральный государственный архив города Москвы
ЦГАМО	Центральный государственный архив Московской области
ЦИК	Центральный исполнительный комитет
ЦК ВЛКСМ	Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи
ЦС ВООП	Центральный совет Всероссийского общества охраны природы
ЧССР	Чехословацкая социалистическая республика

Научное издание

Ответственный редактор:
Г.А. Янковская

Редакционная коллегия:
А.Р. Ехлакова, Е.В. Матвеев, П.А. Неплюев

ПРАВИЛА ИГРЫ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ.
ВЛАСТЬ И ДОБРОВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ В СССР 1960 – 1990-Х ГГ.

Корректор: Л. С. Нечаева
Верстка: А. Р. Харисова
Дизайн-макет: А.Ю. Кожевникова

Фотография обложки: Пермский краеведческий музей.
«44-я отчетно-выборная конференция Лысьвенской городской
комсомольской организации. 1989 г.» ПОКМ-18530/1515.

Подписано в печать 30.11.2023.
Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 14,24.
Тираж 200
Заказ № 277084

Издательский центр Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО "Астер Диджитал"
614033, г. Пермь, ул. Пермская, 46
тел +7 (342) 206-06-86
www.asterdigital.ru

Academic edition

Editor-in-Chief:
G.A. Yankovskaya

Editorial Board:
A. R. Ekhlakova, E. V. Matveev, P. A. Nepliuev

RULES OF THE GAME ON A VOLUNTARY BASIS.
AUTHORITIES AND VOLUNTARY GRASSROOTS ORGANIZATIONS
IN THE USSR, 1960S–1990S

Proofreader: L. S. Nechaeva
Layout: A. R. Kharisova
Design: A.Yu. Kozhevnikova

Cover photo: Perm Museum of Local Lore.
“44th reporting elective conference of Lysva city
Komsomol organization. 1989” POKM-18530/1515.

Signed for printing on November 30, 2023
Format 60x84/16
Conditional printed sheets 14.24
Circulation 200
Order No. 277084

Publishing Center of
Perm State University
Bukirev str., 15, 614068, Perm

Printed from the finished original layout
at Aster Digital LLC
Permskaya str., 46, 614033, Perm
tel +7 (342) 206-06-86
www.asterdigital.ru